

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Academia Rerum Civilium –
Высшая школа политических и общественных наук

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ФЕНОМЕНОВ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

Материалы международной научно-практической
конференции 10–11 марта 2012 года

Пенза – Ереван – Колин
2012

УДК 32:159.9
ББК 66.0+88.37
А 43

А 43 Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 10–11 марта 2012 года. – Пенза – Ереван – Колин: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. –155 с.

Редакционная коллегия:

Дарбинян Армен Размикевич, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор РАУ, действительный член Российской Академии естественных наук, ректор Российско-Армянского (Славянского) университета.

Аветисян Паркев Сергеевич, доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, действительный член Академии Педагогических и Социальных наук России, проректор по научной работе Российско-Армянского (Славянского) университета.

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) государственного университета.

Оганесян Сурен Гайкович, доктор философских наук, профессор, декан факультета общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) государственного университета.

Енгоян Ашот Пайлакович, доктор политологических наук, зав. кафедрой политической теории Российско-Армянского (Славянского) государственного университета.

Сапик Мирослав, доктор философских наук, доцент, проректор Academia Regum Civiium – Высшей школы политических и общественных наук (Чехия).

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, генеральный директор ООО НИЦ «Социосфера».

Ивановская Божена, магистр, докторант Института философии и социологии Польской академии наук.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей, посвященные локальным и глобальным политическим процессам, их социокультурным и психологическим аспектам. Рассматриваются социально-психологические детерминанты и характеристики политической активности, значение и специфика элит и лидеров, этнонациональные особенности политических процессов, модели и технологии эффективной политической коммуникации.

ISBN 978-5-91990-061-0

УДК 32:159.9
ББК 66.0+88.37

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ

Маргарян Е. Г.

На стыке римского и восточноэллинистического
цивилизационных «номосов».

Из истории приевфратской контактной погранзоны..... 5

Чальян М. Э.

Армянские меценаты. Традиция и современность..... 34

Енгоян А. П.

Проблема становления

новой армянской национальной идеологии..... 44

Казданян С. Ш.

К вопросу о политической культуре молодежи Армении 62

Берберян А. С.

Мотивация политического поведения

современной молодежи Армении 65

Мишин В. А., Галиева Р. Д.

Социальная активность населения в регионах..... 75

Петрова С. В.

Этнический компонент в развитии

гражданской политической культуры жителей города Сочи.....77

Халлисте О. В.

Этнический конфликт на территории Эстонии 81

II. ЭЛИТЫ, ЛИДЕРЫ, КОММУНИКАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИКЕ

Елин С. П.

Элита и циклические процессы в обществе 85

Очирова В. М.

Политическая элита: роль и место в современном обществе.....91

Арапханова Л. Я.

Особенности формирования органов власти

и новой постсоветской политической элиты Ингушетии..... 97

Mikšovská Ja.

Aserktivní způsob komunikace.....101

Морозова М. Г. Технологии политической коммуникации в условиях информационного общества	107
Мельникова Т. С. Особенности коммуникационного механизма процесса формирования политического имиджа	112
Альмяшкина О. А. Формирование имиджа политического лидера	116
Анохин М. Г., Гришин О. Е. Имидж, авторитет и репутация политика: технологии формирования	119
Iwanowska В. The Russian Orthodox Church as a source of the legitimacy of Putin's presidential power	124
Гришин О. Е., Спасская Н. С. Политический перформанс как актуальная технология политической деятельности	134
Аверьянова Е. В. Политические технологии партий в рунете	139
Лунёв Р. С. Понятие «нравственный социализм» и деятельность партии «Справедливая Россия» глазами избирателя	141
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году	156
Информация о журнале «Социосфера»	159
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	163

І. ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ

НА СТЫКЕ РИМСКОГО И ВОСТОЧНОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ «НОМОСОВ». ИЗ ИСТОРИИ ПРИЕВФРАТСКОЙ КОНТАКТНОЙ ПОГРАНЗОНЫ

Е. Г. Маргарян

Российско-Армянский (Славянский) университет,
Институт истории Академии наук Армении,
г. Ереван, Армения

Summary. The article, after the example of Euphrates contact zone, manifests the problem of the relationship of the Roman and eastern Hellenistic civilizations. A special role was played by the Roman legions stationed on the Eastern Limes. The Roman camps became the medium in which a new religious and ethical doctrine – Mithraism was formed. This doctrine permeated all the pores of the Roman world and was the end of a long history of Ancient civilization.

Key words: Hellenistic civilization; ΝΟΜΟΣ; Pax Romana; limes; contact zone; Mithraism.

Картина мира, сущностно понятая,
означает не картину, изображающую мир,
а мир, понятый в смысле такой картинки.

Мартин Хайдеггер. Время картины мира

«Цивилизация» принадлежит к числу тех понятий научного и обыденного языка, которые не поддаются сколько-нибудь строгому и однозначному определению. Если попытаться как-то объединить различные его значения, мы, очевидно, получим скорее некий интуитивный образ, чем логически выверенную категорию.

Г. Г. Дилигенский [1]

Контактная зона. Ядро и периферия. Термин «контактная зона» в общественно-политических и социальных науках стал применяться сравнительно недавно. Этим, пожалуй, объясняется разночтение и расплывчатость формулировок в работах исследователей, которые употребляют этот термин в самых различных контекстах. Чаще всего выражение «контактная зона» употребляется в значении «погранзона». Используют его и в значениях «межевая

линия», «буферная территория», «лимитроф», «интерфейс», «кордон». Встречаются более расплывчатые или более специфические (хотя и не всегда оправданные) значения этого термина. Концепция «контактной зоны», безусловно, открывает новые возможности для понимания и трактовки многих исторических реалий древности, Средневековья, а также, почему бы и нет – наших дней. Однако произвольное использование этого термина может лишь дискредитировать само понятие. На наш взгляд, термин «контактная зона» применим лишь в контексте теории цивилизаций. Сама же концепция контактной или пограничной зоны может быть определена следующим образом: «зоны контакта» располагаются между двумя, реже – тремя или четырьмя «доменными зонами» [2], каждая из которых имеет своё «ядро» [3] и «периферии».

Оба эти термина ввёл в оборот Иммануил Уоллерстайн, разрабатывая концепцию «современной мир-системы» (World-System) [4]. Ради удобства используя уже закрепившиеся во многих обществоведческих науках термины Уоллерстайна, мы, тем не менее, не согласны с некоторыми базовыми положениями его теории. Согласно Уоллерстайну «ядро» – это кластер наиболее развитых, «центральных» стран и регионов, задающих направление развитию «мир-системы» и определяющих её ключевые параметры. «Периферия» (не всегда соотносимая с окраинами) состоит из стран и областей, занимающих маргинальное положение в системе, не играющих в ней почти никакой роли. Более того, по мнению Уоллерстайна, «периферия» деструктивна и часто оказывает негативное воздействие на развитие «мир-системы». Наряду с этим определённое место в уоллерстайновской «мир-системе» занимает так называемая «полупериферия», находящаяся в промежуточном положении между «ядром» и «периферией». Оказывая некоторое влияние на жизнь «мир-системы», «полупериферия», тем не менее, не имеет самостоятельного значения и играет подчинённую роль по отношению к «ядру».

Однако теоретические схемы и построения Уоллерстайна определённо страдают однобокостью и упрощённым взглядом на мировую историю. В уоллерстайновской теории роль «ядра» переоценена, наряду с этим, явно занижена оценка «периферии». Даже самый беглый взгляд на всемирную историю позволяет выявить закономерности совсем иного характера: часто, достигнув некоего предела, ядро начинает терять креативные качества, становясь главной причиной системного кризиса той или иной цивилизации, а иногда и всей «мир-системы». В некоторых случаях кризис может стать причиной гибели даже самой сильной и могущественной цивилизации. В других случаях «мир-система» включает подспудные защитные механизмы, подающие импульсы для самообновления «ядра» [5]. При этом импульсы для самообновления поступают именно с периферии цивилизации [6]. В то время как ядро продолжает оставаться

заложенником традиционной ценностной системы, на периферии, в более пластичной и подвижной маргинальной среде, нарождаются и выкристаллизовываются важнейшие идеи и мировоззренческие парадигмы будущей эпохи, способные кардинально изменить архитектуру «мир-системы», в том числе и самого «ядра». С этого момента именно «периферия» задаёт направление всей «мир-системе», определяет её конструктивные особенности и жизненный ритм [7]. В первую очередь это относится к доиндустриальным эпохам.

Подобный взгляд на вещи даёт достаточно оснований для пересмотра роли «периферии» в периодических циклах глобальной «мир-системы». При более пристальном рассмотрении вопроса, «периферия», особенно погранзона, предстаёт своего рода лабораторией, где зарождаются, выкристаллизовываются и проходят апробацию новые цивилизационные парадигмы. В тех случаях, когда «ядро» оказывается достаточно гибким и восприимчивым к инновационным идеям, происходит обновление всей цивилизации, «в старые меха заливается новое вино», по сути говоря, зарождается новый «номос», стыдливо прикрывающийся старым названием. Однако чаще ядро, особенно его консервативная элита, сопротивляется модернизации социума, не допуская встраивания новых институтов и ценностей вместо старых. В таком случае неизбежно происходит смена «ядра», которая из-за неспособности к самообновлению начинает перемещаться на окраину, поближе к источнику целеполагающих идей новой эпохи [8]. Примером деактуализации ядра и его перемещения из центра в периферию может послужить классическая Греция, которая после походов Александра Великого навсегда превратилась в окраину античного мира, уступив доминирующую роль восточноэллинистическим странам. Другим характерным примером может стать нерелевантность классической римской цивилизации, которая во II–III вв. по Р. Х., потеряв былую креативность, оказалась в состоянии системного кризиса. Единственным выходом из этого кризиса вновь стало перемещение цивилизационного ядра на эллинистический Восток, где образовалась Восточная Римская империя – новый тип цивилизации, прикрывающейся именем своей предшественницы.

Такие смещения ядра, на первый взгляд кажущиеся спонтанными и неожиданными, на самом деле вполне предсказуемы. Дело в том, что ядро жёстко и консервативно, оно медленно реагирует на цивилизационные вызовы новых эпох. В противоположность этому социально-политическая природа периферии в макросоциальных системах двойственна и подвижна, что делает её более чувствительной к новым цивилизационным парадигмам [9].

Особенно пластичной и маневренной частью любого социума являются маргиналы. Маргинальность обычно связывают с болезненными психологическими переживаниями и рассматривают как негативное явление. Однако, как было показано социологами и психоло-

гами, небольшая, но наиболее креативная часть маргиналов способна сублимировать свои психологические переживания на создание новых ценностей. При этом характерно стремление части маргиналов не столько приспособиться к традиционным общественным институтам (в этом случае они просто перестали бы быть маргиналами), сколько к изменению существующих социальных структур. Именно они, благодаря своей пластичности, часто оказываются единственными поисковыми, инновационными элементами в консервативных традиционалистских сообществах. Маргиналы нередко становятся медиаторами между различными, иногда полярно далёкими культурами. Подобная пограничность подчас делает маргиналов единственным элементом, способным создавать на периферии новые цивилизационные ценности. Будучи элементами транзитивными и адаптативными, маргиналы оказываются особо эффективными именно в транзитивные эпохи, оттесняя на задний план косную элиту и становясь главными действующими лицами своего времени [10].

Характерным примером креативности «периферии» можно считать маргинальную Палестину, в начале I тысячелетия породившую такую маргинальную религию, как христианство, определившее ход мировой истории на тысячелетия вперёд. Аналогичным примером, безусловно, является ислам, сформировавшийся в далекой Аравии, на окраине варварского и цивилизованного миров. Эта новая религиозно-этическая система смогла за короткий срок вытеснить зороастризм и стать доминирующей в большей части средневекового цивилизованного мира.

Не менее интересным примером является павликианская ересь, в VII в. возникшая на границе между двумя враждебными мирами, Арабским халифатом и Византийской империей. Вылившись в мощное движение, эта ересь IX в. едва не опрокинула Восточную Римскую империю. Характерно, что павликианская ересь образовалась преимущественно в армянской среде, в той части мир-системы, по которой некогда проходила граница *PAX ROMANA* и *PAX IRANICA*. Именно здесь, в Западной Армении, Коммагене и Понте, некогда зародился митраизм, распространившийся по всей территории необъятной Римской империи. Конечно, это было не случайным совпадением: с одной стороны, павликианская ересь образовалась под сильным влиянием древних местных и иранских культов, в рудиментарной форме сохранившихся среди населения этих стран, с другой – это было обусловлено пограничным положением этих стран и областей. Не следует забывать и о традиционном маргинальном характере местного населения, не принадлежавшего ни к одному из миров и вместе с тем бывшего их неотъемлемой составной частью.

Все эти обстоятельства делают Уоллерстайновскую теорию «ядра» и «периферии» уязвимой и половинчатой. Для преодоления этой половинчатости мы сочли необходимым дополнить её некоторыми

принципиальными подходами, разработанными А. Тойнби [11], Ф. Бэгби [12] и К. Квигли [13], утверждавших, что зарождение новых цивилизаций происходит, как правило, не в недрах старой цивилизации, а на её границе, в условиях взаимодействия двух и более культур. Такого рода взаимодействие – весьма распространённое явление, оно возникает, так или иначе, на границах всех культур. Однако непременным условием такого взаимодействия должен быть его устойчивый характер. Если же взаимодействие носит спорадический характер и ограничивается лишь случайными контактами, вероятнее всего, в его зоне так и не образуется новая культура, тем более новая цивилизация.

Таким образом, в результате длительного взаимодействия, поначалу медленно и незаметно, происходят тектонические сдвиги, завершающиеся спонтанным взрывом, в результате которого однажды ядро и периферия могут поменяться местами. Однако подобная трансформация совсем не обязательна. Из многих тысяч случаев лишь один может оказаться в цивилизационном аспекте плодотворным. Особым случаем в истории цивилизационного синтеза выступает культура с двумя ядерными образованиями или же с неустоявшимся, антиномичным ядром, через которое может пройти раскол.

Лимес как контактная зона. Цивилизация – понятие многомерное и может проявляться, по меньшей мере, на двух уровнях – темпоральном (пространственно-временном) и духовном (НОМОС [14], РАХ [15]). Однако эти уровни далеко не всегда аутентичны и при наложении часто не совпадают. Между двумя или несколькими цивилизациями, а также между цивилизацией и так называемым варварским миром имеется чётко обозначенная погранзона, порубежье. В отдельных случаях погранзона призвана служить непроницаемым кордоном между абсолютно враждебными цивилизациями и сообществами (Китайская стена, Линия Мажино, Линия Маннергейма, Железный занавес вокруг СССР и его сателлитов в годы Холодной войны и пр.), в других же случаях выступать в роли зоны контакта. Контакторами могут выступать две и более цивилизации, либо цивилизация и «варварская стихия». Характерным примером такой контактной зоны можно считать почти сплошную цепь североэллинистических городов-государств, опоясывающих Северное Причерноморье. Как известно, эти полисы выполняли медиационную роль между скифскими племенами и греческими колонистами Северного и Западного Причерноморья. Другим характерным примером зоны контакта, безусловно, является римский лимес [16]. Самые известные участки лимеса – Верхнегерманско-ретийский лимес, протяжённостью в 550 км и Вал Адриана в Великобритании. Остатки лимеса сохранились до наших дней на территории Шотландии, в районах Рейна и Дуная, а также в западной части Северной Африки [17]. Через лимес осуществлялись контакты как между западной и восточной

цивилизациями, так и между цивилизацией и варварской стихией [18]. Впрочем, лимес был не просто границей, прежде всего, эта непрерывная стена была символом силы и могущества империи, водоразделом между PAX ROMANA и остальным миром.

Особое место в оборонительной системе Рима занимал Приевфратский лимес, расположенный на восточном рубеже империи. Он во многом отличался от лимесов в Западной Европе и Северной Африке. Этот лимес служил водоразделом не между цивилизованным и варварскими мирами. Он разделял две враждебных, но в чём-то схожих цивилизации [19]. Именно этим обстоятельством была обусловлена большая прозрачность границ между империей и заевфратскими странами. Как было показано британским исследователем А. Ли, передвижение через римско-иранский пограничный кордон носило более интенсивный характер, чем через другие границы PAX ROMANA. Более того, среди нарушителей границ на Востоке всегда было больше тех, кто сумел обойти заградительные отряды римских войск, нежели тех, кого задерживали [20]. Граница империи в Британии, Германии и на Дунае была практически непроницаема. Нетрудно догадаться, что прозрачность восточных рубежей империи была обусловлена, прежде всего тем, что римские погранвойска не придавали большого значения несанкционированному передвижению частных лиц и даже больших групп людей через восточный лимес, если только это не были бандформирования или соединения вражеской армии.

И тем не менее на протяжении столетий напряжение на этом участке периметра границы империи постоянно возрастало. Это хорошо демонстрирует динамика роста численности вооружённых сил на восточных рубежах. Так, при Августе количество легионов здесь возросло с двух до трёх, при Тиберии – до четырёх, при Веспасиане их уже было шесть, при Траяне – семь, восемь – при Антонине Пие, десять – при Каракалле и двенадцать – при Аврелиане. В общей сложности численность личного состава возросла приблизительно в пять раз, с 30-ти до 150-ти тысяч [21]. Такое возрастание прямо противоположно тому процессу, который наблюдался на большей части других фронтов. Тем не менее, даже к концу III в. численность вооружённых сил на этом участке никогда не достигала уровня тех контингентов, которые были сосредоточены против германцев – за Рейном и особенно в верхнем течении Дуная [22].

Стратегия империи на восточном направлении, более чем где-либо, зависела от рельефа местности и человеческого фактора [23]. К северо-востоку от Приевфратского лимеса, в горах было расположено царство Великая Армения, третье по величине и силе государство в регионе, после Рима и Парфии. Это эллинистическое государство со славным прошлым, управляемое династами из дома Аршакидов, традиционно проводило политику «третьей силы», баланси-

руя между двумя самыми могущественными державами древнего мира. Хотя со времён Помпея Армения была «другом и союзником римского народа», зная страны периодически устраивала антиимперские демарши, изгоняя проримски настроенных правителей, тем самым демонстрируя свою приверженность к восточноэллинистическим ценностям. Это принуждало империю постоянно держать в подконтрольном римлянам Алдзнике и Цопке (под Аршамашатом) два так называемых Армянских легиона (*Legio Armeniaca Prima* [24] и *Legio Armeniaca Secunda* [25]). Позднее, на закате Римской империи, эти легионы стали комплектоваться преимущественно из армян. Южная часть лимеса проходила по пустыне, отделявшей Палестину, Сирию и Финикию, между которыми был расположен караванный город Пальмира, контролирующий все гражданские и военные контакты этого региона [26]. Не имея возможности для организации лимеса по всей длине Евфрата, римляне расположили свои легионы в самых уязвимых и стратегически наиболее важных районах [27]. Поскольку здесь никогда не существовало чётко обозначенной оборонительной линии, вроде Адрианова вала, главная ось этой военной организации представляла собой сеть лагерей, расположенных вдоль дорог, приблизительно в одном дне пути друг от друга. Даже самый большой лагерь насчитывал не более трёх легионов одновременно [28]. Так, в Каппадокии, ещё в 17 г. по Р. Х., превращённой в римскую провинцию, постоянно располагались два легиона. На юге – в Мелитене был дислоцирован XII Молниеносный легион (*Fulminata*), на севере, в древней армянской крепости Сатала, на границе между Малой Арменией и Каппадокией, были размещены вначале XVI Флавиев, а затем XV Аполлонов легион.

В Сирии (в состав которой формально входили Иудея, или Палестина) также было расквартировано несколько легионов. В Коммагене, недалеко от Самосаты, начиная со II в., расположился знаменитый XVI Флавиев легион. Эмеса служила местом размещения в течение двух первых веков нашей эры III Галльского легиона (*Gallica*). Затем он был направлен на юг Финикии. Лаодикея приняла VI легион *Ferrata* в I в. и II Траянов легион в начале II в. В Кирре в эпоху Юлиев – Клавдиев находился X легион *Fretensis* (образованный за проливом), затем IV Скифский легион. К этим соединениям со времени Септимия Севера нужно прибавить I и III Парфянские легионы, равно как и многочисленные вспомогательные войска, в частности конницу (во время кризиса III в.), а также флот Сирии (*classis Syriaca*), сформированный со времен правления Флавиев или Траяна. В довершение Аврелиан размещает на юге Финикии I Иллирийский легион. Все эти войска должны были преимущественно контролировать броды, колодцы и мосты, весьма значимые с военной точки зрения, поэтому их охраняли многочисленные дозорные укрепления, часто простые башни. И, как водится, сеть до-

рог соединяла различные компоненты оборонительной системы. Но по-настоящему эта стратегическая организация была доведена до совершенства только в эпоху Тетрархии, когда *strata Diocletiana* – дорога Дамаск – Пальмира – Зура оказалась полностью укреплена. Караванный город Пальмира, столь важный с военной точки зрения, составляет часть той же стратегической системы, хотя он пользовался определённой автономией [29] (на деле в нем был установлен скорее режим протектората), а Дура-Европос, где находилась одна когорта, служила аванпостом.

Известно также, что римляне в немалой степени были озабочены не только надёжностью лимеса, опоясывающего непосредственно империю, но и состоянием дел в подконтрольной иранским правителям Северокавказской погранзоне, призванной защищать Переднюю Азию от непрерывных вторжений беспокойных кочевнических народов, обитавших на бескрайних просторах южнорусских степей [30]. Так, ещё со времен Помпея римляне нередко брали на себя часть расходов по содержанию иранских гарнизонов, охраняющих Аланские ворота и Ворота Чора [31] (напротив Дарубанд-Дербента) [32].

Историки и археологи уже давно отказались от мысли, что лимес был исключительно защитным сооружением, непроницаемым кордоном. Скорее, он был своеобразной мембраной между двумя мирами, обеспечивающей хорошо дозированный обмен товарами, культурными ценностями, идеями, религиозными представлениями и пр. Характерная деталь – Великая Китайская стена не имела ворот, в то время как по всему периметру лимеса были основаны форпосты с пропускными пунктами.

Наиболее близким греческим эквивалентом понятия лимес, пожалуй, является *теменос* [33], порубежная сакральная зона, расположенная посередине между территориями разных общин и охраняющая центр от чуждого враждебного влияния. Издревле *теменос* был известен как пространство, населённое всевозможными маргинальными [34] элементами (изгоями, беглыми рабами, спасающимися от мести кровников и обретшими убежище в храме убийцами, чужестранцами, рабами, обслуживающими священную территорию и пр.). Находясь на границе различных социальных групп, систем, статусов, культур и испытывающие влияние их противоречащих друг другу норм и ценностей, эти пограничные элементы в жизни традиционных сообществ провоцировали разного рода социальные трансмутационные изменения [35].

Однако если в архаическую эпоху лимес-теменос воспринимался как межа между общинными землями, то в последующие эпохи это понятие обрело новое расширительное значение и стало восприниматься как неустойчивая окраина имперской или цивилизационной платформы, так называемого *Номоса*. К примеру, на востоке

Римский лимес стал границей между PAX ROMANA и восточноэллинистическим номосом, расположенным по ту сторону Евфрата [36]. Любой, кто выходил за рамки собственного Номоса, бросал вызов законам, нарушал божественные установления, что автоматически делало его врагом людей и богов. Поэтому в 62 г. по Р. Х., в разгар римско-парфянской войны (54–64 гг.), ни парфянский царь Вологес и его брат Тиридат, царь Армении, ни легат Сирии Корбулон, так и не решились форсировать реку Евфрат, бывшую границей между двумя сверхдержавами региона и перенести военные действия на территорию врага. Слишком велики были ставки и любой, кто перешёл бы лимес, ставил себя вне закона и рисковал потерять всё [37].

Особенно ревностно римляне охраняли северный и южный лимесы, отделяющие империю от варварского мира. Причём пограничный лимес считали священным не только римляне, но и варвары. «Преступая границу, варвары нарушали политические и нравственные законы своей общины, нормы своего племенного права. Римлянами переход границы рассматривался как нарушение римского права, как стремление врага-варвара начать войну с римским народом. Поэтому война Рима с варварами всегда была справедливой (*bellum iustum*). Переход границы врагом приравнивался римским правом к разбойничьим действиям (*latro*) и карался по закону. Лимес в психологическом плане... представлял для племён грозной укреплённой цитаделью, которую они должны были преодолеть силой... На таком значении лимеса как границы оградительной строилось одно из представлений государственно-правовой мысли римского общества в отношении варварского мира» [38].

На восточных рубежах политика Рима была несколько иной. Здесь, между подвластными Риму средиземноморскими странами и враждебным иранским миром, империя стремилась создать своего рода санитарный кордон, лимитроф [39], состоящий из находящихся в орбите римского влияния государств и государственных образований. По сути, лимитроф – это юридически оформленное промежуточное пространство между империями или цивилизациями. На его территории римляне могли без ограничений размещать и перемещать свои войска. Большинство лимитрофных государств управлялось местными династами, взаимоотношения с которыми римляне строили на основе «дружбы» (*amicitia*) [40] и «союзнчества» (*societas*) [41]. Статус «друг римского народа» даровался сенатом и римлянами как одному лицу, так и общине в целом – после установления мирных отношений – Liv. XXXI. 11.16. «Дружбе» с царями, как правило, предшествовало *deditio* – сдача на милость победителя, с обязательной выдачей оружия побеждённой общиной или государством. После этого акта могли заключаться любые договоры. «Дружбу» с тем или иным народом римляне заключали лишь после победы над ним. Целью договора о «дружбе» было умиротворение враждеб-

ного племени или государства и приобщение его к римским порядкам [42]. Удостоенный римской «дружбы» царь получал римское гражданство, обеспечивающее ему иммунитет, защиту и покровительство римского государства [43]. «Дружба» и «союзничество» часто шли рука об руку, однако одновременное установление дружбы и союзничества было совсем не обязательным условием [44].

Однако наряду с амикальными отношениями существенную роль во взаимоотношениях с лимитрофными государствами играл и институт «гостеприимства» (*hospitium*). Будучи пережитком кровнородственных отношений, гостеприимство в римской общине существовало всегда. В римской традиции первые упоминания о гостеприимстве связаны с Энеем и относятся ещё к гомеровскому периоду. Однако в правовой институт «гостеприимство» оформилось значительно позднее, приобретя двойную форму. С одной стороны, гостеприимство принадлежало праву народа (*jus gentium*), с другой – праву римской общины (*jus civile*), ибо само «гостеприимство» исходит от римской общины и действует в интересах этой общины. Ещё со времени Пухты [45], многие исследователи рассматривают институт «гостеприимства» как пример продуктивного влияния чужеземного права на право римское. «Это чужеземное право было правом, в сущности, переселенцев, и выступает оно как международное право, как право народов, вошедших в состав римского государства. Оно явилось основой и для внешней политики Рима, как на Западе, так и на Востоке. Гостеприимство было инструментом и для установления отношений Империи с племенами за лимесом, так как в варварской среде отношения племён с Империей часто строились с учётом гостеприимства. Гостеприимство было одним из важнейших правовых институтов, на котором покоилось всё здание римского государства» [46].

В период расцвета Римской республики гостеприимство становится одним из факторов внешней политики Рима. Особенно ярко это проявилось во взаимоотношениях Рима с эллинистическими государствами Передней Азии. Как было показано многими исследователями, посыл римских легионов на территории дружественных и союзных Риму государств осуществлялся по принципу *per hospitia* – Suet. Tib. 37.1 [47]. Это означало, что расквартированные на территории этих стран римские гарнизоны имели статус «гостя», находящегося под защитой богов. Гостеприимство подтверждалось принесением нерушимой клятвы верности (*iusiurandum*), скреплённой возлиянием вина и молока [48]. Институт гостеприимства находился под защитой главного божества римской общины – Юпитера-Гостеприимца (*Juppiter Hospitalis*), позднее главным божеством, охраняющим институт «гостеприимства», стал защитник границы-лимеса и карающий клятвопреступников грозный Митра (об этом см. ниже).

К этому остаётся только добавить, что во II – I вв. до Р. Х. в Передней Азии лимитрофными образованиями, юридически (часто

вопреки собственной воле) связанными с Римом узами «дружбы» и «гостеприимства», стали Пергам, Вифиния, Галатия, Пафлагония, Писидия и Капенистая Киликия. Со временем, по мере продвижения римлян дальше, на Востоке большинство из этих лимитрофных государств оказывались в значительном отдалении от интерфейса (переднего края). Перестав исполнять роль санитарного кордона, эти царства и правившие ими компраторские династы потеряли для римлян свою актуальность. Как следствие, все они лишились своего формального суверенитета и стали частью той или иной римской провинции. Роль же санитарного кордона перешла к таким странам, как Пальмира, Коммагена, Каппадокия, Малая Армения, Понт, временами роль буфера играла и Великая Армения. Подобно своим предшественницам, все эти страны со временем также были удушены в «дружеских объятиях» Рима и без остатка поглощены им [50]. Из перечисленных стран, последней свой формальный суверенитет потеряла Западная Армения, которая спустя два года после раздела Великой Армении 387 года вошла в состав Римской империи, объединившись с Малой Арменией.

На переднем краю. Лимес, с одной стороны, являл собой непроницаемый кордон, с другой – довольно открытую, интерактивную среду. В этом мире междумирий встречались различные цивилизации, организовывались торжища, производился обмен товарами и идеями. На протяжении почти всей истории Рима на окраинах империи основными цивилизационными агентами Рима были легионеры, а главными очагами конвергенции местных и имперских цивилизационных ценностей были римские военные лагеря и поселения. Известно, что римский лагерь [49], как и сама римская армия [51], были своего рода моделью римского социума [52]. Римские погранзаставы (*vicus*) сооружались по образцу военного лагеря: посреди крепости находился командный пункт (*officium*), рядом располагались святилища (*sacellum*), чаще всего посвящённые Юпитеру Долихену, Митре и императорскому культу, снабжённые специальным жертвенником, арсенал (*arsenal*), склады амуниции, кладовые и амбары для хранения зерна (*horreum*), мастерские (*fabrica*), архив (*tabularium*) и лазарет (*valetudinarium*). По обе стороны от шатра командующего (*praetorium*) располагались солдатские казармы (*scamnum*) и дома для старших офицеров, а вокруг стен лагеря шумел канаб [53] (*canabae*) – скопление мелких лавочек, таверн (*taberna*) и лупанаров (*lupanar*), которыми обрастала каждая крепость [54]. Впрочем, помимо проституток и маркитанток (*lixa*) в этих городках тайно жили и солдатские жёны (*concubina*), чаще всего из местных, ожидавшие разрешения на официальный брак [55]. Легионер имел право вступить в законный брак (*matrimonium iustum*) только после 40 лет [56], когда истечёт срок контракта (*missio honesta*). Однако солдаты, отслужившие больше половины

установленного срока, нарушали предписания и (конечно, только в мирное время) по-полдня проводили за пределами лагеря, являясь на службу утром и покидая лагерь вечером, до закрытия ворот.

Многие из отслуживших легионеров (*evocatus*) за время службы успевали обзавестись семьей и небольшим имуществом (*bona castrensis*). Некоторые так и оставались жить в этих поселениях, не порывая отношения с гарнизоном [57], бывшим своего рода моделью Рима на периферии римского мира [58]. Однако в имперский период образовалось немало поселений осевших ветеранов [59]. Дети этих легионеров, чаще всего от смешанных браков, одинаково хорошо владевшие латинским (точнее так называемой кухонной латынью) и, по крайней мере, одним из местных языков, также становились солдатами и офицерами, либо обозными маркитантами при римском лагере.

Эти обладающие высокой адаптивностью маргинальные или полумаргинальные элементы (Зомбарт называет их «исключёнными») [60], составляли основу приграничного негодичества. Безусловно, предпринимательством, в том числе внешней торговлей, занимались и сами римляне, но это было предпринимательство паразитическое, направленное на выкачивание средств и ресурсов из захваченных и «дружественных» стран. Занятие подобного рода предпринимательством считалось делом достойным и престижным не только для всаднического сословия, но и для патрициев (*mercatura magna, mercatura navicularia et oneria*). Торговля с варварами и инородцами, особенно челночная мелкорозничная (*mercatura tenuis* или *mercatura institoria*), с точки зрения римлян традиционно считалась занятием не престижным [61]. Поэтому предпринимательство подобного рода, как правило, отдавалось на откуп чужакам. Чаще это были инородцы, обладающие римским гражданством, или перегрины (чужеземцы) и вольноотпущенники, удостоенные права торговых сношений – *peregrinos, quibus commercium datum est* – Ulp. Fr. XIX. 4. Правда, свою деятельность они, как правило, осуществляли под покровительством своих патронов из знатных и влиятельных римлян. Так, Цицерон совершенно недвусмысленно выразил традиционное отношение римлян к торговле: «На мой взгляд, торговля, если она мелкая – вульгарна, однако крупную торговлю, охватывающую целые страны и доставляющую товары с мирового рынка, чтобы распределять их между жителями, не обманывая их и не заговаривая им зубы, отнюдь не следует совершенно отвергать». “*Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est, sin magna et copiosa, multa undique apportans, multaque sine vanitate impertiens, non est admodum vituperanda*” (Cicero De Officiis, I. 151). Комментируя этот отрывок, Зомбарт пишет: «В моей терминологии: быть предпринимателем-завоевателем – это ещё куда ни шло, но быть предпринимателем-торговцем – недопустимо для человека, который сколько-нибудь себя уважает» [62].

Тем не менее, челночная торговля между римским и неримским миром процветала. Приграничные коммерсанты, независимо от происхождения, пользовались своеобразным иммунитетом как со стороны римских солдат, так и у их противников. Они могли свободно бродить как в местах постоянной дислокации, так и в походных лагерях обоих противников. Здесь они скупали у солдат и командования военные трофеи и, самое главное, пленных, которых содержали в особых резервациях, до тех пор пока не получат соответствующий выкуп от родных и близких пленённого, после чего либо отпускали его на волю, либо продавали на невольничьих рынках. Для этого часто заключались предварительные соглашения о гостеприимстве, в результате которых договаривающиеся стороны обменивались амулетами и тессерами, после этого «чужак», «иной» становился ксеном, кунаком. Тессеры обеспечивали их обладателям не только неприкосновенность, но и давали право на гостеприимство на чужой территории, по ту сторону лимеса [63].

Дело в том, что в древности торговля часто шла рука об руку с войной, и часто именно войны становились стимулом для развития торговли между народами. Эту связь войны и торговли отлично понимали древние. Заканчивая военную кампанию, которая, не приводила к окончательному подчинению страны и превращению её в римскую административную единицу, римляне заключали на выгодных для себя условиях торговые договоры. Обговаривались для римских негоциантов всевозможные преференции – *Romani duces semper in bellis commercium habuere curram* – *Plin.* NH. XXVI. 9. Торговля римлянами воспринималась как средство подчинить ещё не до конца завоёванную страну, вовлечь её в орбиту римских экономических интересов и правового поля [64]. Нередко полному завоеванию страны предшествовало завоевание его рынков. Не случайно практически все рецидивы антиримских настроений, как в эллинистических странах, так и в мире варварских племён, выливались в погромы и избиения римских купцов и деловых людей, чересчур агрессивно захватывавших рынки «дружественных» стран и беспардонно вытеснявших оттуда местных купцов и предпринимателей. Так, ещё в 88 г. до Р. Х. Митридат Понтийский практически во всей Малой Азии устроил грандиозную резню, в результате которой погибло ок. 80 тыс. колонистов (в основном негоциантов) и членов их семей (ок. 10 000 чел.). Немногим позже так же поступил Арташес II, сын армянского царя Артавазда II, в 30 г. до Р. Х. изгнавший римского ставленника из Армении. Своё восшествие на отцовский престол и освобождение эллинистического Армянского царства из-под римского влияния Арташес ознаменовал массовой бойней римских колонистов, в основном военных и торговых людей. Неоднократно организовывали массовое истребление римских торговцев парфяне и персы.

Безусловно, торговля на лимесе, и особенно за его пределами, считалась делом рискованным и опасным. Римские негоцианты нуждались в гарантиях своей безопасности не только со стороны властей и армии, но и возможно, более надёжных и долговременных гарантий – сакральных сил. Поэтому международная торговля на лимесе велась под покровительством особых божеств. Как неоднократно отмечалось исследователями доиндустриальных экономических отношений, первоначальная торговля в основном была международной и отличалась от большинства современных форм торговли [65]. В архаическую эпоху обмен и торговля имели амбивалентную природу, которая проявлялась в её меркантильной и одновременно сакральной сущности. Подобно всем видам деятельности архаичного человека, обмен товарами нёс на себе отчётливый отпечаток религиозных и нравственных воззрений той эпохи [66]. Как показали исследования этнологов и антропологов последних двух столетий, ранние формы торговли осуществлялись в основном без посредников [67]. Более того, поначалу торговля была «немой» и опосредованной, так как продавец и торговец обменивались товарами не видя друг друга [68]. Встреча участников торговых сделок неизбежно влекла взаимные враждебные действия продавца и покупателя. Торг, как правило, заканчивался потасовками и даже грабежами и убийствами.

Отрицая чисто экономический характер древнего обмена, критикуя «наивно рационалистические» объяснения древних форм торговли, первыми первичность сакральных мотивов торговли по отношению к утилитарным показали И. М. Кулишер и В. В. Латышев. Позднее О. М. Фрейденберг вскрыла новые глубинные пласты древнего обмена. Согласно Фрейденберг: «Люди-тотемы из другого клана рассматривались как “враги” в хтоническом значении: межа отделяла одно поселение от другого, и эта межа была “горизонтом”, “дверьми”, “воротами”, границей неба-преисподней; за межой – преисподняя. Отсюда – большое значение межевых камней, стен, заборов, значение настолько большое, что впоследствии оно делается сакральным. Человек, пришедший из чужого поселения, считался “врагом” – однако, если он в рукопашной борьбе не был побеждён, он делался “другом”» [69].

Однако со временем, по мере развития рыночных отношений, «немая» меновая торговля, с участием «эпифанирующих» купцов и покупателей изживает себя, уступая место торговле денежной. И тогда, как правило, появляются торговцы-посредники, для которых челночная или стационарная торговля становится основным занятием, профессией. Как было показано исследователями [70], посредническая торговля во многих странах мира стала занятием исключительно маргинальных этнических групп, проживавших или обосновавшихся вдоль лимеса. Так, проживающее вдоль всего верхнегерманско-ретийского лимеса германское племя гермундуrow имело

специальную привилегию посреднической торговли на всём северном интерфейсе Римской империи. Гермундуры вели торговые операции по обе стороны верхнего течения Дуная и даже беспрепятственно проникали в глубь римских провинций, что было невозможно для представителей других германских племён. А Марциан в своих объяснениях Езекиеля о сиро-палестинцах в Римской империи замечает: «До сегодняшнего дня в сирийцах живёт такое врождённое рвение к делам, что они из-за наживы исходят все земли; и так велика их страсть торговать, что они повсюду внутри Римской империи среди войн, резни и убийств, стремятся нажить богатства» [71].

Митра как главный охранитель института гостеприимства на восточном Лимесе. Гарантией безопасности торговых людей и предпринимателей был феномен гостеприимства. Союз, обозначенный как гостеприимство, обычно был результатом войны. Для заключения союза о гостеприимстве требовалось непременно произнесение клятвенных заверений, засвидетельствованных богами и пенаматами. Гостеприимство действовало во время мира, но, как свидетельствует Марциан, даже во время войны купцы-посредники из «чужаков» (греки, сиро-палестиняне и пр.), продолжали свою деятельность.

Многочисленные свидетельства античных авторов, подтверждённые археологическими данными, указывают на то, что в республиканский период и в эпоху принципата институт гостеприимства находился под защитой главного божества римской общины – Юпитера-Гостеприимца (Juppiter Hospitalis) [72]. Нарушение гостеприимства было одновременно нарушением клятвы "Верности", которая давалась при вступлении в такой союз. Нарушение такой клятвы каралось римским обществом, так как оно было нарушением божеского права. Это право нужно было свято соблюдать вследствие самой его природы, ибо оно исходит от божества, в то время как право гражданское было учреждено законами человеческого общества и могло быть изменено [73]. Святость и нерушимость договора связывалась у римлян с религиозным понятием о божественной сущности Фидес (Fides) [74], которая ведёт своё происхождение от религиозных обычаев предков (*mos majorum, consuetudo*). Божество, надзиравшее за верностью клятвы, имело чрезвычайно древнее происхождение и почиталось ещё тогда, когда в Риме в качестве законов действовали обычаи предков (*iure eam legibus ac moribus de integro condere parat*) (Liv. 1.19.1) [75]. Из всего этого можно заключить, что гостеприимство, будучи правовой нормой общения народов, по самой сути этих норм и обязанностей восходит к институтам глубокой архаики [76]. При заключении договора о гостеприимстве на первое место выступало доверие, добросовестность соглашения – категория, скорее, нравственного, чем правового характера.

Однако уже в эпоху принципата, по мере ослабления влияния традиционных римских религиозных представлений, древние боже-

ства, вроде Фидеса, начинают активно вытесняться культурами функционально схожих восточных эллинистических богов. Эллинистические боги, не менее древние, чем боги римские, но более сложные и синкретические, были порождением смешения более развитых культур и цивилизаций, нежели римская [77]. Конечно, римские религиозно-этические воззрения в рудиментарной форме сохранялись ещё очень долго, вплоть до окончательной победы христианства на всей территории империи. Более того, некоторые из традиционных римских культов не потеряли своей актуальности и слились с очень активными восточными культурами, проникшим в римскую среду с восточного лимеса.

Как и следовало ожидать, эти процессы конвергенции впервые обозначились именно в Приевфратской пограничной зоне. Здесь роль главного гостеприимца пилигримов и страждущих перешла к Митре – богу хранителю клятв и верности [78]. Одновременно происходило сближение образов Митры и Юпитера-Долихена. В Коммагене этот многоликий эллинистический бог, рьяно почитаемый римскими legionерами [79], отождествлялся не только с Аполлоном-Гелиосом, но и с Гермесом. Характерно, что в Армении и Коммагене Митра никогда не отождествлялся с богом войны. Здесь функция бога воителя принадлежала его парному богу, двойнику – Вахагну-Артагну-Гераклу. Зато в римской приграничной среде произошло смешение ипостасей, одной из которых стал Митра-воитель, Митра-Марс.

Митра, как бог-посредник между западным и восточным мирами был одинаково почитаем по обе стороны Приевфратского восточного лимеса. Отсюда актуальность митраизма как религиозно-этической системы, основанной на почитании бога-охранителя границ и договора. По сути это синкретическое эллинистическо-римское божество стало своего рода цивилизационным переводчиком, способствующим перетеканию идей культурных ценностей с Востока на Запад и наоборот.

Заключение. Порождением восточного лимеса стала универсальная эллинистическая религиозная система. С лёгкой руки бельгийского историка Франца Кюмона она получила название митраизм [80]. Несмотря на свои древние и даже архаические корни, митраизм как религиозно-этическая система сформировался на рубеже I тыс. до Р. Х. – I тыс. по Р. Х. на пограничье PAX ROMANA и PAX IRANICA. В западноевропейской историографии уже достаточно давно доминирующей является точка зрения, что основными носителями митраистской религиозно-идеологической доктрины были солдаты и офицеры римских легионов, расквартированных вдоль демаркационной зоны [81], которую мы обозначили как Приевфратскую контактную зону, охватывавшую Коммагену, Каппадокию, Западную Армению и Понт.

Названные нами воинские соединения неоднократно перемещались по всей территории империи, от одного лимеса к другому – Британия, Рейн, Сев. Африка и пр. Иногда они возвращались на место прежней дислокации. Однако помимо солдат, огромную роль в формировании и распространении митраистских религиозно-этических идей играли жители приграничных районов, особенно население военных поселений – канабов. Эта разношёрстная, политэтническая [83], откровенно маргинальная среда [83] становилась той бродильней, где происходила закваска новых нетрадиционных синкретических религиозных систем [84] и в первую очередь митраизма [85]. Так происходило по всей периферии империи, а оттуда, в свою очередь, происходило постепенное стягивание этих религиозно-этических идей к центру [86]. Митраизм надолго стал сакральной вертикалью, соотнесшей культуру, социальную практику и геополитику римлян, народов Римской империи, а также соседних народов, с трансцендентной высшей реальностью.

Примечания

1. Дилигенский Г. Г. "Конец истории" или смена цивилизаций? // Цивилизации. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 44.
2. В данном контексте мы сочли этот математический термин наиболее уместным. Любопытно, как термины могут переключиваться из исторического контекста в математический и обратно, наполняясь при этом новыми смысловыми нагрузками и метафорическим содержанием.
3. Мы придерживаемся концепции А. Тойнби, в отличие от Шпенглера видевшего в культуре не начальный этап замкнутого цивилизационного цикла, а стержневое ядро цивилизации, постоянно присутствующее в ней и, наряду с религией, составляющее её сквозную бытийную суть.
4. См.: Wallerstein I. The Modern World-System. 3 vols. – New York : Academic Press, 1974 – 1989; idem. World-System analysis. In A. Giddens & J. H. Turner, eds., Social Theory. Today. – Cambridge : Polity Press, 1987. – P. 309–324.
5. Первым эту закономерность отметил выдающийся арабский мыслитель Ибн-Хальдун (Ибн Халдун. Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти / пер. Л. Е. Куббеля // История Африки в древних и средневековых источниках. – М., 1990. О цивилизационной теории Ибн-Хальдуна см.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – С.176; Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». – М. : Наука, 1965. – С.117; Смирнов А. В. Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник. – 2007. – М. : Наука, 2008. – С.159–186.
6. Ибн-Хальдун, пожалуй, первым вывел закономерность, что самообновление цивилизации происходит под благотворным воздействием периферии. Впрочем, точно так же с периферии приходит и гибель цивилизации. Это, по Ибн-Хальдуну, тоже является благом, если цивилизация потеряла креативное начало и способность к самовоспроизводству. Погибшая цивилизация может удобрить почву для зарождения новой цивилизации. (Сорокин П. А. Указ. соч. – С.176; Mahdi M. Ibn Khaldun's philosophy of history. – London : Allen &

- Unwin, 1957; Бациева С. М. Указ. соч.; Григорян С. Великие мыслители стран Арабского Востока. – М. : Знание, 1960; он же. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. – М. : Наука, 1966; Кирабаев И. Социальная философия мусульманского Востока. – М. : Изд-во УДН, 1987; Фролова Е. История средневековой арабо-исламской философии. – М. : ИФРАН, 1995. – 175 с.; Irwin R. Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33. – 1997. – P. 461–479; Смирнов А. В. Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник. – 2007. – М. : Наука, 2008. – С.159–186.
7. Характерно, что «полупериферия», как всегда, остаётся инертной и сколь-либо активной инновационной роли не играет.
 8. См.: Shils E. Center and periphery: essays in macrosociology. – Chicago : Chicago University Press, 1975; Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М. : Прогресс, 1972. – С. 341–359.
 9. С одной стороны, периферия подчиняется центру, с другой же – она может оказаться в состоянии воздействовать на него и даже заменить его, в крайнем случае, от него отделиться.
 10. М. Вебер установил интересную закономерность: основателями большинства религий были маргиналы – лица, занимающие в социальной или культурной структуре промежуточное или окраинное положение. Будда (Сиддхаратха Гаутама Шакья Муни), Иисус Христос, Заратустра, Мохаммед порвали со своей "природной" социальной и религиозной средой.
 11. Так, А. Тойнби принадлежит концепция «форпостов» и «тылов». Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991 (эпитома 12-томного соч. Тойнби (Toynbee A. A. Study of History. – L., 1934–1961) сделанная в 1972 г.). – С. 120–142), а также «закон компенсации» (там же. – С. 147–150).
 12. Bagby Ph. Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. – Westport Conn : Greenwood Press, 1976. – P.176–177.
 13. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. Indianapolis. – New York : Macmillan, 1961 (2nd ed. 1979).
 14. В данном случае Номос следует, прежде всего, понимать как цивилизационную парадигму, мироустройство. В Новейшее время первым в этом значении термин «номос» употребил известный немецкий юрист и политический философ Карл Шмитт (1888–1985), по праву считающийся «отцом» геополитики. В своей теории «больших пространств» (Grossraum) он весьма образно описал агон двух взаимоисключающих «номосов» – «номоса» Земли и «номоса» Моря. Этот агон, по его мнению, определил характер всей современной эпохи.
 15. PAX (лат.) – мир, закон, мироустройство.
 16. Лимес (лат. limes – межа, предел) – граница между отдельными участками земли, отведённой для граждан общины. В период Римской империи лимесом называлась укрепленная граница государства, укрепленный рубеж (вал, стена) со сторожевыми башнями, которые охранялись легионерами. В систему лимеса входила сеть благоустроенных дорог, военных лагерей и сигнальных постов. Строительство лимесов было начато при императоре Августе, особенно заботились о их расширении и укреплении императоры Домициан, Траян и Адриан. В результате образовалась целая оборонная система из крупных военных лагерей (castra) меньшего размера (castellum) и укрепленных сторожевых башен (burgess). Лимес служил Римской империи как защитное сооружение и как средство таможенного контроля. На проходных пунктах велась торговля с «внешним миром».

17. Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях. Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. – 3-е изд. – Мн. : Беларусь, 2001.
18. Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае I – IV в. н. э. – М. : Наука, 2000. – С. 158–185.
19. Gray E. W. The Roman Eastern limes from Constantine to Justinian – Perspectives and Problems. *Proceedings of the African Classical Association* 12, 1973. – P. 24–40; Invernizzi A. Kifrin and the Euphrates Limes. In: *Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986*, ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy, BAR int. Ser. 297. – Oxford, 1986. – P. 357–381.
20. Lee A. D. Information and frontiers: Roman foreign relations in late antiquity. / Chapter 2, "At the Interface: the Frontier Regions". – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 49–78.
21. Ле Бозк Я. Стратегия римской армии. Постоянный лагерь / Римская армия эпохи Ранней Империи / пер. М. Н. Челинцева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. – 400с. URL: <http://www.roman-glory.com/le-bohec-vvedenie> . 08.01.2012.
22. Там же.
23. Isaac B. *The Limits of Empire: The Roman Army in the East*. – Oxford : Clarendon Press, 1990. Dodgeon M. H., Lieu N. S. *The Roman Eastern frontier and the Persian wars: a documentary history*. [Pt. I], AD 22–363. – London [etc.] : Routledge, 1991; Greatrex G., Lieu S. *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: [Pt. II], AD 363 – 630: a narrative sourcebook*. Routledge. 2002. – 373 p.; Sartre M. *The Middle East under Rome*. – Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 2005. – P. 20–28.
24. История этого легиона была недолгой. Как можно заключить из *Notitia Dignitatum*, он был сформирован во II – III вв. по Р. Х. Легион принял самое активное участие в Персидской кампании Юлиана Отступника. Однако после заключения Иовианом «Постыдного» договора от 363 г. понесший большие потери Первый Армянский легион был расформирован, отдельные его подразделения были отданы в ведение других легионов римской армии.
25. Упоминается в *Notitia Dignitatum*. Был образован на рубеже III – IV вв. по Р. Х. Местом постоянной дислокации был город Сатала. Впервые упоминается в 360 г. в составе гарнизона крепости Безабда, в верхнем течении реки Тигр, где он проходил службу с легионами II Parthica и II Flavia. В 390 г. Безабда была захвачена персами, которые учинили страшную резню среди жителей гарнизона. Однако, как видно из источников, легион выстоял и даже сохранил орла. На это указывает упоминание этого войскового соединения в *Notitia Dignitatum*, относящегося, как известно к V веку. Любой легион, потерявший орла, немедленно расформировывался, а солдаты и, особенно офицеры подлежали суровому наказанию. Очевидно, позднее, в VI – VII вв., Второй Армянский легион всё же был расформирован и вошёл в другие воинские соединения Восточной Римской империи. Во всяком случае, в источниках не сохранилось о нём никаких упоминаний.
26. Parker S. *The Roman Frontier in Central Jordan // Interim Report on the Limes Arabicus Project, 1980–1985*. BAR International Series, 340. – Oxford : British Archaeological Reports, 1987; Keith G. Young. *Rome's eastern trade: international commerce and imperial policy, 31 BC-AD 305*. – Routledge, London, New York, 2001. – P. 169–173, 223, 224; Dr. McLaughlin R. *Rome Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China*. – London & New York : Continuum, 2010. – P. 95–97; Graf D. *The Via Militaris and the Limes Arabicus // "Ro-*

- man Frontier Studies 1995": Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies, ed. W. Groenman-van Waateringe, B. L. van Beek, W. J. H. Willems, and S. L. Wynia. Oxbow Monograph 91. – Oxford : Oxbow Books; Gregory S. Was There an Eastern Origin for the Design of Late Roman Fortifications?: Some Problems for Research on Forts of Rome's Eastern Frontier // "The Roman Army in the East", ed. D. L. Kennedy. Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 18. Ann Arbor, MI / Journal of Roman Archaeology.
27. Wheeler E. L. The Army and the Limes in the East // A Companion to the Roman Army. Edited by Paul Erdkamp. Blackwheel Publishing Ltd., 2007. – P. 235.
28. Ibid. Chapter: Collapse and Reorganization: The Northern Theatre. – P. 247.
29. Stoneman R. Palmyra and Its Empire: Zenobia's Revolt against Rome. Ann. Arbor: University of Michigan Press, 2003 (cop. 1992).
30. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. – СПб. : «Петербургское Востоковедение», 2009. – 3-е изд., исправл. и доп. – 432 с. («Orientalia»).
31. В переводе Чора означает «ущелье».
32. «Дару банд» означает закрытые, заколоченные ворота. Автор X века Масуди пишет: "Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берега в море, а с другой стороны протянул её до вершин гор Кабк и сделал её спускающейся в ущелья гор, продолжая её до тех пор, пока не дошёл до укреплений по имени Табасаран. На каждых трёх милях этой стены он сделал железные ворота и поселил там... народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Всё это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кабк..." (Macoudi. Les Prairies d'or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. – Т. II. – P. 1–3).
33. Temenos – греческое слово, обозначающее священное, отмежёванное от профанного мира, оберегаемое место. Как правило, таким местом в античной Греции была территория храма, в пределах которой можно было ощутить и пережить присутствие божественного. Однако этот термин встречается и в другом расширительном значении, указывающим на священное пространство, защищающее центр. Подробнее о теменосе см.: Մարգարյան Ե. Հ. Մեծ Հայքի և Կոստանդնուսի հոգևոր անկախությունների պատմությունից (արքայազնի հանգստարան – ó τεμένος) // Պատմություն և կրթություն, 2006, թիվ 3–4, էջ 17–24:
34. От лат. *margo* – край, граница.
35. Характерно, что в алхимии термин теменос подразумевает герметически закрытое вместилище, в котором совершается превращение (трансмутация) противоположностей.
36. Edwell P. M. Between Rome and Persia. The middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman control. Between Rome and Persia. – London and New York : Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, an informa business, 2008. – P. 27–30.
37. Butcher K. Roman Syria and the Near East. – London : British Museum Press, and Los Angeles : Getty Museum Press, 2003. – P. 41. Правда, время от времени римляне сами нарушали лимес и переходили определённый Августом рубеж, тем самым ставя себя над священным законом и попирая вековые традиции. Так, Траян пытался присоединить Месопотамию; ему даже удалось захватить её после того, как он низвёл до уровня провинции Аравию (западную часть современной Иордании). Но Адриану пришлось вернуть границу империи к верховьям Евфрата. Захватническая политика снова вошла в моду при Луции Вере, который достиг Хабора в ходе своих военных кампаний 161 – 166 гг.; Септимий Север осуществил аннексию Северного Между-

- речья. С этого времени Низибис и Сингара отошли к Риму, а граница с иранской державой была перенесена на Верхний Тигр. Но государственный переворот 226 г. в Иране, вследствие которого персы Сасаниды сменили парфянских Аршакидов, резко изменили соотношение сил. Это вызвало в III в. серию римско-персидских войн, в ходе которых римляне были вынуждены потесниться обратно на запад.
38. Колосовская Ю. К. Указ. соч. – С.184.
 39. *Limitrophus* – буквально, обеспечивающий построй пограничных войск: неправильное слово, образованное от латинского *limit* – граница и греческого *trophos* (питание). Слово было впервые употреблено в тексте Парижского договора 1763 года, в связи с окончанием Семилетней войны.
 40. Ստեփանյան Ա.Ա. Քաղաքակրթական հավասարկշռության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում: Մաս երկրորդ // «ՎԷԸ» համահայկական հանդես, 2010 (№29), էջ 57–60:
 41. Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. – М. : ИВИ РАН. – 196 с. 1999. – С. 49–58.
 42. Braund D. *Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship.* – L. : Croom Helm, 1984. *passim*.
 43. Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н. э. – М., 1993. – С. 13 слл.; Майорова Н. Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н. э.) // Религия и община в древнем Риме. – М., 1994. – С. 98 слл.; Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае I – IV в. н. э. – С. 159.
 44. Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н. э. : автореф. дисс. ...докт. ист. наук. – Саратов, 1997. – С. 26.
 45. Пухта Г. Ф. Общеприимное гражданское право в древнем Риме // Юридический вестник. – Т. XI. – Кн. III – IV. М., – 1892. – С. 380, 390.
 46. Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов древнего Рима... – С. 58.
 47. Там же.
 48. Кащеев В. И. Указ. соч. – С. 218–219, 227. слл.; Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае I – IV в. н. э. – С.183–184; Она же. Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. – М. : ИВИ РАН, 1999. – 196 с. – С. 49–58.
 49. Ստեփանյան Ա.Ա. Քաղաքակրթական հավասարկշռության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում..., էջ 52:
 50. Mattern S. P. *Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate* . Pp. XVIII + 259, Maps, Ills. Berkeley. – Los Angeles, London : University of California Press, 1999. – P. 91, 118.
 51. Macmullen R. *Roman Legion as Society* // *Historia*. – 1984. – Bd. 33. – S. 440–456; Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до пунических войн. – М. : КДУ, 2007. – 264 с. – С. 242. Хотя ряд исследователей отмечает, что наряду с этим во время военных кампаний происходило некоторое отчуждение армии от *civitas*. Пересекая границу Рима, воины как бы табуировались, а гражданская община отстранялась от действий своих членов, запятнанных кровью, чётко противопоставляя себя своей военной организации (Токмаков В. Н. Указ. соч. – С. 165).
 52. Woolf G. 'Roman peace' in J. Rich and G. Shipley, eds. *War and society in the Roman world.* – London and New York, 1993. – P. 171–194.
 53. Hanel N. *Canabae, and vici. The Archeological Evidence* // *A Companion to the Roman Army* – P. 395–415.

54. Macmullen R. *Soldier and Civilian in the Late Roman Empire*. – Cambridge (Mass.), 1963; Davies K. W. *Service in the Roman Army* / Ed. by D. Breeze and V. A. Maxfield. – New York : Colombia UP, 1989.
55. Keppie L. *The Making of the Roman Army from Republic to Empire*. – London : Batsford, 1984. – P. 128, 153; Le Bohec Y. *The imperial Roman army*. – London : V. T. Batsford Ltd. Routledge, 1994 (first published in French, 1989). – P.236; Scheidel M. *Marriage, Families, and Survival; Demographic Aspects // A Companion to the Roman Army...* – P. 415–434.
56. Колобов А. В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях-Клавдиях // Вестник МГУ. – Сер. 8 "История". – 1990. – № 3. – С. 54–63.
57. Махлаюк А. В. Военное товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. – 1996. – № 1. – С. 18–37; Маяк И. Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековые Европы. – Пермь, 1996. – С. 122–127; Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха Ранней империи). – Пермь : Пермский ун-т, 1999. – 132 с.; Wesch-Kline G. *The Economic Situation of veterans // A Companion to the Roman Army...* – P. 444–446.
58. Pollard N. *Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria*. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2001. – P. 270.
59. Mann J. C. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate*. – L. : Institute of Archaeology, University of London, 1983.
60. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / пер. с нем. М. : Наука, Ин-т социологии, 2005. – 443 с. (Серия "Социологическое наследие"). – С. 357.
61. Van Houndt T. *Myrica: essays on neo-Latin literature in memory of Jozef I Jsewijn*. Edited by Sacré D., Tournoy G. Leuven University Press 2000, P. 98.
62. Зомбарт В. Указ. соч. – С. 163. От себя добавим, что предпринимателями-завоевателями были конкистадоры вроде Суллы, Красса, Лукулла, Помпея и политики вроде самого Цицерона.
63. Исчерпывающую характеристику этого явления даёт О. М. Фрейденберг: «В латинском языке сохранился любопытный след этих представлений о 'госте', как принято называть такого 'чужака,' ставшего 'другом' и 'братом', такого 'пришельца в дом', получившего все права и привилегии там 'живущих' (ночлег, еду, женщину). Если по-русски это гос-ть, то по-латыни hos-tis – враг, а hos-tes – гость, приезжий, но и хозяин; hos-tia – очистительное, жертвенное (т. е. разрываемое) животное. Не нужно быть лингвистом, чтоб увидеть связь слов гос-ть и hos-tes с господь и господин. Действительно, и в реалиях приходящий, появляющийся, приобщающийся к тотему 'гость' столько же в одном аспекте враг' и 'разрываемое животное', сколько в другом – сам тотем. У греков ксены обменивались вещами, то есть своими сущностями. Ксен, или 'гость' получал 'встречу' и проводы' а также вещи хозяина (подарки – позднее). У римлян ксены, и гость и хозяин, разламывали вещь на части, которыми делились. Это были особые древние вещи без иного какого-нибудь назначения, а потому и имени. Их называли знаками, значками, по-нашему – билетами, марками. Это были "тессеры" у римлян» (Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с. – С. 89–90).
64. Young G. K. *Rome's Eastern Trade: International commerce and imperial policy, 31 BC – AD 305*. – London : Routledge, 2001.
65. Известный историк «экономического быта» Западной Европы И. М. Кулишер, ещё в 10–20-е гг. XX столетия предвосхитивший многие идеи Ф. Броде-

- ля, в своих исследованиях пришёл к выводу о том, что «внутренний обмен возник у европейских народов сравнительно поздно. Междуплеменной обмен появился раньше; временно он возник уже во времена Римской империи – это был... пограничный обмен между (*commercium in gēra*) римлянами и германцами». Кулишер И. М. Быт раннего и позднего Средневековья // История экономического быта Западной Европы. – 7-е изд., доп. – М.–Л. : Госиздат, 1926; 1936. – Т. 1. – 412 с. – С.127).
66. Кулишер И. М. Указ. соч. – С. 118–120; Он же. Очерк экономической истории древней Греции. Глава 7. Торговля. – Л. : 2-я Типография 1-й Артшколы, имени Красного Октября, 1925. – С. 168–170.
67. Терехихин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск : Поморский университет, 2004. – С.188.
68. Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. – 2-е изд. – Челябинск : Социум, 2003. – 556 с.; 1-е изд. Очерк истории русской торговли. – Петроград, 1923. – С. 35–36.
69. Фрейденберг О. М. Указ. соч. – С. 90.
70. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / пер. с нем; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990– 808 с. (Социологич. мысль Запада). С. 44–271; Кулишер И. М. Быт раннего и позднего Средневековья... – С. 118–119; Дергачёв В. А. Раскалённые рубежи. – Одесса : Астропринт, 1998. –104 с.
71. Цитируется по: Зомбарт В. Указ. соч. – С. 141.
72. Richmond I. Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples, and Religious cults // *Archaeologia Aeliana*. – 1943. 21. 4th series. – P. 149–214; Idem. The Roman Army and Roman Religion // *Bulletin of the John Rylands Library*. – Manchester, 1963. 45. – P. 185–197; Speidel M. The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. – Leiden, 1977, etc.
73. Отличие одного права – божеского – от права гражданского состояло в том, что *Fas* – есть право священное. Оно опирается на волю богов и, стало быть, неизменно. *Jus* – есть закон, созданный людьми, и он может быть и отменён и упразднён (*Fas lex divina, jus lex humana est*) (Isidor. Orig. V.2).
74. Фидес (Верность) – богиня, считавшаяся хранительницей устоев нравственной системы римского общества, гордившегося верностью принципам своего жизненного уклада и клятвам. Вместе с Пиетас – божеством исполнения долга перед богами, родиной, родителями – Фидес считалась основой общества и добродетелей римлян. Римляне гордились своей исключительной верностью клятве – *Polub*. VI 56, 14. Фидес была тесно связана с призывавшимся при клятве Юпитером Долихеном и слившимся с ним божеством верности Диус Фидиус. Отсюда понятие *foedus*, «союз». Он заключался с торжественными жертвоприношениями главой коллегии фециалов с богами – *Liv*. I 24, 6. В храме Фидес на Капитолии в Риме хранились документы и международные договоры. В период империи Фидес часто изображалась на монетах как Фидес Августа, Фидес войска, Фидес конницы и т. д.
75. Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов древнего Рима... – С. 56.
76. Празднество в честь "Верности" было установлено Нумой. Фламины приносили жертву Фидес, приезжали в крытой повозке. Жертвоприношение совершалось правой рукой, спеленутой до пальцев в знак того, что верность должно сохранять. Она свята и остаётся святыней даже в пожатии рук (*Liv*. 1.21.4). Обертывали тканью правую руку, посвящённую богине – *Serv. Verg. Aen*. III 608. Соединение правых рук (часто изображавшееся на монетах с Фидес) символизировало верность заключённому договору.

77. Dumézil G. Mithra-Varuṇa. Essai sur deux représentations indo-européennes de lasouveraineté. – Paris, 1940; Schmidt H.-P. Indo-Iranian Mitra Studies: The State of the Central Problem // Études Mithriaques. Acta Iranica 17 (далее: ЁМ). – Leiden, 1978. – P. 345–93; Gonda J. The Vedic God Mitra (Orientalia Rheno-Traiectina, Vol. XIII). viii, 147 pp. – Leiden : E. J. Brill, 1972; Idem Mitra and Mitra, the Idea of ‘Friendship’ in Ancient India // Indologica Taurinensia 1. – 1973. – P. 71–107; Thieme P. Mithra in the Avesta // Études Mithriaques (далее: ЁМ) (Acta Iranica 17). – Leiden, 1978. – P. 501–510; Маргарян Е. Г. Трансформация митразма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммагена, Рим) // Ираннаме. Научный востоковедческий журнал. – № 3(19). – 2011. – С. 78–110.
78. Cumont F. The Oriental Religions in Roman Paganism. – Chicago : The Open Court Publishing Company, 1911; Liebeschuetz W. Continuity and Change in Roman Religion. – Oxford : Oxford University Press, 1979; MacMullen R. Paganism in the Roman Empire. – New Heaven : Yale Univ. Press; New York : Oxford Univ. Press, 1981.
79. Vermaseren M. J. The New Mithraic Temple in London // Numen 2, 1955. – P. 139–145; Daniels Ch. M. The role of the Roman army in the spread and practice of Mithraism", in Hinnels, John R. // Mithraic Studies: Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies, Manchester UP, 1975, pp. II. 459–474; Clauss M. Mithras und Christus // Historische Zeitschrift. –1986. 243 Bd. – S. 268; Spiedel M. Mithras-Orion, Greek Hero and Roman Army God. – Leiden : E. J. Brill, 1980; Beck R. The Mithras Cult as Association // Studies in Religion, 21, 1992. – P. 3–13. Бонгард-Левин Г. М., Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // Вестник древней истории. Наука. – 2004. – С.145.
80. Кюмон Ф. Мистерии Митры. Распространение митраизма в Римской империи / пер. с франц. С. О. Цветковой. – СПб. : Евразия, 2000.
81. Маргарян Е. Г. Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне. – М. : Историческое пространство, 2011.
82. Контактная зона должна быть полиэтничной, но не всякая полиэтничная среда контактная.
83. Whitby M. Outsiders. Army and Society in the Late Roman World: A Context for Decline? / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. – Oxford : Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. – P. 519–521.
84. Henig M. Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province. Ed. T. F. C. Blagg, A. C. King. BAR British series. N136. – London, 1984. – P. 227–248; Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М. : Наука, 1987; Birley E. The Deities of Roman Britain // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II,18; Solway P. Roman Britain. – Oxford, 1982; Frere S. Britannia. A History of a Roman Britain. – London : Pimlico, 1991; Махлаюк А. В. Римские войны. Под знаком Марса. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 447 с. – С. 62–63; Stoll O. The Religion of the Army: A Complex “System” // A Companion to the Roman Army... – P. 452.
85. Cumont F. Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra. – Bruxelles, 1896–1899. – Т. 1–2; Tudor D. Corpus Equitum Donaviarum. –Leiden, 1969 – 1976. – Т. 1–2; Jaczynowska M. Religie swiata rzymskiego. – Warszawa, 1990, etc.; Маргарян Е. Г. Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Сборник материалов международной конференции "Армения в диалоге цивилизаций". – Н. Новгород : Деком, 2011. – С.159–171.
86. Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского

средневековья // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М. : Наука, 1985. – С. 5–20.

Библиографический список

1. Ибн Халдун. Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти / пер. Л. Е. Куббеля // История Африки в древних и средневековых источниках. – М., 1990).
2. Macoudi. Les Prairies d'or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. – P., 1863. – Т. II. – Р. 1–3.
3. Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1985.
4. Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». – М. : Наука, 1965.
5. Бонгард-Левин Г. М., Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // Вестник древней истории. Наука. – 2004.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. (Социологич. мысль Запада). – С. 44–271.
7. Григорян С. Великие мыслители стран Арабского Востока. – М. : Знание, 1960.
8. Григорян С. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. – М. : Наука, 1966.
9. Дергачев В. А. Раскалённые рубежи. – Одесса: Астропринт, 1998. – 104 с.
10. Дилигенский Г. Г. "Конец истории" или смена цивилизаций? Вып. 2 // Цивилизации. – М., 1993.
11. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / пер. с нем. – М. : Наука, Ин-т социологии, 2005. – 443 с. (Серия "Социологическое наследие").
12. Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н. э. – М., 1993.
13. Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н. э. : автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Саратов, 1997.
14. Кирабаев И. Социальная философия мусульманского Востока. – М. : Изд-во УДН, 1987.
15. Колобов А. В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях-Клавдиях // Вестник МГУ. – Сер.8 "История". – 1990. – № 3.
16. Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха Ранней империи). – Пермь : Пермский ун-т, 1999.
17. Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. – М. : ИВИ РАН, 1999. – 196 с.
18. Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае I – IV в. н. э. – М. : Наука, 2000.
19. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. – 3-е изд., исправл. и доп. («Orientalia»). – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2009. – 432 с.

20. Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. – 2-е изд. – Челябинск : Социум, 2003. – 556 с. 1-е изд. – Очерк истории русской торговли. – Петроград, 1923. – 322 с.
21. Кулишер И. М. Очерк экономической истории древней Греции. – Л. : 2-я Типография 1-й Артшколы, имени Красного Октября, 1925.
22. Кулишер И. М. Быт раннего и позднего Средневековья // История экономического быта Западной Европы. – Т. 1. – 7-е изд., дополн. – М.–Л. : Госиздат, 1926; 1936. – 412 с.
23. Кюмон Ф. Мистерии Митры. Распространение митраизма в Римской империи / пер. с франц. С. О. Цветковой. – СПб. : Евразия, 2000.
24. Майорова Н. Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н. э.) // Религия и община в древнем Риме. – М., 1994.
25. Маргарян Е. Г. Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Сборник материалов международной конференции "Армения в диалоге цивилизаций". – Н. Новгород : Деком, 2011. – С. 159–171.
26. Маргарян Е. Г. Трансформация митраизма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммагена, Рим) // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. – № 3(19). – 2011. – С.78–110.
27. Маргарян Е. Г. Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне // М. : Историческое пространство, 2011.
28. Махлаюк А. В. Военное товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. – 1996. – № 1. – С. 18–37.
29. Махлаюк А. В. Римские войны. Под знаком Марса. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 447 с.
30. Маяк И. Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековье Европы. – Пермь, 1996.
31. Ле Бозк Я. Стратегия римской армии. Постоянный лагерь // Римская армия эпохи Ранней Империи / пер. М. Н. Челинцева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. – 400 с. URL: <http://www.roman-glory.com/le-bohes-vvedenie> . – Дата обращения 08.01.2012.
32. Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях. Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. – 3-е изд. – Мн. : Беларусь, 2001.
33. Пухта Г. Ф. Общеправовое гражданское право в древнем Риме // Юридический вестник. – Т. XI. – Кн. III–IV. – М., 1892.
34. Смирнов А. В. Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник. – 2007. – М. : Наука, 2008.
35. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992.
36. Терехихин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск : Поморский университет, 2004. – 272 с. – С. 188.
37. Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991 (эпитома 12-томного соч. Тойнби (Toynbee A. A. Study of History. L., 1934 – 1961), сделанная в 1972 г.).
38. Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до пунических войн. – М. : КДУ, 2007. – 264 с.
39. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Второе издание, исправленное и дополненное. – М. : РАН, Издат. фирма «Восточная литература», 1998. – 800 с.
40. Фролова Е. История средневековой арабо-исламской философии. – М. : ИФРАН, 1995. – 175 с.
41. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М. : Прогресс, 1972.

42. Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М. : Наука, 1987.
43. Մարգարյան Ե.Ն. Մեծ Հայքի և Կոմմագենեի հոգևոր առնչությունների պատմությունից (արքայական հանգստարան – ὁ τεμενος) // Պատմություն և կրթություն, 2006, էջ 17-24:
44. Ստեփանյան Ա.Ա. Քաղաքակրթական հավասարկշռության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում: Մաս երկրորդ // «ՎԷՄ» համահայկական հանդես, 2010 (№29), էջ 57–60:
45. Bagby Ph. Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. – Westport Conn : Greenwood Press, 1976.
46. Beck R. The Mithras Cult as Association // Studies in Religion, 21. – 1992. – P. 3–13.
47. Birley E. The Deities of Roman Britain // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II,18.
48. Braund D. Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. – L. : Croom Helm, 1984.
49. Butcher K. Roman Syria and the Near East. – London : British Museum Press, and Los Angeles, Getty Museum Press, 2003.
50. Clauss M. Mithras und Christus // Historische Zeitschrift. –1986.
51. Cumont F. Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra. – Bruxelles, 1896–1899. – T.1–2. Cumont F. The Oriental Religions in Roman Paganism. – Chicago : The Open Court Publishing Company, 1911.
52. Edwell P. M. Between Rome and Persia. The middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman control Between Rome and Persia. – London and New York : Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, an informa business, 2008.
53. Daniels Ch.M. The role of the Roman army in the spread and practice of Mithraism", in Hinnels, John R. // Mithraic Studies: Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies, Manchester UP, 1975. II. 459–474.
54. Davies K.W. Service in the Roman Army / Ed. by D. Breeze and V. A. Maxfield. – New York : Colombia UP, 1989.
55. Dodgeon M. H., Lieu N. S. The Roman Eastern frontier and the Persian wars: a documentary history. [Pt. I], AD 22–363. London [etc.]: Routledge, 1991.
56. Dumézil G. Mithra-Varuña. Essai sur deux représentations indo-européennes de lasouveraineté. – Paris, 1940.
57. Frere S. Britannia. A History of a Roman Britain. London: Pimlico, 1991.
58. Gonda J. The Vedic God Mitra (Orientalia Rheno-Traiectina, Vol. XIII). VIII, 147 pp. Leiden: E. J. Brill, 1972.
59. Gonda J. Mitra and Mitra, the Idea of 'Friendship' in Ancient India // Indologica Taurinensia 1, 1973. – P.71–107.
60. Graf D. The Via Militaris and the Limes Arabicus. // "Roman Frontier Studies 1995": Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies, ed. W. Groenman-van Waateringe, B. L. van Beek, W. J. H. Willems, and S. L. Wynia. Oxbow Monograph 91. – Oxford : Oxbow Books.
61. Gray E. W. The Roman Eastern limes from Constantine to Justinian – Perspectives and Problems. Proceedings of the African Classical Association 12, 1973.
62. Gregory S. Was There an Eastern Origin for the Design of Late Roman Fortifications?: Some Problems for Research on Forts of Rome's Eastern Frontier. // "The Roman Army in the East", ed. D. L. Kennedy // Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 18. Ann Arbor, MI: Journal of Roman Archaeology.
63. Greatrex G., Lieu S. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: [Pt. II], AD 363 – 630: a narrative sourcebook. Routledge, 2002. – 373 p.
64. Hanel N. Canabae, and vici. The Archeological Evidence. Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. – Oxford : Blackwell Publishing, Pp. XXVI + 574, incl, 2007. – P. 395–415.

65. Henig M. *Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province.* Ed. T. F. C. Blagg, A. C. King. BAR British series. N 136. – London, 1984.
66. Invernizzi A. *Kifrin and the Euphrates Limes.* In: *Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986*, ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy, BAR int. Ser. 297. – Oxford, 1986. – P. 357–381.
67. Irwin R. *Toynbee and Ibn Khaldun.* Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997.
68. Isaac B. *The Limits of Empire: The Roman Army in the East.* – Oxford : Clarendon Press, 1990.
69. Jaczynowska M. *Religie swiata rzymskiego.* – Warszawa, 1990.
70. Quigley C. *The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis.* Indianapolis. – New York : Macmillan, 1961 (2nd ed. 1979).
71. Keith G. Young. *Rome's eastern trade: international commerce and imperial policy, 31 BC-AD 305.* – Routledge, London, New York, 2001. – 209 p.
72. Keppie L. *The Making of the Roman Army from Republic to Empire.* – London : Batsford, 1984.
73. Le Bohec Y. *The imperial Roman army.* – London : B. T. Batsford Ltd. Routledge, 1994 (first published in French, 1989).
74. Lee A. D. *Information and frontiers: Roman foreign relations in late antiquity. / Chapter 2, "At the Interface: the Frontier Regions".* – Cambridge : Cambridge University Press, 1993.
75. Liebshuetz W. *Continuity and Change in Roman Religion.* Pp. XV + 359. – Oxford : Oxford University Press, 1979.
76. Macmullen R. *Soldier and Civilian in the Late Roman Empire.* – Cambridge (Mass.), 1963.
77. MacMullen R. *Paganism in the Roman Empire.* New Heaven: Yale Univ. Press; – New York : Oxford Univ. Press, 1981.
78. Macmullen R. *Roman Legion as Society. // Historia.* – 1984. – Bd. 33. – S. 440–456.
79. Mahdi M. *Ibn Khaldun's philosophy of history.* – London : Allen & Unwin, 1957.
80. Mann J. C. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate.* – L. : Institute of Archaeology, University of London, 1983.
81. Dr. McLaughlin R. *Rome Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China.* – London & New York : Continuum, 2010 – 236 p.
82. Parker S. *The Roman Frontier in Central Jordan // Interim Report on the Limes Arabicus Project, 1980–1985.* BAR International Series, 340. – Oxford : British Archaeological Reports, 1987.
83. Pollard N. *Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria.* – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2001.
84. Richmond I. *Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples, and Religious cults // Archaeologia Aeliana.* 1– 943. 21. 4th series. – P. 149–214.
85. Richmond I. *The Roman Army and Roman Religion // Bulletin of the John Rylands Library.* – Manchester, 1963. – 45. – P. 185–197.
86. Sartre M. *The Middle East under Rome.* – Cambridge MA / London : Harvard University Press, 2005.
87. Scheidel M. *Marriage, Families, and Survival; Demographic Aspects.* Paul Erdkamp (ed.) / *A Companion to the Roman Army.* Blackwell Companions to the Ancient World. – Oxford : Blackwell Publishing, Pp. XXVI + 574, incl. 2007. – P. 415–434.
88. Shils E. *Center and periphery: essays in macrosociology.* – Chicago : Chicago University Press, 1975.

89. Schmidt H.-P. Indo-Iranian Mitra Studies: The State of the Central Problem // Études Mithriaques. Acta Iranica 17. – Leiden, 1978.
90. Solway P. Roman Britain. – Oxford, 1982.
91. Spiedel M. The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. – Leiden, 1977.
92. Spiedel M. Mithras-Orion, Greek Hero and Roman Army God. – Leiden : E. J. Brill, 1980.
93. Stoll O. The Religion of the Army: A Complex “System”. Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. – Oxford : Blackwell Publishing, Pp. XXVI + 574, incl. – 2007. – P. 452.
94. Stoneman R. Palmyra and Its Empire: Zenobia's Revolt against Rome. – Ann. Arbor : University of Michigan Press, 2003 (cop. 1992).
95. Thieme P. Mithra in the Avesta // Études Mithriaques (далее: ЭМ) (Acta Iranica 17). – Leiden, 1978.
96. Tudor D. Corpus Equitum Donaviarum. – Leiden, 1969–1976. – T. 1–2.
97. Van Houndt T. Myrica: essays on neo-Latin literature in memory of Jozef I Jsewijn. Edited by Sacré D., Tournoy G. Leuven University Press, 2000.
98. Vermaseren M. J. The New Mithraic Temple in London // Numen 2, 1955. – P. 139–145.
99. Wallerstein I. The Modern World-System. 3 vols. – New York : Academic Press, 1974–1989.
100. Wallerstein I. World-System analysis. In A. Giddens & J. H. Turner, eds., Social Theory. Today. – Cambridge : Polity Press, 1987.
101. Wesch-Kline G. The Economic Situation of veterans. Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. – Oxford : Blackwell Publishing, Pp. XXVI + 574, incl. 2007. – P. 444–446.
102. Wheeler E. L. A Companion to the Roman Army. Edited by Paul Erdkamp. – 574 p. Blackwheel Publishing Ltd., 2007.
103. Whitby M. Outsiders. Army and Society in the Late Roman World: A Context for Dicline? Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. – Oxford : Blackwell Publishing, Pp. XXVI + 574, incl. – 2007. – P. 519–521.
104. Woolf G. 'Roman peace' in J. Rich and G. Shipley, eds. War and society in the Roman world. – London and New York : Routledge, 1993. – P.171–194.
105. Young G. K. Rome's Eastern Trade: International commerce and imperial policy, 31 BC – AD 305. – London : Routledge, 2001.

АРМЯНСКИЕ МЕЦЕНАТЫ. ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. Э. Чальян

Национальная академия наук республики Армения,
Институт истории,
г. Ереван, Армения

Summary. The theme of patronage has become actual nowadays, as during the bygone Soviet years we lost the culture of philanthropic donation, which was a civic duty of a true patriot and city-dweller. The idea of patronage was lost from the system of social values, there were no rich people in the country and no one but the state was engaged in patronage. In our times, when the state has stepped aside, and wealthy people appeared, the theme of patronage became as actual as before.

Such names as Alexander Mantashev, Mikayel Adamiants, Isai Pitoyev, the Tumanov family and many others that long ago became synonyms of spiritual and material generosity are inscribed in gold letters in the history of Armenian patronage.

Any social-political crisis hits hardest the culture. However, unlike material loss, losses in spiritual sphere are difficult to fill in. Probably, more concrete measures on the part of the government are needed to study the activities of Armenian patrons and to restore the rich traditions of patronage.

Key words: patron; charity funds; culture; civic duty; social activity; monuments of culture.

Ещё немного и мы преодолеем скользкий
путь от гангстеров до филантропов.

О. Генри

Культура любого народа, являясь носителем интернациональных ценностей, в то же время пытается определить свою национальную идентичность. Такова особенность самого понятия культуры. Несмотря на то, что армяне – немногочисленная нация, культуроцентризм нам присущ был всегда. Энтузиастов среди учёных, писателей, музыкантов, артистов, преданных любимому делу, к счастью, в Армении немало. Но усилия их тщетны, а результаты труда не могут стать достоянием общекультурного процесса, если нет тех богатых не только материально, но и духовно людей, которых человечество гордо называло “благодетелями” (благо творящими), меценатами [1], филантропами [2]. Традиции духовной культуры и история меценатства тесно переплетены. Ещё великие античные скульпторы запечатлели в камне лики многих филантропов, внёсших посильный вклад в общее дело. Как показывает история, истинные предприниматели не всегда работают исключительно ради денег. Уровень развития благотворительности зависит от степени общего социально-экономического развития страны. Чем выше уровень благосостояния населения, чем сильнее и устойчивее бизнес-сектор, тем больше условий для становления и развития благо-

творительной деятельности [3]. На определённом этапе, когда уже накоплен немалый капитал, который даёт “свободу действий”, многих из них больше начинает интересовать положение в обществе, желание оказаться в рядах элиты страны и пр. Не надо сбрасывать со счетов и чувство прекрасного, которое, в ряде случаев, толкает их на большие поступки. Общественное мнение не всегда было единодушно в этом вопросе [4]. Современных спонсоров (как и прежних меценатов) порой подозревают в неискренности намерений, ища в их поступках неприглядную подоплёку. Не секрет, что стоит кому-то начать помогать бедным, пенсионерам и пр., как народ делает вывод о том, что спонсор метит в депутаты. Спонсируется театр или группу музыкантов? Значит, в числе артистов дочь, жена или ещё кто-то из близких. Современное общество прагматично, как, впрочем, и некоторые из наших спонсоров. Так, организация шумных церемоний награждений создаёт впечатление сплошного праздника, царящего в искусстве. Зрелищность и массовость таких событий являются весомым аргументом в пользу их выбора. Как правило, подобные церемонии долго рекламируются и проходят на фоне шумных гала-концертов с невероятно пёстрым и не всегда высококлассным составом исполнителей. Хотя организаторы стараются разнообразить программу, всё равно остаётся ощущение, что премия – это всего лишь повод для спонсора (или спонсоров) показать, прорекламировать себя на этом VIP-параде. Такого типа мероприятия привлекают спонсоров как удобный повод для предьявления себя на массовой аудитории в хорошей компании деятелей культуры. Правда, приходится делить рекламное место с другими фирмами, поскольку, как правило, немногие решаются нести тяжёлое финансовое бремя в одиночку. Но организаторы при подборе партнёров обычно учитывают интересы спонсоров и никогда не объединяют в одной упряжке фирмы-конкуренты. Затраты на церемонии часто превосходят суммы самих призов. Но это не останавливает учредителей новых премий, и, как ни странно, для очередных тоже находятся свои спонсоры. Однако любовь к фестивалям деятелей искусства тоже объяснима. Чем масштабнее событие, тем оно (и они, соответственно) заметнее. Мы не станем идеализировать меценатство XIX века, полагая, что оно было нормой. Подобные поступки и тогда не находили понимания в мире бизнеса. И это естественно. Ведь передача капиталов из коммерческого сектора в некоммерческий всегда противоречит законам рыночной экономики, бросая им вызов. И в массе своей купеческая среда смотрела на меценатство, как на расточительство и блажь. Да и в мире искусства, как видим, действия меценатов зачастую воспринимались негативно. И всё же многим из того, что имеем сегодня, мы обязаны меценатам. К примеру, трудно переоценить ту роль, которую сыграл в культурном и социальном развитии Тифлиса XIX века армянский капитал.

Своей задачей они считали организацию не только материальной, но и духовной жизни города. Поэтому именно Тифлис сыграл значительную роль в сохранении и дальнейшем развитии культурных и идеологических традиций как грузинского, так и армянского народов.

Кто же были те люди, которые могли жертвовать, не требуя ничего взамен? И почему иной раз их имена не выгравированы на тех прекрасных зданиях, которые и по сей день украшают города? Такие имена, как Александр Манташев, Микаэл Арамянц, Исай Питоев, семейство Тумановых и многих других давно стали синонимами щедрости душевной и материальной. Кстати, тема меценатства сегодня крайне актуальна, так как за минувшие советские годы мы потеряли не только культуру предпринимательства, но и культуру безвозмездного жертвования, которая была гражданским долгом истинного патриота и горожанина. Вполне естественно, что понятие «меценатство» было вычеркнуто из системы общественных ценностей, так как в стране не было богатых людей и никто, кроме государства, не занимался меценатством. В наше время, когда государство отстранилось от такой обязанности и появились богатые люди, тема меценатства стала столь же актуальной, как в прежние времена. Поэтому жизненный путь и активная общественная деятельность таких личностей сегодня приобретает новую окраску.

Совершенно особенное место в списке крупнейших меценатов занимает личность крупнейшего нефтепромышленника, землевладельца, банкира, богатейшего из людей Европы конца XIX – начала XX веков Александра Манташева (Манташянц). Он принадлежал роду потомственных жителей Тифлиса, приближавшихся по своему социальному положению к дворянству. Жизнь и деятельность этого удивительно щедрого человека может явиться образцом меценатской деятельности не только в масштабах города или даже нации, но и ярким примером для подражания во всем мире. Манташев был человеком высокообразованным, владел в совершенстве русским, армянским, грузинским, изучал английский, немецкий, французский языки, а увлечение искусством он пронёс через всю жизнь. Человек, умеющий докопаться до сути вещей и событий, к которым имел какое-либо отношение, Манташев думал не только о своих интересах. Взявшись за какое-либо дело, изучал его досконально, не скупился платить специалистам, нередко командируя их в передовые европейские страны, чтобы как можно тщательнее разобраться в ставящихся перед ним вопросах и в результате принимал бесприоритетные решения [5]. Манташев финансировал строительство первого в мире нефтепровода протяжённостью в 835 километров. В Баку и Батуми именно Манташев построил нефтеперерабатывающие заводы и межпромысловые нефтепроводы. А танкер, купленный в Англии, поставлял нефть в Индию, Китай, Японию и средиземноморские страны [6].

Он строил не только в Тифлисе, но и в Баку, Ереване, Москве и даже Париже. Одним из первых Манташев перевёл деньги на реставрацию важнейшего памятника христианства в Грузии – мцхетского собора «Светицховели». Не раз жертвовал крупные суммы пострадавшим от каких-либо катаклизмов, независимо от их национальности и вероисповедания. Он содержал самый крупный в Тифлисе приют на 156 сирот, заботился о слепых детях. Вместе с двенадцатью единомышленниками Манташев основал в Тифлисе «Армянское благотворительное общество на Кавказе», которое помогало наиболее талантливым молодым армянам поступать в лучшие высшие учебные заведения России и Европы. В числе студентов, получающих стипендию от Манташева, были люди, принесшие славу своему Отечеству. Неизвестно, как сложилась бы судьба таких представителей армянства, как великий Комитас, Акоп Манандян, Сиаманто, Айкануш Даниелян, Арменак Шахмурадян и другие. Большие суммы денег (700 000 рублей) были потрачены им на строительство нового здания семинарии Нерсисян, Патриарших покоев в Эчмиадзине и другие нужды. Не только начинающим молодым людям помогал Манташев. Уже состоявшиеся писатели, музыканты, актёры были в поле внимания этого благороднейшего человека. Причём делал это он с удивительным тактом, чтобы ненароком не обидеть человека [7].

Манташев был большим поклонником театра. В Тифлисе при его финансовой поддержке было построено здание «Питоевского театра» (сегодня – Грузинский государственный академический театр имени Шота Руставели). Он мечтал построить подобный театр в Ереване, но не успел... Его подарок городу – Малый зал Армянской филармонии.

Другой совершенно удивительный человек – Исай Питоев (Питоянц) – был одержим любовью к высокому искусству и мечтал заразить ею своих сограждан, поэтому в его доме всегда бывали артисты, музыканты, художники. В его доме был организован любительский кружок, который в 1887 году «перерос» в Артистическое общество. Там впервые были поставлены оперы «Евгений Онегин», «Риголетто», «Фауст», «Севильский цирюльник», «Русалка» и др. Сам репертуар уже является свидетельством серьёзной просветительской работы театра. Питоев знакомил тифлисскую публику с лучшими произведениями русских и европейских композиторов. Не раз газеты отмечали его неоценимую заслугу в истории музыкального развития города. Первым дирижёром театра был друг Исая Егоровича М. М. Ипполитов-Иванов, считавший, что «...труппа, по своему ансамблю не уступает столичным» [8]. В питоевском театре в начале творческого пути выступали В. Ф. Комиссаржевская и Ф. И. Шаляпин, который в поисках заработка оказался в Тифлисе в совершенно плачевном состоянии. И не случись его встреча с Константином Михайловичем Алихановым – музыкантом, человеком разносторонних ин-

тересов, оказавшим ему материальную поддержку, неизвестно как сложилась бы его дальнейшая судьба. Сам Пётр Ильич Чайковский, не раз бывавший в Тифлисе и любивший его [9], был поражён тем, что любительскими силами исполнялись серьёзные оперы, причём достаточно профессионально.

Артистическое общество расширялось, и Исая Егорович с соучредителями решил построить новое здание. Фундамент здания был заложен в ноябре 1898 года. Для внутренней отделки были приглашены лучшие итальянские мастера, использованы новейшие достижения европейской техники. Затраты были огромные (полтора миллиона), и большую часть их покрыл сам Питоев (хотя некоторую часть расходов покрыл А. Манташев). Строительство было произведено в кратчайшие сроки – всего три года. В феврале 1901 года состоялось торжественное освящение театра. Ныне – это грузинский драматический театр им. Шота Руставели. Здание театра, выполненное в барочном стиле, облицованное серым мрамором и белым камнем, и сегодня украшает собою роскошный проспект Руставели (Головинский). Вскоре тифлисцы имели возможность общаться с миром искусства в профессиональном драматическом театре, на сцене которого блистали выдающиеся дирижёры и исполнители. Так, в трагическом для всего армянского народа 1915 году в театре Артистического общества с благотворительными концертами выступали Леонид Собинов, Фёдор Шаляпин, Яша Хейфец и другие известные артисты.

Неоценим вклад Исая Питоева в организацию открытия тифлисского отделения Императорского русского музыкального общества, а также преобразования единственной музыкальной школы в музыкальное училище, на базе которого позже была открыта консерватория. Председателем отделения музыкального общества был избран Исая Питоев, который сам вскоре передал эту должность Константину Алиханову, который вложил много средств в строительство Тифлисской консерватории. Долгие годы его портрет, исполненный на стене в фойе консерватории, украшал её, пока во время одного из очередных ремонтов его вдруг не стало.

Другое, не менее известное имя, ставшее синонимом щедрости душевной – это Микаэл Арамянц. Он родился в Нагорном Карабахе в семье сельского старосты, но спустя годы, побывав в Тифлисе, полюбил его навсегда. К сорока годам он становится одним из самых богатых людей Закавказья. В 1898 году у Арамянца было девять миллионов рублей, заработанных своим умом и трудолюбием. Большинство армянских богачей не скупилась вкладывать деньги в развитие Тифлиса. Современному тбилисцу практически ничего не говорят имена таких армянских меценатов, как Читахов, Эминов, Куринов, Мандепов, Акопов, Адельханов, Яралов и многих других, но тогда они были у всех на устах. Но среди них неизбежно должны были быть лидеры, которые служили примером для остальных. Когда в беседе с

членом управы А. М. Аргутинским-Долгоруким Арамянц узнал, что Тифлис нуждается в больнице, не откладывая в долгий ящик, он пожертвовал сто тысяч рублей на строительство городской больницы примерно на сто коек, с расчётом, чтобы в будущем была возможность создать целый больничный городок. Сегодня это первая городская больница Тбилиси. Достоин упоминания тот факт, что именно Арамянц поддержал существование газеты «Новое обозрение», подарив редакции 35 000 рублей. Это была серьёзная газета. В ней сотрудничали передовые люди того времени – писатели, общественные и политические деятели. Главным редактором тринадцать лет был Георгий Михайлович Туманов, который был одним из крупнейших общественных деятелей на Кавказе и литератором – публицистом. Целью газеты было отстаивание нравственных, культурных и национальных ценностей, поэтому характерно, что именно человек прогрессивных взглядов мог поддержать убыточную газету. Или другой, не менее характерный пример, когда Микаэл Арамянц вкладывал очень большие суммы для ведения археологических раскопок и сбора этнографических материалов в работу Армянского этнографического общества. Так, в раскопках древней столицы Армении Ани, разрушенной в XIV веке, принимал участие сам академик Н. Марр, состоявший в обществе. Раскопки Ани имели громадное значение для истории всего региона. Ну а гостиница «Мажестик», или, как называли её тифлисцы, «Дом Арамянца» (ныне «Тбилиси»), как образно выразился Сергей Гевенян. «...была апофеозом его любви к Городу, который он мечтал видеть красивейшим в мире» [10].

К счастью, и сегодня мы имеем продолжателей дела этих выдающихся людей. Не удивительно, что в трудные для Армении 90-е из-за рубежа хлынула помощь, ведь друзья познаются в беде. Наши соотечественники осознавали опасность, нависшую над страной – лишиться всех наработок в области культуры и искусства, сделанных за годы Советской власти, поэтому поддержка касалась в основном детей. Были созданы всевозможные фонды, такие как «Амадеус» (возглавляемый Ованнесом Анастасяном). В Ереване с целью выявления талантливых детей фонд организовал несколько конкурсов «Амадеус». Дети поощрялись не только дипломами, но и материально. Кстати, на этом конкурсе впервые блеснул Сергей Хачатурян (правда, спустя всего пару лет, осознавая, что у молодого скрипача нет будущего на родине, родители увезли его в Германию, где он и приобрёл всемирную известность, а нам остаётся только гордиться своим соотечественником и сожалеть, что он редко выступает в Ереване). С 1996 года фонд продолжил свою благотворительную деятельность, организовав несколько конкурсов молодых композиторов и исполнителей, инструментальных и хоровых ансамблей. В 2000 и 2001 годах известный лондонский музыкант Левон Чилингирян, привлёкший к спонсорству армянскую общину Лондона, а

также при участии Армянской музыкальной ассамблеи и Ереванской консерватории, организовал два конкурса инструменталистов – скрипачей, альтистов и виолончелистов. Большую благотворительную деятельность развернули такие выдающиеся музыканты, как Владимир Спиваков (Международный благотворительный фонд) [11], Константин Орбелян (Благотворительный фонд) и др.

Надо сказать, что дети, поощряемые этими фондами, действительно имели возможность выступать с концертами в разных странах, брать мастер-классы у лучших музыкантов, принимать участие на международных конкурсах и т. д. Почти все они, выйдя из возрастных категорий и оставшись без поддержки, считают своей главной целью выезд из Армении. И лишь потому, что побывав там, где музыка всё ещё в цене, они понимают, что у себя на родине в погоне за хлебом насущным они не достигнут и сотой доли того, что могут иметь в Европе или Америке. И мы не вправе осуждать их.

Крупнейший благотворитель наших дней, щедрый, бескорыстный миллиардер – Керк Кркорян. Он оказался одним из тех, с чьей помощью Гюмри встал на ноги после землетрясения. Город и прилегающие к нему районы отремонтированы, построены новые дороги и туннели, мосты, стратегически важные магистрали, обновлено городское хозяйство. Суммы, инвестированные Кркоряном в армянскую экономику, давно обозначаются девятизначными цифрами. Не обделил он и армянскую культуру. Только в течение 2001–2003 гг. фонд Линси осуществил в Армении программу по восстановлению 40 культурных объектов на сумму 180 млн долларов. В программу были включены: Театр оперы и балета им. Спендиаряна, Малый зал филармонии им. А. Бабаджаняна, Армянский драматический театр им. Г. Сундукяна, Русский драматический театр им. К. Станиславского, Кукольный театр, Дом камерной музыки им. Комитаса, ТЮЗ, Музей этнографии в Сардарапате, Дом музей М. Сарьяна, Музей современного искусства, Национальная картинная галерея, Детская картинная галерея, Дома музеи Е. Кочара, О. Туманяна, Е. Чаренца, М. Мкртчяна, С. Параджанова, Джотто, М. Аветисяна в Джаджуре, Драматический театр им. В. Аджемяна в Гюмри, Дом культуры в Ванадзоре. Частичной реставрации подверглись Гарни, Звартноц, Цицернакаберд [12] и др.

Хотя искусство и культура Армении получает определённую подпитку из фонда Галуста Гюльбенкяна, это всего лишь капля по сравнению с тем вкладом, который был внесён фондом в развитие европейского искусства и культуры. Вполне резонно было бы ожидать и в Армении от фонда, носящего имя нашего великого соотечественника поступков, подобных тому, который он совершил, начав в 1942 году в Лиссабоне (Португалия) строительство одного из крупнейших в мире центров изобразительного искусства. Этот центр стал великолепным стимулом для развития культуры Лиссабона,

так как привлёк множество людей искусства, любителей и туристов [13]. На вопрос, «почему Лиссабон?», он отвечал, что ему симпатичен старый, некогда великий город, ныне оказавшийся на отшибе европейской цивилизации, и он желает, таким образом, его возродить. Лондон, Париж и другие города мира не нуждаются в дополнительных импульсах к развитию, а Лиссабон, благодаря этому центру, может воспрянуть и стать знаменитым культурным центром [14]. Так и случилось, ему удалось осуществить задуманное, впрочем, так же, как были осуществлены все задуманные им мероприятия.

Хотя стоит признать, что в наш прагматичный век на одной любви к искусству строить взаимоотношения творцов духовных и материальных невозможно. Вероятно, нужны более конкретные шаги в этом направлении со стороны нашего правительства. Это могут быть какие-то поощрения: к примеру, в виде сокращения налогов с предпринимательской деятельности спонсоров или какая-нибудь другая форма воздействия, в результате которой «жертвователю» будет не в накладе, потратив деньги. Может, и нам пришла пора подумать об этом, ведь надежда умирает последней!

Примечания

1. Фамилия Меценат давно перестала быть собственным, став именем нарицательным. О Гае Цильнии Меценате, покровителе поэтов, ближайшем друге и советнике императора Августа до нас дошло на удивление мало информации. Всё, что знаем о нём, это то, что был он из небольшого италийского городка, называл себя потомком местных царей, но никто не принимал это всерьёз. Предположительно он родом из одной из тех незнатных семей, из которых на смену выродившейся сенатской олигархии, после социального переворота, шли к власти «новые люди». После убийства Юлия Цезаря в 44 году до н. э. в Риме было два вождя-соперника: старший Антоний и младший Октавиан, будущий Август. С самого начала Меценат пребывал в войске Октавиана; потом он помирил раньше времени поссорившихся Октавиана и Антония, а во время отлучек Октавиана стал управлять от его имени Римом. Но в отличие от своих товарищей по политике он не стремился к карьере и не занимал каких-либо должностей. Он наслаждался жизнью и не боялся смерти (истинный эпикуреец). Когда Октавиан одолел Антония и стал единовластным правителем государства и принял имя Августа, Меценат ушёл от политики. Он поселился в Риме, в роскошном доме с огромным парком, держал толпу челяди, а в ответ на насмешки написал книжку «Так я живу». Как и все другие его сочинения, она не сохранилась. Кстати, писал много и о многом (о резных камнях, водяных растениях, животных и др.). Стиль его вызывал насмешки современников, но это не смущало его. Он дружил с молодыми поэтами и писателями и был их другом и покровителем. (Шифман И. Ш. Цезарь Август. «Из истории мировой культуры», Ленинград : Наука, 1990. С. 143).
2. Филантроп – это человек, осуществляющий благотворительное пожертвование. *Благотворительное пожертвование* представляет собой один из способов осуществления благотворительной деятельности, поэтому в отличие от пожертвования, носящего сугубо безвозмездный характер, осуществление благотворительной деятельности может осуществляться и возмездным путём (пере-

дача чего-либо на более льготных условиях). Благотворительная деятельность – деятельность, осуществляемая физическим или юридическим лицом бескорыстно, добровольно, в общепользующих целях, не связанных с извлечением дохода или политикой. (Статья 1 Федерального закона № 135-ФЗ.), согласно же ст. 3 Закона № 38-ФЗ «О рекламе» от 13.03.2006 г.). В отличие от филантропа, *спонсор* – это лицо, предоставившее средства либо обеспечившее предоставление средств для организации и (или) проведения спортивного, культурного или любого иного мероприятия, создания и (или) трансляции теле- или радиопередачи либо создания и (или) использования иного результата творческой деятельности. Таким образом, спонсорство – это деятельность спонсора, предоставившего средства для проведения определённого мероприятия. Закон о рекламе не разъясняет, каким может быть спонсорство – возмездным или безвозмездным. Исходя из общего значения и толкования данного закона можно сделать вывод, что спонсорство по своей природе – возмездная деятельность, поскольку любая реклама требует определённых затрат в целях получения от этого результатов в виде прироста доходов рекламодателя. (См. Татьяна Торшина. URL : <http://www.klerk.ru/law/?117009>).

3. Неслучайно, что наиболее «продвинутыми» в этом смысле являются страны Запада, и в первую очередь, Америка. Для примера можно привести следующие факты: ежедневно в США создаётся около 7 новых благотворительных фондов, а с 1998 года объём пожертвований на благотворительность стабильно превышает 2 % ВВП. В 2001 году в Америке было 83,9 миллионов взрослых волонтеров, занимавшихся добровольческой работой. Среднее количество часов в неделю на одного волонтера – 3,6 часа. Средняя стоимость часа работы волонтеров США – 15,4 доллара. Специалисты, изучающие феномен филантропии и благотворительности, говорят о том, что её уровень зависит от нескольких факторов. Наряду с экономическим развитием, большое значение имеют морально-нравственные стандарты, господствующие в обществе, а также развитость структур гражданского общества, способность граждан оказывать влияние на формирование государственной политики, их доверие власти и другим общественным институтам, ощущение и осознание своей ответственности за состояние общества. Немаловажным, с точки зрения развития культуры благотворительности, является и состояние средств массовой информации, их независимость, владение проблемами социальной сферы, наличие ресурсов для публикации социальной рекламы и пр. (URL : www.zonakz.net)
4. Наряду с самыми добрыми и почтительными словами в адрес известных меценатов, таких как С. Мамонтов, Н. Рябушинский, в литературе можно встретить и такие отзывы, как, например, А. П. Чехова: "Тип старых бар, заводивших с жиру «собственные театры и оркестры, на Руси ещё не вывелся. Раскройте житие железнодорожного барина г. Саввы Мамонтова и вы убедитесь в целостности типа». А А. Бенуа писал «... мне продолжает казаться, что Рябушинский – скверна, что это истый хам, хотя и «разукрашенный» парчой, золотом и, может быть, даже цветами». Во время пребывания в доме известного мецената С. Щукина, И. Е. Репин сказал: "Мне хотелось поскорее уйти из этого дома, где нет гармонии жизни, где властвует Новое платье короля..."
5. *Մարտիան Ա. Աղբրանդի Մանթաշեանց մեծ վաճառականն և բարեգործը: Հիշողութիւններ իր մահուան 20-ամեակի առթիւ, Վիեննա, 1931 թ., էջ 41–44:*
6. *Դաշիշյան Խ. Հայերը և Մարտի 1850–1920թ., Երևան Կորապետ, 2006, էջ 21–28.*
7. Современник Манташева, классик армянской литературы Александр Ширванзаде отзывался о нём так: «Не количество огромных сумм, а сердце – вот то, что играло единственную и величайшую роль в благотворительности Манта-

- шева. Он жертвовал не из пустого тщеславия или заднего умысла, он жертвовал потому, что так диктовала его чувствительная душа. Его благотворительность всегда носила печать истинного христианства: левая рука не знала, что правая даёт...». (Мамулов С. С. Удивительный народ из страны чудес. – Книга 4. – М., 2005. – С. 34). Каждый раз, проходя мимо Тифлисского реального училища, он как будто случайно подходил к ученикам, которые были очень бедными, наклонялся и спрашивал: «Как здоровье отца? Обязательно передай ему привет». И в этот момент, незаметно для окружающих опускал в карман студента золотую монету достоинством в пять рублей (Указ. соч. – С. 42).
8. Ипполитов-Иванов М. М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М. : Музиздат, 1934 – С. 75.
 9. Гевенян С. Мой Тифлис. – Эчмиадзин, 2002. – С. 102.
 10. Указ. соч. – С. 89.
 11. Фонд был основан в мае 1994 года с целью поддержки юных дарований в области музыки, живописи и хореографии. С 1999 года фонд успешно работает как самостоятельная организация отделения Фонда В. Спивакова в Армении. По инициативе Владимира Спивакова представители Фонда регулярно выступают на гастролях вместе с Государственным камерным оркестром «Виртуозы Москвы» под управлением маэстро. Зарубежные выступления представителей Фонда проходят в Латвии, Португалии, Болгарии, Литве, Украине, Республике Сербии, Италии, Нидерландах, Греции, Израиле, Англии, Франции, США, Бельгии, Дании, Швеции, Турции, Шотландии, Швейцарии, Испании, Польше, Канаде и других странах. Фонд – один из организаторов и постоянный участник Международного музыкального фестиваля в городе Кольмар (Франция), арт-директор которого – Владимир Спиваков. Самый крупный и значимый проект Фонда – Международный фестиваль «Москва встречает друзей», в котором ежегодно принимают участие более 2000 детей из более чем 40 стран мира. URL: www.spivakov.ru
 12. www.armyane.kz, www.delo.ua; *Ղարախանյան Վ. «Գալուստ Կյուլպենկյան» հիմնարկության հայանպաստ գործունեությունը. 1956–2006 թթ., Երևան, ԵՊՀ հրատ., 2008, էջ 209–215:*
 13. Подробнее об этом: www.gulbenkian.pt.
 14. Antonio Joseteixeira. Calouste Gulbenkian Foundation. The rich legacy of an Armenian visionary. || Philanthropy in Europe, A rich past, a promising future // Alliance publishing trust. – 2008. – P. 124.

Библиографический список

1. Гевенян С. Мой Тифлис. – Эчмиадзин, 2002.
2. Ипполитов-Иванов М. М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М. : Музиздат, 1934.
3. Мамулов С. С. Удивительный народ из страны чудес. – Книга 4. – М., 2005).
4. Статья 1 Федерального закона № 135-ФЗ., согласно же ст. 3. Закона № 38-ФЗ «О рекламе» от 13.03.2006 г.)
5. Шифман И. Ш. Цезарь Август. «Из истории мировой культуры». – Ленинград : Наука, 1990.
6. Ղաղաշյան Հայերը Խ. և Բարուն 1850-1920թ., Երևան Նորավանք : 2006. – էջ 21–28.
7. Ղարախանյան Վ. «Գալուստ Կյուլպենկյան» հիմնարկության հայանպաստ գործունեությունը. 1956–2006 թթ. – Երևան : ԵՊՀ հրատ., 2008. – էջ 209–215:
8. Սարուխան Ա. Աղերսանդր Մանթաշեանց մեծ վաճառականն և բարեգործը: Հիշողություններ իր մահուան 20-ամեակի առթիվ. – Վրեննա, 1931 թ.

9. Antonio Joseteixeira. Calouste Gulbenkian Foundation. The rich legacy of an Armenian visionary. || Philanthropy in Europe, A rich past, a promising future // Alliance publishing trust, 2008.
10. URL: www.gulbenkian.pt.
11. URL: www.armyane.kz, www.delou.ua;
12. URL: www.zonakz.net
13. URL: www.spivakov.ru

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

А. П. Енгоян
Российско-Армянский (Славянский) университет,
г. Ереван, Армения

Summary. Activation of nationalism and tendencies of national ideology formation in post-soviet Armenia relating to protection of radical interests of national community and on the basis of that ideological substantiation of bringing up goals realization became the subject of discussion and analyze of the thesis.

Key words: nationalism; national ideology; national community; conservative ideology; social-political life; democratization.

В результате вспыхнувшего в 1988 году Карабахского движения была пробита брешь в навязываемой армянскому обществу в течение десятилетий жёсткой системе идеологических постулатов, что привело к резкому подъёму национального сознания. Стимулирующим и объединяющим эти процессы началом на первом этапе Движения являлись идущие из глубины веков идеи исторической справедливости, требования торжества законности и международных правовых норм регулирования национальных и социальных отношений, ориентации на общечеловеческие ценности и критерии. Однако отсутствие разработанной идейно-политической концепции и программы идеологии Движения сказалось как на самом Движении, так и на поведении различных социальных групп. Не случайно, что в связи с первой же реальной угрозой карательных санкций со стороны центральных властей произошло отмежевание некоторых групп, и в первую очередь представителей интеллектуально-творческой элиты и бывшей партийно-государственной номенклатуры, от набравшего новый виток развития Движения.

Этому в немалой степени способствовала идея создания АОД как политической организации. Многие граждане усмотрели в этом политическом акте притязание “новоиспечённых деятелей” на политическую власть. С другой стороны, это вело к вполне естественному отмежеванию создаваемой партии от вовлечённых в Карабахское движение масс. С мая 1988 года АОД попыталось “надстроить” над Движением, которое рассматривалось уже не как цель, а как

“готовая” социальная база, или даже средство для решения политических задач. Тогда же наметился разрыв между политическими лидерами и самим движением. Разрыв всё более углублялся и достиг апогея в связи с приходом к власти АОД и провозглашения независимости Армении. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что среди широких социальных слоёв первоначально укрепились сверхвысокие ожидания от успеха АОД, его политической победы. Но победа сил демократии не привела к быстрым социальным переменам, экономическим успехам, появились сложнейшие и трудноразрешимые проблемы.

Всё это после 1990 года породило в национальном сознании нигилистические настроения и тенденции, что характерно для кризисных и переходных периодов общественного развития. К таким явлениям можно отнести, например, отрицательное отношение многих граждан к ускорению процессов государственного строительства, к политической элите, к формирующимся общественным отношениям, к новым ценностным ориентирам и т. д. Казалось, национальные идеи, мобилизовавшие армян в начальный период Арцахского движения, в дальнейшем должны были получить своё творческое развитие. Тем самым появилась бы реальная возможность для трансформации политической концепции культуры советского времени в новую национальную идеологию. Однако дальнейший ход событий свернул армянское общество с этого пути и затормозил процесс формирования современной национальной идеологии армянского народа.

Девальвация идей, лозунгов, под которыми происходило становление Карабахского движения, привела часть граждан к мысли о неправильности избранного пути. Этот путь, усеянный национальными по характеру лозунгами, не привёл к ожидаемым результатам. Сознание многих членов общества стало искать выход из сложившейся ситуации во вненациональных, общечеловеческих ценностях. Одни возвратились к старой идее спасительной миссии сильной личности, другие – к возрождению индивидуалистических концепций, в конечном счёте отвергающих такие традиционные универсалии, как государство, нация, национальная и государственная идеология, политика, религия и т. д.

Общеизвестно высказывание первого президента Армении Л. Тер-Петросяна относительно национальной идеологии, которую он назвал фикцией, выдуманном феноменом. В этом бывший президент РА старался вторить сторонникам концепции “деидеологизации” 60-х годов, называя Армению уже состоявшимся демократическим государством, которое не нуждается в какой-либо идеологии. Отмежевание от идеологических постулатов на деле означало отмежевание от господствовавшей ранее идеологии социализма и национализма партии-конкурента Дашнакцүцон, но никак не идеологии вообще. Происходила простая подмена названных идео-

логий другой идейной системой – либерализмом. По сути, либерализм, независимо от намерений его проводников в Армении, объективно выдвигался в качестве альтернативы именно для национальной идеологии, так как идеология социализма уже дискредитировала себя. Однако, несмотря на негативное отношение к национальной идеологии со стороны многих лидеров АОД, высказывания первого президента сыграли положительную роль в деле активизации в Армении научных исследований этого явления, а также заставили задуматься над этим другие политические силы страны и продолжить поиски теоретической базы для формирования современной армянской национальной идеологии.

Как было рассмотрено выше, в настоящее время актуализируется процесс либерально-консервативного сближения. Однако ни консервативный либерализм, ни одна из других ценностных систем сама по себе не может рассматриваться в качестве готового универсального инструментария и служить орудием для национального и государственного обустройства. Никакая концепция не может навязываться социальной действительности, накладываться на неё, она должна выводиться из результатов глубокого и всестороннего, системного исследования реальных общественно-политических процессов. Каждая нация по-своему приходит к “общечеловеческим” ценностям, и вряд ли правильно искусственно вводить её в те или иные заданные рамки движения. В этом отношении считать ту или иную “мировую модель” национального и общественного развития единственно правильной, на наш взгляд, не представляется уместным.

Ни годы Перестройки, ни Карабахское движение, будучи насыщенными новыми подходами к действительности, тем не менее, не привели к ценностной переориентации и формированию новых ценностей. Немаловажное значение имели, во-первых, отсутствие национально-политической культуры и мышления, устойчивых традиций национально-исторического и национально-ценностного творчества, и, во-вторых, возникший вакуум в социальном и политическом сознании вследствие бурных и, в определённом смысле, разрушительных процессов. В целом в Армении, как и во многих постсоветских странах, протекал процесс социально-политической и ценностной дезориентации различных социальных слоёв и групп. В стране утвердилась обстановка, которая характеризуется, по словам философа Г. Согомоняна, принципом “социальных параллелей”. В условиях “неопределённого равновесия” в переходном армянском обществе функционировали параллельно две системы ценностей – старая и новая [9].

Формируясь в течение длительного времени не только на уровне сознания, но и подсознания, область ценностных ориентаций в период общественных перемен оказывается относительно менее подверженной коренным сдвигам. Однако “старая” система

ценностей, как и многое другое, не “срабатывала” в новых условиях. В обществе появилась потребность в формировании новой системы ценностей, что должны были сделать в первую очередь представители интеллигенции. Однако последние уступили, по ряду объективных и субъективных причин, свои традиционные позиции другим общественным группам и заняли пассивную позицию.

Между тем новоявленные силы – прослойка деловых людей и предпринимателей, политические партии, общественные и религиозные организации, стали выдвигать свои критерии ценностных систем, которые постепенно внедрились в общественное и национальное сознание, приобретая значение социальных норм. В итоге вместо “моноценностной” советской системы стала создаваться “многоценностная” система, элементы которой, хотя и существовали ранее, однако не обладали самоценностью. Тем не менее, на наш взгляд, выработку новой системы ценностей должна осуществить именно армянская интеллектуальная элита. Ей предстоит дать теоретико-методологическое и идейно-политическое осмысление перехода к новой системе ценностей, провести её всесторонний анализ и выявить место и роль различных общественных групп в её создании. Только после становления такой ценностной системы будет возможным формирование современной национальной идеологии, ибо без ценностной ориентации всякая идеология теряет свой смысл. В этом плане сложившуюся в Армении современную ситуацию можно охарактеризовать как “внутреннее брожение умов”. Или, по словам К. А. Мирумяна, “как процесс поисков, столкновения принципов и реальных жизненных потребностей, ломки, крушения привычных ценностных ориентиров, в ходе которых пробиваются, вырисовываются ростки новых ориентиров и принципов, критериев и норм деятельности, поведения, образа жизни, моральных и профессиональных ценностей и т. д.” [1].

Созданные в течение тысячелетий культурно-исторические, духовные, нравственно-психологические традиции и ценности требуют соответствующего осмысления и включения в систему современного знания, утверждения норм, создания мощной идейно-теоретической и культурно-духовной базы для дальнейшего развития нации. Речь идёт о творческом преобразовании унаследованной от советского строя системы ценностей, но не о её огульной критике. Следует рассматривать прошлое, настоящее и будущее нации, как звенья единой цепи, из которой ни одно звено не может быть изъято механически.

По сути, общество стоит перед необходимостью не только создания национальной идеологии, но и “корректировки” самосознания нации, которая выступает перед мировым сообществом уже в новом качестве – как политически самоопределившаяся общность. Народу Армении, как и всем армянам, живущим во многих других странах, предстоит осознать и осмыслить факт создания государ-

ственности и всех вытекающих из этого новых обстоятельств. Завершение процесса подобной трансформации национального самосознания, что далеко не в последнюю очередь связано и с формированием новой ценностной системы, создаст благодатную почву для возникновения феномена, находящегося на более высоком уровне самосознания – национальной идеологии.

Соответствующая идеология необходима для духовного, языкового и идейного единения всех армян мира. В её создании обязаны участвовать как государственные структуры, так и все политические и общественные организации, в том числе и оппозиционные. Однако, в конечном счёте, создателем национальной идеологии может стать лишь национальная интеллигенция, в укреплении позиций которой должны быть заинтересованы все общественно-политические структуры.

Присутствие в общественном сознании отдельных национальных идей, их механическое сложение не даёт повода для утверждения наличия национальной идеологии. Последняя должна иметь форму упорядоченной идейно-политической концепции, имеющей программный характер. Разработка подобной идейной системы требует всестороннего и скрупулёзного исследования и анализа исторического прошлого и современности, теоретического осмысления духовного опыта прошлого с точки зрения современных национально-политических проблем. Отсутствие подобного подхода является большим упущением политических сил общества и политической науки в целом.

В настоящее время в Армении актуализировался вопрос соотношения национальной и государственной идеологий. Эта проблема находится в поле зрения всех политических сил общества. Национальная идеология может “исчерпать” себя в том случае, когда нация отождествляется с обществом, или же эти две системы совпадают по “объёму” (но не по содержанию). На примере истории армянского народа можно убедиться, что в истории человечества бывают случаи, когда наблюдается явное несоответствие этих двух феноменов (хотя бы по объёму).

С другой стороны, с образованием национального государства, естественно, “национальное” отходит на второй план, уступая место “общественному”. Особенно это актуально в случае с Арменией, где большинство населения оказалось в тяжёлом социально-экономическом, бытовом и психологическом состоянии. Об этом свидетельствуют многочисленные опросы общественного мнения в Армении, которые выявляют приоритеты большинства армян в общественной жизни. Среди таких приоритетов у большинства граждан Армении остаётся преодоление социально-экономических проблем. Естественно, эти обстоятельства несколько “сдвинули” акценты в политической жизни в сторону разрешения этих проблем, может быть,

даже в ущерб духовно-национальным задачам. Однако по мере преодоления кризисных явлений в обществе возрастёт вероятность возврата “к исходному состоянию”.

В целом, отождествление нации с обществом на практике означает, что с провозглашением независимости национальные задачи считаются решёнными, а потребности – реализованными. По этой логике в таких условиях национальная идеология теряет свою актуальность, а из этого следует, что у нации уже больше нет общенациональных интересов: они заменяются государственно-общественными интересами. А если принять эту точку зрения, получается, что две трети армянской нации механически выпадают из общенационального процесса. Понятно, какие негативные последствия для идейно-политического единства нации может иметь такой подход.

У армянского народа продолжают оставаться нерешёнными общенациональные задачи, в связи с чем ещё больше актуализируется вопрос создания системы идей, позволяющей осмыслить национальное бытие и обосновать очередные программные цели армянской нации. В современных условиях национальный фактор вновь восстанавливает свои “пошатнувшие” позиции и постепенно становится доминирующим. Об этом свидетельствует хотя бы то, что армяне мира приняли активное участие в обсуждении вопроса налаживания отношений с соседней Турцией.

В те исторические периоды, когда государственная идеология отсутствует, национальная идеология берёт на себя функции ориентира для всей нации. Она сохраняет своё функциональное значение до тех пор, пока государство не отождествлено с нацией. Национальная идеология эффективно может функционировать и в том случае, когда государственная идеология хоть и существует, но направлена на решение в основном сугубо социально-экономических и общеполитических задач. Однако в целом государственная и национальная идеологии проявляются на разных уровнях и не могут ни отождествляться, ни, тем более, противопоставляться. С этой точки зрения не выдерживает критики принимаемый многими исследователями подход, в соответствии с которым национальная идеология выступает в качестве стратегии, а государственная идеология – тактики. Обе идеологии, так или иначе, призваны осмыслить как стратегические, так и тактические задачи, стоящие перед армянской нацией.

К сожалению, в настоящее время в Армении всё ещё отсутствует систематизированная государственная идеология, в зачаточном состоянии находится процесс разработки национальной идеологии. В этом плане они находятся приблизительно на одинаковой стадии оформления. Однако это не означает, что политическая деятельность в стране происходит без наличия идейных ориентиров. Возникновение национальной идеологии не противоречит процессу

становления государственной идеологии. Здесь возможны два варианта: 1) разработка национальной идеологии предшествует государственной и становится основой для сообщения ей национального содержания; 2) создание такой государственной идеологии, которая включала бы в себя основные положения национальной идеологии, ещё точнее, основные пути и программные ориентиры для разрешения общенациональных задач.

Вне зависимости от того, какой из названных вариантов может “сработать”, прослеживается решающая роль государственной идеологии, которая является необходимым атрибутом любой государственной системы и в значительной мере обогащает и конкретизирует национальную идеологию. Национальная идеология выполняет функции, присущие любой идеологии. Она должна охватывать те практические сферы жизнедеятельности армян, где чувствуется его “надобность”. А необходимость в существовании национальной идеологии возникает как в обретенной государственности части армянского народа, так и далеко за пределами Армении – в армянской диаспоре. Как было отмечено выше, в деле создания национальной идеологии важную роль играет интеллектуальная элита политических партий. В Армении в 2009 году действовало около 90 политических партий. В выборах в Национальное собрание IV созыва участвовало 23 партии (и 1 союз). В Парламент прошли лишь 5 политических партий. Из них абсолютное большинство голосов получили Республиканская партия Армении и партия “Процветающая Армения”. В условиях наличия государственности любая политическая партия невольно преследует главным образом партийные цели. Другие задачи, в том числе и национальные, естественно, отодвигаются на второй план или же подчиняются партийным интересам, приводятся в соответствие с ними. На практике это ведёт к их отождествлению, вследствие чего партийные интересы очень часто выдаются как национальные. Подобные манипуляции, независимо от того, совершаются они осознанно или неосознанно, обычно сопровождаются ссылкой на национальный характер данной политической партии. Партии могут считаться таковыми лишь при наличии систематически разработанной национальной идеологии и программы. При этом фактор существующей государственности должен выступать в качестве исходного и определяющего, а не конечного, что правомерно для предыдущих этапов истории армянского народа.

Несколько иначе обстоит дело с традиционными политическими партиями, которые в течение десятилетий с той или иной долей интенсивности приложили большие усилия для поддержания идей национального единства и возрождения, восстановления собственной государственности на исторической Родине. Однако их деятельность протекала далеко за пределами Армении и в условиях отсутствия государственности. Фактор будущей государственности

был отправным, но в то же время и конечным в идеологии традиционных партий. С провозглашением Республики Армения возникла принципиально иная ситуация, требующая переосмысления, пересмотра прежних установок. В особенности это касается обеспечения их влияния на территории самой Армении. Откорректировать свои тактические задачи в наибольшей мере удалось партии Дашнакцун. Хотя и у неё не всё протекало гладко, как, скажем, в середине 90-х годов прошлого века. На современном этапе эта партия практически всегда имела своего рода “семидесятипроцентный задел” – в периоды практически всех избирательных кампаний она стабильно набирала около десяти процентов голосов избирателей.

С образованием и развитием государственности для всех политических партий встала новая проблема – найти свою социальную базу. В прошлом она имела второстепенное значение, поскольку тогда речь шла о судьбе всей нации, и партиям приходилось бороться за осуществление вековых чаяний армянского народа. В постсоветский период произошла сильная дифференциация населения страны. Появилось множество прослоек со своими потребностями и интересами. Стали вырисовываться серьёзные, иногда непреодолимые, противоречия между различными социальными группами. Деятельность партий в Армении постепенно направлялась на поиск тех социальных слоёв общества, на которые они могли бы опереться в своей политической деятельности. Тем самым программные установки политических партий обогащались положениями, охватывающими интересы все большего числа граждан Армении. Это обстоятельство позволяет обогащать национальную идеологию новыми элементами, превращать её в динамичную систему идей.

Превращению некоторых политических партий в носителей национальной идеологии во многом мешает то, что они всё ещё носят “кастовый” характер. В основном они преследуют узкогрупповые цели и ориентированы на решение сиюминутных задач. “Конъюктурщина” и “аморальные” политические игры очень часто препятствуют серьёзному идейному и политическому развитию партий. Поэтому некоторые из них “скатываются” в “клановые разборки” между собой, где властвует уже не закон, а элементарная сила.

Главной питательной почвой активности некоторых политических партий, основным средством их самоутверждения стала критика государственных органов власти. В их деятельности наблюдается отсутствие конструктивно созидательного начала, игнорирование положительных результатов в деятельности госструктур. Критически-нигилистическая политическая установка некоторых партий выливается на страницы их печатных органов, которые фактически стали основной формой работы с общественными слоями и средством воздействия на общественное сознание. Обвинительно-нигилистическая установка, как главное средство политической

борьбы, в лучшем случае может разбудить лишь инстинкты людей, но не их сознание. Для должного же воздействия на общественное и национальное сознание необходимы разумные средства. В качестве таковых могут выступать развёрнутые, обоснованные общеполитические концепции, научно выверенные национально-политические, социально-экономические, учебно-образовательные и другие программы. Перечисленные концепции и программы должны лечь в основу национальной идеологии.

Современную демократию характеризуют не только как соблюдение прав большинства, но и как уважение к правам меньшинства. Такое восприятие демократии включает в себя как идею необходимости и “законности” оппозиции, так и определённые требования к ней. Справедливое требование соблюдения провозглашённых демократических принципов со стороны органов власти не в меньшей степени предполагает соблюдение правил “демократической игры” и со стороны оппозиции. Прежде всего, это касается конструктивного отношения к процессам в обществе и позитивного настроения.

Активизации процесса формирования новой национальной идеологии должно способствовать становление политической идентичности армянского народа в современных условиях. После обретения Арменией независимости начался кризис бывшей советской политической идентичности и появилась необходимость в выборе качественно новой, альтернативной концепции общества, базовых принципов и ценностей. После окончательного утверждения они должны приобрести фундаментальный и более длительный характер, нежели представления, формируемые электоральными циклами. Подобная идентичность в Армении стала закладывать основы только с конца 1990-х годов, когда армянское общество всерьёз задумалось об эффективности западных либеральных стандартов. Смысловые и символические элементы патриотического содержания, преобладающие в обществе на начальных этапах Арцахского движения и несколько вытесненные после побед армянских сил в Карабахской войне, вновь выдвинулись на первый план. Можно утверждать, что в этот период в Армении появился относительно целостный вектор понимания прошлого армянского народа. Ярко выраженный антикоммунизм, во многом насаждаемый извне, уступил место более сдержанному отношению к бывшей советской действительности, что позволило более объективно оценить как советский, так и досоветский периоды истории армянского народа.

С начала 2000-х годов произошло изменение отношения и к первому постсоветскому десятилетию, которое само по себе стало историей и предметом интерпретаций. Неоправданными признавались издержки политических и социально-экономических трансформаций: деградация институтов государства, падение уровня жизни и т. п. С другой стороны, подобное признание не означало то-

го, что государство должно вернуться к институтам и практикам советского времени. Главным достижением первого постсоветского десятилетия признавался взятый обществом курс на демократизацию общественной жизни. Таким образом, новая символика (гимн, герб, флаг, национальные праздники, государственные награды и другие) стала не только подчеркивать национальный и патриотический компоненты, но и преемственность со всеми историческими этапами развития армянской нации, и никоим образом какие-либо идеологические составляющие.

После провозглашения независимости Армении полностью не решился вопрос слияния абсолютных ценностей национальной идеологии, какими являются “нация” и “Родина”. В сознании армянского народа кристаллизовалась идея о незавершённости национально-освободительной борьбы, конечной целью которой является воссоединение всех частей исторической Родины армян. Однако не меньшее значение приобрела и другая идея – строительство сильного государства, способного противодействовать современным вызовам. Рассмотрение государства в качестве средства для достижения конечной цели национально-освободительной борьбы армянского народа на современном этапе теряет свою актуальность. Современная национальная идеология армян нацеливается на всемерное социально-экономическое и политическое развитие государственности, что позволит Армении занять достойное место в мировом сообществе.

Данное обстоятельство уже не позволяет рассматривать армянское государство одновременно в качестве цели и средства национально-освободительной борьбы народа, т. е. стержневым элементом национальной идеологии. Образование государства, пусть даже на небольшой части исторической Родины армянского народа, заставляет перенести рассмотрение этого фактора в иную плоскость. Актуальными положениями национальной идеологии становятся те идеи, которые придают армянскому народу статус носителя одной из древнейших цивилизаций мира. Тем самым происходит своего рода трансформация системы национальных ценностей – от “негативных” к “позитивным”. Армянский народ предстаёт уже не как подвергающийся постоянным испытаниям и готовый к различным “ответным” мерам, а как достигшая нормального политического состояния нация, стремящаяся осознать свою позитивную роль в развитии человечества. Ей предстоит оценить то ценное, что она может дать миру, а взамен получить адекватное отношение сообщества наций. Подобная направленность национальной идеологии позволяет объединить не только граждан РА, но и всех армян, проживающих в других странах мира.

Теоретической базой для формирования новой армянской национальной идеологии могут служить различные концепции, вы-

двинутые видными представителями армянского национально-освободительного движения. Они могут быть использованы современными представителями интеллектуальной элиты для формулировки общенациональных идей, призванных лечь в основу будущей национальной идеологии. Предстоит выявить те насущные (реальные, а не мнимые) задачи, которые способны объединить всех представителей армянской нации (простых граждан, диаспору, власть и оппозицию). Идеи о необходимости их разрешения должны глубоко проникнуть в сознание армян, затронуть глубинные пласты национальной психологии и функционировать вплоть до массового и бытового сознания. Только подобное проникновение идей в общественное сознание, при котором все устремления армян будут подчинены решению судьбоносных проблем, станет свидетельством формирования основных положений национальной идеологии.

Для решения этой задачи в последнее время всё большее число армянских исследователей обращается к концептам, выдвинутым Г. Нжде. Основные положения концепции национального развития Нжде сводятся к утверждению в сознании армян (особенно молодёжи) веры в силу и героизм нации. К воспитанию чувства достоинства и гордости за свой народ, непоколебимому стремлению восстановить историческую справедливость и воссоздать армянское государство на его исторической Родине, подчёркиванию уникальности армянской культуры, внесшей неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации. По мнению Нжде, история армянского народа богата примерами благородства, героизма и самопожертвования представителей нации, а армянская культура (как христианская, так и дохристианская) не раз спасала народ от ассимиляции и физического уничтожения. В этом заключается уникальность культурного фактора народа, к которому необходимо всемерно приобщать армянскую молодёжь.

Концепция Г. Нжде разрабатывалась в условиях отсутствия у народа своего национального государства, когда нация была разобщена, а значительная её часть разбросана по многим уголкам нашей планеты. Кроме этого, отсутствовало единство национальных рядов в общинах армянской диаспоры. В подобной ситуации, естественно, вставал вопрос о необходимости защиты армянского народа от потери им своей исторической памяти и ассимиляции. По словам Нжде, народ, не почитающий своих предков, не может долго и самостоятельно существовать [7].

Особую опасность Г. Нжде видел в проповедуемых западными странами либеральных ценностях, которые, по его мнению, насаждали эгоцентризм личности и предавали забвению национальные устои, ценности и традиции. Поэтому выдвинутая Нжде концепция была призвана объединить армянскую диаспору, сохранить веру в воссоздание государства на исторической Родине, защитить молодых армян от “бездуховности” западных ценностей и нейтрализо-

вать ведущуюся кемалистской Турцией антиармянскую пропаганду. По словам армянского исследователя В. Атояна, смысл учения Г. Нжде заключается в том, чтобы дать возможность “живущему на чужбине армянину оставаться армянином”[3]. В целом, можно заметить, что претворение концепции Г. Нжде в странах с присутствующим армянским населением не позволяло армянской молодёжи быть втянутой в процессы космополитизации и сохраняло её национальную самобытность. В конечном счёте, она была направлена на сохранение национальной идентичности и консолидацию нации, против имперских амбиций, шовинизма, расизма и ксенофобии. Следует особо отметить то обстоятельство, что пропаганда идеи уникальности армянской нации у Г. Нжде никоим образом не отождествляется с её превосходством над другими народами. Или же идея возвращения своей исторической Родины вовсе не означает захвата жизненного пространства для армян. Подобные комментарии концепции Нжде были особенно распространены в советское время. Советские исследователи практически всегда ставили знак равенства между фашистским нацизмом и национализмом, проповедуемым Нжде. Этому в основном способствовала политическая позиция этого деятеля национально-освободительного движения армян, который в ряде случаев был вынужден сотрудничать с правящими фашистскими кругами в Германии с целью освобождения пленных соотечественников. Однако следует отметить, что концепция Нжде не имеет ничего общего с фашизмом. Его теория не направлена против кого-либо, а ратует лишь за духовное и физическое освобождение многострадального народа.

Определяя уникальность культурно-ценностной системы армянского народа, Г. Нжде не противопоставлял его мировым ценностям. По его мнению, истинный патриот-националист не может с неуважением отнестись к результатам творчества других народов; истинный патриот не может делить народы на “ценностно-формирующие” и “культур-разрушающие”, понимая, что только благодаря взаимообогащению культур возможен прогресс как всего человечества, так и конкретной нации. Армянский философ С. Закарян пишет об учении Нжде, что его учение глубоко национально по содержанию, поэтому несёт в себе и общечеловеческие ценности [5].

Кроме этого, Г. Нжде считал фашизм идеологией слабых и “одурманенных злобой” людей, в то время как свою теорию он представлял как “религию сильных”. Основное содержание концепции Нжде сводится не к пропаганде исключительности армянской нации, а к необходимости формирования духовно и физически сильной нации, чьи взоры уверенно обращены в будущее и которая в состоянии не только “постоять за себя”, но и служить примером в творчестве и в духовной деятельности для других народов.

Г. Нжде и его сподвижник А. Асатрян на первый план выдвигали, на наш взгляд, очень важный для формирования новой национальной идеологии армянского народа фактор – необходимость раскрытия позитивных составляющих ценностной системы армянства, что позволяет не только углубить процессы национальной идентификации армянского народа, но и осмыслить возможность строительства сильной государственности. Под армянством следует понимать способность к восприятию армянского цивилизационного типа и присущего ему позитивного ролевого содержания. Армянство не есть чисто национальное, или, более того, узконациональное. Оно было присуще армянскому народу изначально и представляло собой синтез национального с общечеловеческим. Однако оно было растеряно после ликвидации государственности и последующей за этим самоизоляцией, продиктованной необходимостью самосохранения нации. Армянство представляет собой органическую результирующую проявляющихся в естественных условиях позитивных творческих импульсов нации и является “визитной карточкой” армянского народа.

Армянская политическая мысль в прежние времена не обращалась к этой теме не потому, что плохо представляла историю собственного народа и его культуру, а потому, что не имела под собой благоприятной почвы – независимого государства (Первая и Третья республики). Его создание является не только проявлением самоорганизации нации и его высшей формой, но и завоеванием её развитого самосознания. Это и заставляет армянскую нацию понять значение своего цивилизационного фактора, восстановить историческую память и осознать своё место в мировом сообществе. По мнению же А. Асатряна, будущим идеологам следует глубоко проанализировать исторический путь, пройденный армянским народом. Однако, по его словам, историю необходимо рассматривать не как простое повествование фактов и событий, а постараться выявить её “душу” – это и должно стать краеугольным камнем в выявлении сущности армянства [4].

Как видно, многие положения концепции Г. Нжде по-прежнему сохраняют актуальность и могут быть использованы для создания новой армянской национальной идеологии. Этому во многом способствуют такие факторы, как сохранение напряжённости в Кавказском регионе в целом, всё ещё не преодоленный постсоветский идеологический вакуум в Армении, продолжающиеся процессы глобализации, переоценки ценностей в обществе, оттока населения из страны, продолжающаяся разобщённость армянской диаспоры и другие причины. Однако следует учесть фактор времени, который вынуждает любую теорию адаптироваться к современным реалиям. Это относится и некоторым идеям в концепции Нжде. В частности, речь идёт об изменениях в общественном сознании армян. Затронуты глубинные

пласты общественной психологии. Углублены процессы международной интеграции. Это относится практически ко всем сферам общественной жизни, вовлечённости Армении в международную правовую систему, определяющую круг её обязанностей, низкому уровню жизни большинства граждан страны, незавидной демографической ситуации и, наконец, двадцатилетнему опыту государственного строительства. В связи с этим следует несколько скорректировать основные тезисы, безусловно, полезной для формирования национальной идеологии концепции Г. Нжде.

Во-первых, это касается идеи возрождения национального государства на исторической Родине армян. На наш взгляд, в данном случае вопрос должен стоять несколько в иной плоскости, чем воссоздание государства в бывших исторических границах. На первый план выходит проблема сохранения в памяти народа его прежнего величия и достоинства, а конечной целью можно будет считать признание мировым сообществом законных прав коренного населения относительно своей бывшей Родины.

Необходимо несколько отдалить друг от друга идейную и политическую составляющие этой проблемы. Ведь в условиях обострённой демографической ситуации, пусть даже ограниченное расширение границ за счёт Западной Армении может поставить под сомнение само существование современной армянской республики. Поэтому акцент в подобном подходе следует ставить на вопросы, способствующие углублению процесса политической самоидентификации армянского народа посредством восстановления исторической справедливости.

Многие современные политологи склонны рассматривать Карабахскую проблему в качестве одной из важнейших идеологем будущей национальной идеологии. Однако, на наш взгляд, с одной стороны, такой проблемы для армянского народа не существует – это проблема его воинственно настроенных соседей, а с другой стороны, вопрос признания независимости Арцаха мировым сообществом полностью вписывается в идею о законности восстановления исторической справедливости в жизни армянского народа. В целом, стремление к достижению этой цели позволит народу избавиться от “засилья” проявляющегося у него комплекса “ущербности”, психологически “самоочиститься”, поверить в свои силы и занять достойное место в мировом сообществе наций.

Во-вторых, идея превалирования духовных ценностей нации над материальными поможет оградить молодое поколение армян от его превращения в прагматически мыслящую “потребительскую корзину”. Однако в процессе осуществления этой идеи может возникнуть несколько проблем. Прежде всего, подобное отношение к действительности следует ожидать от тех представителей чиновничьего аппарата, которые в течение долгого времени занимались большей

частью незаконным обогащением. Или же другое обстоятельство – в мировой практике акцентирование идеологической работы на духовно-нравственных ценностях очень часто используется правящими кругами для направления народного недовольства своим социальным положением по удобному им руслу. Такое уже бывало в бывшем Советском Союзе, когда проблемы социально-экономического характера заглаживались патриотическими лозунгами, например, “потуже затянуть пояса” с целью противостояния “проискам империализма” в условиях враждебного окружения. Следует также несколько смягчить антизападнические акценты концепции Г. Нжде и направить теоретические положения будущей национальной идеологии на то, чтобы исключить в общественной жизни простое копирование западных стандартов и сохранить её национальный облик. Поэтому в целом приоритет духовного начала в практической политике требует более тонкого и взвешенного подхода, чем простая пропаганда национальных и морально-нравственных ценностей.

В-третьих, необходимо творчески развивать идею Г. Нжде о культурно-национальной уникальности армянского народа применительно к современным условиям. С одной стороны, развёртывающиеся в мире интеграционные процессы, восстановление многополярного миропорядка не позволяют абсолютизировать эту идею, что на деле приведёт к самоизоляции армянской нации. Тем более что в условиях существования независимого государства идеи интеграции приобретают первостепенное значение. С другой стороны, активная пропаганда национальных ценностей и привитие армянской молодёжи национального “духа” ни в коем случае не противоречит развитию международной интеграции. Такая работа призвана создать органическую связь между мировым и армянским цивилизационными факторами. Как бы то ни было, идеологам следует остерегаться опасности изоляционизма, которые и так всячески “поощряются” Турцией и Азербайджаном. Более того, нейтрализация подобных устремлений может быть достигнута посредством расширения вовлечённости Армении в различные интеграционные проекты. Любая национальная идеология невозможна без определения уникальной роли данной общности в мировой истории. Например, для еврейской нации в качестве подобной идеи служит её “богоизбранность”, позволившая ей не только сохранить своё физическое существование, но и свою самобытность, а в итоге – создать государственность. Уникальность судьбы Армении заключена в незыблемых “константах”. Армянская нация прошла очень сложный, во многом схожий с еврейским, исторический путь. На наш взгляд, раскрытие уникальности армянской нации сопряжено с выявлением именно цивилизационных факторов идентификации народа.

Сегодня мировое сообщество хочет видеть в каждой нации позитивно настроенного партнёра, от которого “больше пользы, чем

проблем”. Немаловажное значение для оформления подобного подхода имеет преобладающий в западных странах прагматизм в отношениях между странами и народами. Отношение мирового сообщества к той или иной нации во многом зависит от того, что она может дать миру, будь то материальные или духовные ценности. В современном мире такие факторы, как размеры территории государства, или же численность его населения отходят на второй план, уступая место качественным ресурсам. К ним можно отнести не только технологические, но и духовные ресурсы.

Перед армянским обществом, как и перед всей нацией, стоит задача гармонично “вписаться” в общецивилизационные мировые процессы. Перед человечеством армянский народ должен предстать не в качестве “закомплексованной” и “сконцентрированной” только на своих проблемах нации, а как созидатель, творец, несущий человечеству свои ценности и идейные ориентиры, которые помогли ему не только выжить, но и внести большой вклад в сокровищницу мировой культуры. Этот подход, на наш взгляд, должен стать стержневым для армянской национальной идеологии.

Между тем, научные изыскания некоторых исследователей ведут к противопоставлению национальной идеологии с глобализацией. Очень часто они ратуют за возведение, так называемых, “крепостей” перед опасностью развёртывания глобализационных процессов [6]. Временами у них преобладает пропаганда идей исключительности нации. Особенно неприемлемым является то, что в качестве идейной основы таких “теоретических построений” выдаётся философская концепция Г. Нжде. Однако при рассмотрении любой концепции необходимо, во-первых, учитывать особенности тех исторических периодов, когда они возникали, а во-вторых, не отходить от общего контекста концепции и не нарушать взаимосвязи её положений. Признания приоритетности национальных ценностей, морально-нравственных норм и традиций можно добиться отнюдь не самоизоляцией. Как уже было рассмотрено выше, между национализмом и глобализацией нет антагонистических противоречий. Тем более нет противоречий и между национальными и общечеловеческими ценностями. В то же время мировому сообществу понятен именно “общецивилизационный язык” и свойственные ему категории. Поэтому идейно-политическое обоснование значимости особенных черт цивилизационного содержания духовной жизни армян может стать решающим фактором в деле формирования новой национальной идеологии армянского народа и выделения для него особого места в мировом сообществе наций. Заслуживает внимания выдвигаемый некоторыми исследователями тезис о существовании феномена “армянской цивилизации” [10].

В настоящее время он находится на стадии разработки и больше относится, естественно, к области культурологии. Однако, неза-

висимо от степени разработанности идеи об “армянской цивилизации”, она помогает понять и оценить с социально-политической точки зрения те аспекты истории армянского народа, которые позволили ему не только сохранить свою самобытность, но и удивительным образом сформировать “цивилизационную общность” всех очагов армянской диаспоры, независимо от их месторасположения. По словам А. Устяна: “Армянская цивилизация – самая протяжённая во времени цивилизация, имманентно ориентированная на социальную гармонию, справедливость и мудрость” [2].

Выдвижение в национальной идеологии на первый план культурно-цивилизационного фактора никоим образом не противоречит укоренившемуся в национальном сознании стремлению к восстановлению исторической справедливости относительно потерянной Родины и осуждения мировым сообществом геноцида армян. Наоборот, эти проблемы получают новое звучание и встают на цивилизационную основу, более понятную и приемлемую для развитых стран, прямо или косвенно влияющих на формирование норм взаимоотношений для современного человечества. Решение указанных проблем увязывается не с проявлением “снисходительности” к “жалкому” и “обиженному” армянскому народу, а с соблюдением элементарных норм общежития мирового сообщества и созданием условий для недопущения впредь подобных “нецивилизованных” и “варварских” шагов со стороны какого-либо члена этого сообщества. Тем самым вековые чаяния армянского народа непосредственно связываются с установлением справедливого и демократичного нового миропорядка, то есть приобретают “позитивный” характер и целиком направлены в будущее. Разрешение общеармянских проблем, по сути, обогащает нормативно-правовую и политическую базу будущей человеческой цивилизации.

Культурно-цивилизационный аспект национальной идеологии вбирает в себя осмысление как культуры и истории христианской Армении, так и дохристианской. Естественно, при этом отдаётся должное христианской религии, историческую роль которой в судьбе Армении трудно переоценить. Однако это не может умалить значения тех традиций, которые были заложены в период Античности или задолго до неё. Именно они, в конечном счёте, определили вектор развития армянской цивилизации. Подобный подход помогает не только сохранить и развить тысячелетние традиции армянского народа, но и передать их новому поколению, с уверенностью и правотой смотрящему в будущее. Данный подход во многом объединяет стремления граждан Армении с Диаспорой. На первый взгляд кажется, что именно армянская диаспора стремится акцентировать на историческом прошлом армян, а также решительным образом настроена на восстановление исторической справедливости. Однако основная часть армянской диаспоры сконцентрирована

в индустриально развитых странах с эффективно функционирующими институтами демократии. Им, как и многим гражданам этих стран, глубоко понятны цивилизационные мотивы во взаимоотношениях между народами. Поэтому в сознании армян, проживающих за пределами Армении, сохраняется стремление предстать перед согражданами в качестве представителей достойной нации, внесшей существенный вклад в развитие мировой цивилизации.

Особое значение в национальной идеологии должна приобрести идея об обеспечении высокого уровня благосостояния армян, независимо от места их проживания. Комплекс мер, направленных на решение этой проблемы, должен включать как утверждение свободной конкуренции в рыночных отношениях внутри армянского общества, так и принципов взаимопомощи между армянами всего мира. Кроме этого, повышение уровня жизни тесным образом увязывается и с проблемой демократизации политической жизни Армении. Именно это обстоятельство призвано обеспечить раскрытие творческих способностей индивидов, привитие им чувства достоинства и гордости за Отечество, а также обратит взоры многих зарубежных армян и возбудит их интерес к своей исторической Родине.

Одной пропагандой добиться в общественной жизни приоритета духовного начала над материальным на длительный период невозможно. Иначе будет воспитано новое поколение граждан с рабской психологией и подданническими настроениями, не способное на героизм, мужество и самопожертвование. Истории известно много фактов, когда по идеологическим соображениям граждане готовы были лишиться даже элементарных условий жизни. Однако та же история, хотя бы бывшего СССР, доказывает, что долго поддерживать сознательное материальное самоограничение, пусть даже ради возвышенных идей, народ не в состоянии. Идеино убеждённой и готовой на самопожертвование должна быть, в первую очередь, политическая элита страны, которая своим примером должна мобилизовать нацию. Армянский народ часто доказывал свою мудрость и способность к объединению вокруг достойных лидеров. По справедливому выражению Г. Нжде, не соответствует действительности утверждение, будто армянин не доверяет элите, наоборот, он склонен доверять только справедливым, честным, искренним, не на словах, а на деле преданным Родине и народу лидерам [8].

Библиографический список

1. Мирумян К. О природе национальной интеллигенции и её задачах. Опыт историко-теоретического анализа. – Ер.: Гаяне. 1995. – С. 38.
2. Устян А. Р. Политическая философия ареввизма. – М., Научное издание. – С. 398.
3. См.: Атоян В. К. Учение Гарегина Нждега и его актуальность. – Ер.: ЗАО “Журнал Экономика”, 2007. – С. 25. (на арм. яз.)

4. См.: Асатрян Г. Возвращение к духу. Избранное. – Ер. : Амарас, 2004. – С. 99. (на арм. яз.)
5. См.: Закарян С. А. Гарегин Нждег (философский очерк). – Ер. : ЕГУ, 2001. – С. 64. (на арм. яз.)
6. См.: Лалаян М. О проблемах национальной идеологии. – Ер. : Клуб “Отечество”, 2008. – С. 9. (на арм. яз.)
7. См.: Нждег Г. Тюремные тетради. Избранное. – С. 249–250. (на арм. яз.)
8. См.: Нждег Г. Тюремные тетради. Избранное. – С. 278–281. (на арм. яз.)
9. См.: Согомоян Г. Социокультурные трансформации переходного общества. – Ер. : ЕГУ, 2005. – С. 43 (на арм. яз.)
10. См.: Степанян А. Великая Армения в античных глобализационных процессах / Вопросы истории. Хронометрика. – Ер. : 2008, – С. 10–43. (на арм. яз.)
11. Арутюнян Г. Информационные проблемы организации армянства / Претензии, предъявляемые Турции потомками западных армян. – Ер. : 2009. – С. 170–174. (на арм. яз.)
12. Устьян А. Р. Политическая философия ареввизма. – М., Научное издание, 2007. – С. 398–400.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ МОЛОДЁЖИ АРМЕНИИ

**С. Ш. Казданян
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет,
г. Ереван, Армения**

Summary. The article is devoted to one of actual problems of political psychology – political culture of youth. Types of political culture are considered, level of political culture of students RAU comes to light.

Key words: political psychology; youth; political culture.

Социально-экономические, политические преобразования, происходящие в стране, не могли не оставить след в жизни современной молодёжи. В связи с этим актуальность исследования политической культуры молодёжи Армении очевидна.

Отметим, что государственная молодёжная политика невозможна без анализа ценностных ориентаций молодых людей и формирования соответствующей политической культуры. (Интерес к политической культуре обусловлен не только теоретическими поисками!).

Сам термин «политическая культура» был введён в науку в 50-х годах XX века и обозначал ориентации, навыки, исторический опыт социальных общностей и отдельных индивидов в сфере политики, влияющие на политическое поведение, однако понятие культуры, духа, ценностей, которые влияют на проведение политики нации, государства, используется давно.

Концепция политической культуры, которую разработали Г. Алмонд, С. Верба [1], сводится к тому, что – это определённый

набор ценностей. Внутри него действует политическая система, на фоне которой разворачиваются политические события. Когда С. Верба и Г. Алмонд говорят о политической культуре общества, то имеют в виду политическую систему, интернализированную в знаниях, чувствах и оценках его членов, соответственно, политическая культура – определённый образ ориентации, система ценностей, символы, верования, установки на политическое действие.

В настоящее время классификация трёх основных и нескольких смешанных типов политических культур, предложенная ими, признаётся классической. Первый основной тип – патриархальный. (Характеризуется полным отсутствием у граждан какого-либо интереса к политической системе, поскольку требует от них слепого подчинения).

Второй тип – подданнический. (Характеризуется положительной ориентацией граждан на политическую систему и слабой степенью их личного участия, к тому же почтение к лидеру может сочетаться и с высоким гражданским сознанием и личным участием в политической деятельности).

Третий тип – активистский. (Характеризуется стремлением граждан играть значительную роль в политических делах и их компетентностью в делах государства, поскольку у них высокий интерес и позитивное отношение к политике) [3].

Разумеется, в «чистом» виде ни один тип политической культуры не встречается, но их сочетания дают смешанные типы: патриархально-подданнический, подданнически-активистский и т. д.

С целью исследования политической культуры молодёжи Армении мы провели глубинное интервью, контент-анализ. (В исследовании принимали участие студенты вузов Армении – РАУ, ГГУ, АГПУ). По результатам исследования, у 60 % исследуемых подданнический тип политической культуры, у 25 % – подданнически-активистский, у 10 % – активистский, у 5 % – патриархальный.

Считаем, что наличие конструктивных предложений и шагов в сфере повышения социально-экономического уровня, уровня образования, сплочение молодёжи с целью создания благоприятных условий в политической жизни страны, могут привести к желаемым результатам. А учёт национальных исторических традиций в становлении политической системы, анализ политической культуры субъектов политики, в свою очередь, может указать на характер их политической активности, ввиду того, что представляет собой синтез сформированного сознания, выработанного менталитета и обусловленного ими политического поведения.

Однако главной задачей выявления национальных особенностей является поиск различий в поведении, традициях, культурных стереотипах представителей разных народов. Так как национальная политическая культура складывается под влиянием многих факторов – того, как воспринимают нацию её соседи, какова внутриволи-

тическая жизнь страны – события, которые оставят след в национальной памяти, придадут смысл всему текущему процессу, церковь, деловые круги, университеты, СМИ. Отметим, что в наше время одним из наиболее заметных факторов, воздействующих на политическую культуру, являются средства массовой информации («четвёртая власть»), не просто транслирующие государственные установки, но и выражающие определённые политические взгляды. Однако, несмотря на то, что политическая культура – достаточно устойчивое образование, своего рода ядро политической жизни страны, а её важнейшая функция – обеспечить преемственность политической жизни, в периоды кризисов играть роль стабилизатора, не дающего утратить накопленный политический опыт многих поколений, она не остаётся полностью неизменной. (Политическую культуру характеризуют как постоянство, так и изменчивость!) [2].

Таким образом, политическая культура – это результат личного опыта человека, в котором отражается история политической системы. (Соответствие политических институтов демократии политической культуре данной нации необходимо!).

Библиографический список

1. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, 1963.
2. Политическая психология : учебное пособие для вузов / под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. – М., 2003.
3. Ольшанский Д. В. Политическая психология. – СПб., 2002.

МОТИВАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ АРМЕНИИ

А. С. Берберян
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет,
г. Ереван, Армения

Summary. The thesis considers problems of motivation in the aspect of the study by foreign and Russian psychologists. Here are results of investigation to identify needs and the level of subjective control.

Key words: motivation; political behavior; theory of needs.

В настоящее время одной из важнейших особенностей современных общественно-политических процессов в стране является фундаментальная трансформация всех форм общественно-политического сознания, радикальные изменения системы ценностей, происходящие во всех слоях армянского общества. Современная политическая культура формируется в рамках концепции гражданского общества, в котором политическая жизнь является важной сферой и составной частью жизни гражданского населения, среди которого молодёжь всегда выступает как прогрессивная сила, самостоятельная и независимая, способная определять политическую ситуацию в стране. Изучение мотивации политического поведения современной молодёжи является достаточно актуальным, потому что её участие в политической жизни очень важно для динамического развития Армении.

Обратимся к важнейшим в контексте нашего исследования понятиям мотивации и мотивов. Мотивы оказывают немалое влияние на поведение человека как личности и на его социальную роль. Они отражаются в сознании человека как цель, на которую направлено, в конечном счёте, поведение. Осмысление мотивов даёт ключ к пояснению поведения и организованной деятельности человека. Мотивация – это заинтересованность человека, обоснование его желаний и влечений. Это соединение интеллектуальных, физиологических и психических процессов, которые в конкретных обстоятельствах определяют то, насколько твёрдо действует человек и в каком направлении концентрируется его энергия.

Психология мотивации на данном этапе представляет собой одну из наиболее сложных и противоречивых областей современной психологии, которой присущи изобилие эмпирических исследований и недостаток общетеоретических идей. Проблема мотивации является одной из фундаментальных проблем психологии. Сложность и многоаспектность проблемы мотивации определяет множественность постижения её сущности, естества, строения, а также функций

мотивов. Впервые слово «мотивация» применил А. Шопенгауэр в статье «Четыре принципа достаточной причины» (1900–1910). Потом этот термин прочно вошёл в психологический обиход для пояснения причин поведения человека и животных [2]. В настоящее время мотивация как психическое явление трактуется по-разному. Исследованием мотивов занимались такие психологи, как Х. Хекхаузен, В. К. Вилюнас, Е. П. Ильин, А. М. Маркова, Ю. Б. Орлов, П. М. Якобсон, А. Н. Леонтьев, В. Г. Асеев и другие психологи.

По мнению Х. Хекхаузена, мотивация – это взаимодействие трёх основных факторов, соотносящихся между собой посредством механизма когнитивных умозаключений. Р. С. Немов определяет мотивацию как «совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность» [7]. В теории Д. К. Макклеланда говорится о том, что все без исключения мотивы и потребности человека приобретаются, вырабатываются в процессе его онтогенетического развития. Мотив здесь – стремление к достижению некоторых, довольно общих целевых состояний, видов удовлетворения или результатов. Мотив достижения рассматривается как первопричина человеческого поведения.

По Ильину, мотивация – это внутренняя детерминация поведения и деятельности, которая, конечно же, может быть обусловлена и внешними раздражителями, окружающей человека средой. Но внешняя среда воздействует на человека физически, в то время как мотивация – процесс психический, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждение. Мотивация и мотивы всегда внутренне обусловлены, но могут зависеть и от внешних факторов, побуждаться внешними стимулами. При этом надо учесть, что условия, обстоятельства, ситуация приобретают смысл для мотивации только тогда, когда делаются значимыми для человека, для удовлетворения потребности, желания. Е. П. Ильин на основе критического анализа наличествующих толкований мотива и мотивации предлагает трактовать мотивацию как динамический процесс создания мотива.

Все определения мотивации можно отнести к двум направлениям. Первое рассматривает мотивацию со структурных позиций, как совокупность факторов или мотивов. С учётом этих факторов происходит принятие решения, формирование намерения. Второе направление рассматривает мотивацию не как статичное, а как динамичное образование, как процесс, механизм. Итак, можно сделать вывод, что в настоящее время мотивация как психическое явление трактуется по-разному:

- как совокупность факторов, детерминирующих поведение (К. Мадсен, 1959; Ж. Годфруа, 1992);
- как совокупность мотивов (К. К. Платонов, 1986);

– как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее её направленность, как процесс психической регуляции конкретной деятельности (М. Ш. Магомед-Эминов, 1998);

– как процесс действия мотива и как механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности (И. А. Джидарьян, 1976);

– как совокупная система процессов, отвечающих за побуждения и деятельность (В. К. Вилюнас, 1990); М. В. Кондратьева);

– мотивация достижения успеха в структуре личности – в современной психологии рассматривается как особая сфера, включающая в себя потребности, мотивы, цели, интересы в их сложном переплетении и взаимодействии (Дж. Атkinson, А. Маслоу);

– как динамический процесс формирования мотива (Е. П. Ильин).

На наш взгляд, более обоснована точка зрения относительно мотивации как динамического образования.

Мотивация является неотъемлемой частью развития личности человека. Во время переходных, кризисных периодов развития возникают новые потребности, цели, а на их основе реконструируются и качества личности. Мотивация выступает в качестве образующей личность системы, и она связана с развитием и формированием самосознания человека, осознания своего "Я" в системе общественных отношений.

В человеческом поведении существуют две функционально связанные стороны: побудительная и регуляционная. Направленность и активизацию поведения человека сохраняет побуждение, а регуляция отвечает за то, как оно складывается от начала и до конца в конкретной ситуации. Идея мотивации возникает при попытке объяснения, а не описания поведения. Это – поиск ответов на такие вопросы, как: «зачем?», «почему?», «ради чего?», «для какой цели?», «какой смысл...?». Нахождение и описание причин устойчивых изменений поведения человека и есть ответ на вопрос о мотивации содержащих его поступков [1].

Каждый вид поведения может быть объяснён как внутренними, так и внешними причинами. В первом случае в качестве начального и конечного пунктов интерпретации выступают психологические свойства субъекта поведения, а во втором – внешний и обстоятельства его деятельности. В первом случае имеются в виду мотивы, потребности, цели, намерения, желания, интересы и т. д., а во втором – стимулы, которые берут начало из сложившейся ситуации. Время от времени все психологические факторы, которые как бы изнутри человека определяют его поведение, называют личностными диспозициями. Соответственно тогда говорят о ситуационной и диспозиционной мотивациях как подобии внутренней и внешней детерминации поведения. Диспозиционная и ситуационная мотивация

вации не считаются независимыми. Диспозиции могут актуализироваться под влиянием определённой ситуации, и, напротив, стимуляция определённых диспозиций, например, потребностей, мотивов, приводит к ситуационному изменению, точнее, её осознанию субъектом. Внимание субъекта в таком случае становится избирательным, а сам субъект предвзято оценивает и воспринимает ситуацию, исходя из важности потребностей и интересов. Каждое действие человека поэтому следует рассматривать как двойственно детерминированное: диспозиционно и ситуационно.

Личностное поведение представляется довольно разнообразным, и данное разнообразие сложно объяснить, апеллируя только к ситуации. Установлено, что даже на одни и те же вопросы человек отвечает по-разному, а это зависит от того, где и как эти вопросы человеку задаются. В данной связи имеет смысл разъяснить ситуацию психологически, так, как она представляется субъекту в его переживаниях и восприятии, то есть так, как человек оценивает и понимает её.

Известный немецкий психолог К. Левин показал, что всякий человек понимает и оценивает одну и ту же ситуацию характерным для себя образом, и у отдельных людей эти оценки не совпадают друг с другом. Кроме этого, один и тот же человек в зависимости от того, в каком состоянии он находится, одну и ту же ситуацию может понимать по-разному. Особенно это характерно для интеллектуально развитых людей, которые способны из любой ситуации извлечь для себя много полезного, большой жизненный опыт и возможность видеть жизнь под разными углами зрения и действовать в ней разными способами [6]. Не замедленное и важное поведение человека нужно рассматривать как реакцию на определённые внешние или внутренние стимулы, а в качестве результата, не заканчивающегося взаимодействием его диспозиций со сложившейся картиной. Следовательно, предполагается рассмотрение мотивации как циклической операции непрерывного двустороннего воздействия и изменения, в котором субъект, действия и активация взаимно влияют друг на друга, и результатом этого всего является реально наблюдаемое поведение. В данном случае мотивация мыслится как процесс непрекращающегося выбора и принятия решения на основе взвешивания поведенческих задач [3]. Мотивация объясняет целенаправленность действия, организованность и направленность на достижение определённой цели, устойчивость целостной деятельности.

Мотив в отличие от мотивации – это то, что присуще субъекту поведения, является его личностным устойчивым свойством, которое изнутри побуждает человека к совершению определённых действий. Так же мотиву можно дать определение как идее, которая в целостном состоянии представляет собой множество диспозиций. Из-за всех возможных диспозиций самой альтернативной считается идея потребности. Потребностью называют состояние нужды животного

или человека в специфических состояниях, которых человеку или животному недостаёт для хорошего развития и существования. Как состояние, потребность личности всегда связана с наличием или с дефицитом у человека того, что требуется (отсюда и название «потребность») организму (личности), чувства неудовлетворённости [1]. Другая классификация человеческих потребностей по иерархически собранным группам, последовательность которых показывает на порядок возникновения потребностей во время операции индивидуального развития, но ещё на развитость в целом мотивационной сферы, была предложена А. Маслоу. У человека, следуя концепции Маслоу, со дня рождения последовательно появляются и сопровождают личностное взросление следующие семь классов потребностей:

1. Потребности физиологические – это потребности, которые обычно принимаются в качестве отправной точки для теории мотивации, представляют собой первичные, необходимые организму.

2. Потребности в безопасности – это потребность в безопасности, защищённости, стабильности, отсутствии страха .

3. Потребности в принадлежности и любви. Если физиологические потребности и потребности в безопасности удовлетворены в достаточной мере, появляются потребности в любви, привязанности и принадлежности, и весь цикл, описанный выше, повторяется на новой основе. Потребности в любви предполагают как потребность давать, так и потребность получать любовь. Когда эти потребности не удовлетворены, личность остро переживает отсутствие друзей, партнёра или детей. Такая личность будет стремиться завязать отношения с людьми вообще – ради места в группе или в семье – и будет всеми силами стремиться к достижению этой цели.

4. Потребности уважения (почитания).

5. Познавательные потребности.

6. Эстетические потребности.

7. Потребности в самоактуализации. Можно сказать, что каждый человек должен быть тем, чем он может быть. Люди должны сохранять верность своей природе. Эта потребность называется самоактуализацией [6].

Во второй половине двадцатого века теории потребности человека были добавлены рядом идентичных мотивационных теорий, представленных в трудах Ю. Роттера, Д. Макклелланда, Г. Хекхаузена, Г. Келли. Общими для них всех являются следующие положения:

1. Отрицание принципиальной возможности создания общей универсальной теории мотивации, удовлетворительно объясняющей как поведение животных, так и человека.

2. Уверенность в том, что редукция напряжения как основной мотивационный источник целенаправленной стимуляции поведения на уровне человека не работает, во всяком случае, не является для него главным мотивационным принципом.

3. Утверждение вместо редукции напряжения принципа активности, согласно которому человек в своём поведении не реактивен, а изначально активен, что источники его имманентной активности, т. е. мотивации, находятся в нём самом, в его психологии.

4. Признание, наряду с бессознательным существенной роли сознания человека в детерминации его поведения. Вывод сознательной регуляции человеческих поступков на первый план.

5. Стремление ввести в научный оборот специфические понятия, отражающие особенности человеческой мотивации. Такими понятиями стали, например, социальные потребности, мотивы, жизненные цели, когнитивные факторы.

6. Отрицание адекватности для человека таких методов изучения (порождения) мотивационных состояний, которые применяются на уровне животных, в частности, пищевой, биологической депривации, физических стимулов типа ударов электрическим током и других чисто физических наказаний.

7. Поиск специальных методов изучения мотивации, подходящих только для человека и не повторяющих недостатки тех приёмов, при помощи которых исследуется мотивация животных. Стремление напрямую связать эти методы с речью и сознанием человека – основными его отличительными особенностями [11, р. 1, 955, 25.26].

Мотивация деятельности в сфере политических отношений преломляется через специфику реализации и воздействия политических механизмов. Весьма обоснованной представляется полипотребностная концепция мотивации власти, предложенная российским психологом С. Б. Кавериним. С его точки зрения потребность власти – есть синдром пяти базовых потребностей:

1. Свободы (власть используется для достижения безопасности);
2. Гедонистической (власть – средство удовлетворения материальных потребностей);
3. Самоутверждения (через власть достигаются престиж, уважение, признание);
4. Самовыражения (власть, как достижение значимых результатов, игра, соревнование);
4. Потребности быть личностью (через обладание властью реализуется стремление сделать что-либо для других, а не только для себя).

Сама по себе потребность во власти как интегративное личностное образование не является ни плохой, ни хорошей. Её проявление в поведении определяется как внешними условиями, так и соотношением указанных потребностей. «Суммарность и одновременность действия базовых потребностей побуждает считать, что каждый человек, осуществляющий власть, движим одновременно мотивацией и независимости, и господства, и выгоды, и служения людям», – пишет учёный [4, с. 19]. Исходя из этого, С. Б. Каверин

разработал оригинальную типологию людей на основании того, какая из потребностей преобладает в структуре мотивации власти.

Отметим, что позиция С. Б. Каверина перекликается с точкой зрения ряда зарубежных учёных, также полагающих, что стремление к доминированию не следует рассматривать исключительно как признак психического нездоровья. Так, К. Хорни принципиально отделяла невротическую мотивацию власти, коренящуюся, по её выражению, в слабости личности, нормального желания власти, вытекающего из силы человека, его объективного превосходства и детерминируемого особенностями социализации, культуры общества. Подобной точки зрения придерживался и Э. Фромм, отмечавший, что «в психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости... Власть – это господство над кем-либо; сила – это способность к свершению, потенция» [9, с. 140]. Современные трактовки политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях, но все они так или иначе вводят в схему «стимул-реакция» промежуточные факторы, некое «среднее звено», которым может быть установка, мотив, убеждение или ценность, принадлежащая либо отдельному индивиду, либо группе. Как заметил Ф. Гринстайн, «поведение – это функция и от ситуации, складывающейся в окружающей акторов среде, и от тех психологических predispositions, которые они привносят в ситуацию» [2]. А это означает, что никакую форму политического поведения нельзя напрямую объяснить только как результат воздействия политических стимулов. За исключением, может быть, самых простых проявлений политической активности, предпринятых ради выживания, все остальные акции опосредованы самой политической деятельностью, её отражением в мышлении и чувствах людей.

Известный российский психолог Е. Б. Шестопап изучила влияние универсальных потребностей на формирование образа власти у российских граждан. Ведущее место в конце 90-х гг. заняла потребность в безопасности [9, с. 132–133].

Американский политический психолог С. Реншон обнаружил зависимость между высокими значениями уровня субъективного контроля и степенью активности политического поведения. Он высказал гипотезу о том, что существует зависимость между уровнем личного контроля и верой в правительство, позитивным отношением личности к политической системе. Эмпирическое изучение американских студентов, предпринятое этим учёным, показало, что есть корреляция между низким уровнем субъективного контроля – недоверием к правительству, отчуждением от политики, тогда как лица с высоким уровнем субъективного контроля имеют среднюю и высокую степень доверия к власти. Действительно, с помощью теста на локус контроль (субъективный контроль) можно разделить всех людей на тех, у кого этот показатель имеет высокий уровень (их

называют интерналами), и тех, у кого он имеет низкие значения (экстерналы). Первые верят в то, что в них самих содержится источник их успехов и неудач, будь это работа, личная и семейная жизнь или отношения с людьми. Вторые всегда ищут «козла отпущения», если терпят в чём-то поражение, но и свои успехи склонны приписывать удаче, фортуне, случайности или воле родителей, учителей и начальников. На политическое поведение человека также влияет фактор локуса контроля – в той степени, в какой люди воспринимают свою жизнь как контролируемую изнутри посредством собственных усилий и действий или контролируемую извне случаем или внешними силами. Если у индивида выражен внутренний локус контроля (интернальность), он считает, что средний человек может повлиять на решения правительства. Если же развит внешний (экстернальность), то он убеждён, что миром управляют несколько человек, находящихся у власти. Укажем на мотивационные свойства интерналов, важные для политической деятельности:

а) инициативность, стремление к самостоятельному принятию решений без подсказки;

б) упрямство, неуступчивость внешним воздействиям;

в) стремление к совершенству, мастерству;

г) соревновательность, манипулятивность.

Мотивационные свойства экстерналов, проявляющиеся на политической авансцене:

а) безропотность, безоговорочное подчинение чужим требованиям;

б) уступчивость, податливость на уговоры;

в) реактивность – лёгкость возникновения побуждения к совершению чего-либо под влиянием внешних воздействий;

г) отчуждение от политики, недоверие к власти [5, с. 130–48; 10, с. 176–177; 11].

В нашем практическом исследовании мы акцентировали внимание на актуальной для Армении проблеме – мотивации политического поведения граждан, в частности, студенческой молодёжи. В качестве методики мы использовали «Тест Маслоу» в модификации **И. А. Акиндиновой**. Данная методика позволяет выявить базовые потребности-мотиваторы личности. Её основой является процедура парных сравнений.

Средние значения иерархии потребностей личности студентов отдельно для юношей и девушек представлены в таблице. Количественные показатели получены как среднее арифметическое по 15-балльной шкале. Соответственно, 15 баллов – наивысший показатель, а 1 балл – самый низкий.

Таблица 1

Пол	Материальные потребности	Потребности в безопасности	Межличностные потребности	Потребности в признании	Потребности в самовыражении
Дев.	9	12	14	8	11
Юн.	10	9	8	15	13

Иерархия удовлетворённости потребностей выявилась таким образом (в порядке убывания):

Юноши:

- потребности в признании – 15;
- потребности в самовыражении – 13;
- материальные потребности – 10;
- потребности в безопасности – 9;
- межличностные потребности – 8.

Девушки:

- межличностные потребности – 14;
- потребности в безопасности – 12;
- потребности в самовыражении – 11;
- материальные потребности – 9;
- потребности в признании – 8.

Потребности, определяющие восприятие в целом существующей реальной власти в Армении, распределились следующим образом:

материальные потребности – 11; потребности в безопасности – 8; межличностные потребности – 12; потребности в признании – 9; потребности в самовыражении – 13.

Начнём с материальных потребностей, занимающих нижнюю ступень в иерархии А. Маслоу. Хотя многие студенты имеют проблемы материального характера, но они в иерархии потребностей занимают явно не доминирующую роль и значение. Эта потребность занимает лишь третье место по степени влияния на образы власти. Это можно объяснить отчасти тем, что студенчество ждёт от власти не решения материальных проблем прежде всего, а создания условий для самовыражения и самоактуализации. Второй среди потребностей Маслоу выступает потребность в безопасности. У наших респондентов эта потребность занимает среднее место. У большей части респондентов неудовлетворённость потребности в безопасности не связана с их восприятием власти как негативной, но всё же как относительно бессильной перед соблюдением закона. Потребность в любви намного менее удовлетворена в отношении реальной власти. Власть должна проявить заботу о народе, служить народу. Потребность в самореализации описывается в психологии как стремление добиться более высокого социального статуса и признания в обществе. При этом их видение реальной власти в большей степени

зависели от этого фактора, чем представление о других факторов. Высший уровень в иерархии потребностей занимает потребность в самоактуализации. Эта потребность проявляется в реализации высших духовных начал личности, её свободы, творческого потенциала. Результаты нашего исследования показали, что этот показатель – высокий, что проявляется как нереализованная потребность. Мотивы тесно связаны с потребностями и вместе выступают в качестве побудительных сил поведения. Мы провели практическое исследование со студентами по методике УСК. Остановимся на некоторых значимых в контексте нашего исследования показателях.

Шкала I_o характеризует общую направленность контроля над ситуациями. В ракурсе ценностно-смыслового аспекта политического поведения этот тип шкалы отражает тенденцию к рефлексии, готовность принять ответственность за совершаемые поступки и действия. Шкала I_d выявляет интернальность. На наш взгляд, барьером для полноценного проявления является нежелание студентов брать ответственность на себя за «неуспех».

Шкала I_m – область межличностных отношений. Показатель сферы межличностного взаимодействия определяет восприятие субъектов взаимодействия друг другом и качественные характеристики коммуникативной среды, отличающейся позитивным эмоциональным фоном. Большое значение имеет выраженное чувство ответственности за организацию коммуникативной среды. Показательно, что оценки по этой шкале сместились в сторону интернальности. Сфера взаимодействия, на наш взгляд, может послужить мощным фактором, стимулирующим позитивную мотивацию политического поведения. Шкала I_z характеризует локус контроля в области здоровья. Показатели по этому параметру говорят об экстернальной направленности. Эта шкала свидетельствует об активизации интереса к своему здоровью, и не только психологическому, как важной личностной характеристике актуального функционального состояния.

Известно, что по мере достижения социальной зрелости человек научается контролировать своё собственное поведение, что даёт ему чувство уверенности в своих силах, расширяет границы возможного участия в разных сферах жизни, в том числе и в политике. Итак, можно обобщить результаты по типам локализации и прийти к выводам о том, что необходима специально организованная работа по изменению локализации контроля. Процесс осознания себя субъектом деятельности связан с принятием на себя ответственности, что, в свою очередь, является важным компонентом нравственно-ценностного осмысления собственной «Я-концепции» в мотивации политического поведения.

Библиографический список

1. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирования личности. – М., 1976.
2. Гринстайн Ф. Личность и политика // Социально-политические науки. – 1991. – № 10.
3. Ильин Е. Мотивация и мотивы. – СПб. : Питер, «Мастера психологии», 2003.
4. Каверин С. Б. Потребности власти. – М., 1991.
5. Майерс Д. Дж. Социальная психология / пер. с англ. – СПб. : Питер, 1998.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2003.
7. Мотивация и поведение человека в сфере труда : сборник научных трудов. – М., 1990.
7. Фромм Э. Человек для самого себя / пер. с англ. Э. Спировой. – М. : АСТ; АСТ Москва, 2008. – 352 с.
8. Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.
9. Heckhausen H. Motivationsanalyse der Anspruchsniveau. – Setzung : Psychologische Forschung, 1-955, 25.26
10. Renshon Stanley Allen // Psychological Needs and Political Behavior (1974).

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ

В. А. Мишин, Р. Д. Галиева
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

Summary. Low social activity of the population – is the most pressing issue at present.

Key words: assessment of quality of life; a set of indicators of quality of life management; "Brain drain".

Низкая социальная активность населения является самой острой проблемой в настоящее время, причём вовлечение населения в решение проблем самоуправления необходимо начинать как можно раньше, путём вовлечения молодёжи. Поскольку именно низкая социальная активность молодёжи приводит к росту правонарушений, распространению и укреплению в молодёжной среде негативных установок и ложных стереотипов; отсутствие эффективных форм взаимодействия между управленческими структурами района и населением существенно ограничивает возможности развития; ни местная власть, ни население не стремятся к сотрудничеству, к делегированию прав и обязанностей друг другу, что делает практически невозможным формирование эффективных структур местного самоуправления, которые являются важнейшим фактором устойчивого развития муниципальных образований.

В этой связи интересен опыт г. Грозного, где был проведён ряд мероприятий с целью привлечь молодёжь к участию в социально-экономических процессах, способствовать выявлению и развитию лидерских качеств у молодого поколения – как необходимого и важнейшего ресурса устойчивого развития местного сообщества. В ходе реализации комплекса проектов решались три основные взаимосвязанные с этими проектами задачи: создание нормальных условий пребывания детей в школах, вовлечение детей и молодёжи в активную общественную жизнь, налаживание партнёрских отношений между местными и республиканскими органами власти, неправительственными организациями и населением.

Реальными практическими результатами реализованных проектов стало участие в проектах детей и молодёжи, установление контактов между всеми уровнями власти (районной, городской, республиканской), местными общественными организациями и населением. В частности, представители органов власти с участием представителей общественных организаций провели встречи и «круглые столы». Тиражирование результатов проекта может осуществляться и в менее проблемных регионах, где проблемы отчуждения власти и населения, низкой социальной активности молодёжи также существуют и могут решаться аналогичными методами.

Как показывает практика, наиболее эффективными методами разработки и внедрения эффективных механизмов и инструментов муниципального управления, и, прежде всего, при разработке критериев и показателей эффективности решения вопросов местного значения, являются технологии управленческого консультирования с использованием экспертного потенциала квалифицированных работников структур управления муниципальным образованием и актива местного самоуправления.

Для этого в системе муниципального управления необходима организация постоянного социологического мониторинга социального самочувствия жителей муниципального образования. Методом проведения мониторинга является экспертное анкетирование по репрезентативной выборке (социологическая фотография объекта) с зонированием по округам, соответствующим избирательным округам по выборам в муниципальный представительный орган.

После публикаций соответствующие структуры муниципалитета получают «обратную связь», фиксируя реакцию населения на публикацию результатов опроса.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА СОЧИ

С. В. Петрова
Сочинский государственный университет,
г. Сочи, Краснодарский край, Россия

Summary. In article the basic aspects of forming of civil political culture in a city of sochi, distinguishing it from political culture of the south of russia are considered. The factors influencing these processes and results of development of a local civil society are designated.

Key words: civil political culture; Sochi; tolerance.

По данным многочисленных социологических исследований известно, что населению Сочи свойственна значительная толерантность и терпимость по отношению к постоянно проживающим представителям других национальностей в городе. То есть вне зависимости от этнической принадлежности здесь имеются широкие возможности для самореализации. Полиэтнический состав населения, относительное благосостояние горожан обеспечивают спокойствие в межнациональной сфере и достижение этнонационального консенсуса. В то же время горожане достаточно настороженно относятся к приезжим любой национальности, выступают против отмены института прописки, поддерживают репрессивные действия органов правопорядка против лиц, незаконно проживающих на их территории. Таким образом, здесь принцип «крови», этнического единства уступает место принципу «почвы», местной корпоративности. Что же касается региона, то здесь национальный вопрос стоит гораздо острее. Зоны межнациональных противоречий, «чеченский фактор», последствия местного межнационального конфликта в Осетии и Ингушетии, на Дальнем Востоке чрезвычайно понижают уровень толерантности и национальной терпимости. Кроме того, низкий уровень жизни, безработица, преступность, ограниченные возможности самореализации непременно ведут к поиску внешнего или внутреннего врага, которым нередко становится проживающий рядом сосед другой национальности.

Толерантные взаимодействия между представителями различных национальностей и соответствующих им культур обеспечивается взаимодействием национальных школ. Ещё выдающиеся педагоги мира отстаивали мысль о необходимости получения ребёнком образования на родном языке. Кто не освоил материнский язык, вряд ли сумеет основательно изучить другие языки. Поэтому развитие национального образования оказывается важным со всех точек зрения. На национальную школу возложено сегодня решение задачи подготовки подрастающего поколения к жизни в условиях многонациональной и поликультурной среды, приобретения навыков общения и сотрудни-

чества с людьми разных национальностей и вероисповеданий. Постигание культуры своего народа формирует представление о многообразии культур, что впоследствии становится основой диалога культур и развития навыков терпимости, гуманного межнационального общения. Единство общечеловеческого и национального в образовании особенно актуально сегодня, когда в мире наблюдается параллельное и одновременное развитие двух тенденций. Это интернационализация духовной жизни общества, возрастание взаимопроникновения национальных культур, усиление миграционных процессов, с одной стороны, а с другой – повышение национального самосознания, стремление народов к самоопределению, усиление роли национальной школы в духовном становлении подрастающего поколения.

В Сочинском регионе осуществляется программа «Национальная школа», задуманная как механизм создания такой системы образования. Целью разработки и реализации программы «Национальная школа» является создание необходимых предпосылок и комплекса условий для развития национального образования в Сочинском регионе посредством приобщения развивающейся личности к этнокультурным традициям, духовным ценностям своего народа, для воспитания человека, способного к интеграции в мировое цивилизованное общество.

Основные задачи программы:

- формирование содержания национального образования, отвечающего особенностям Сочинского региона, требованиям современности и прогнозируемого развития этносоциальных процессов в регионе;

- создание системы социокультурных и этнокультурных технологий для совершенствования учебно-воспитательного процесса;

- формирование у учащихся культуры межнационального общения;

- формирование системы коллективной ответственности между субъектами образования и национально-культурными общностями в развитии этнокультурного образования в регионе; развитие взаимовыгодного сотрудничества между Сочинским регионом и субъектами Российской Федерации, республиками СНГ и государствами дальнего зарубежья в решении задач национального образования [1, с. 8].

В рамках этой программы в городе активно и целенаправленно развивается сеть учреждений национального образования. В 35 школах города ведётся преподавание родных языков или обучение на родном языке, преподаются предметы этнокультурного направления. Всего к родной культуре приобщено более 6 тыс. учащихся.

Армянский язык и литература изучаются в 13 образовательных учреждениях города в С(П)ОШ №№ 29, 31, 41, 44, 55, 66, 67, 75, 77, 85, 88, 92, 97.

Адыгейский язык как самостоятельный изучается в С(П)ОШ №№ 75, 80, 90, 94.

Греческий язык изучается в школах №№ 80, 25.

Грузинский язык и культурные традиции грузинского народа изучаются в школах №№ 44, 7 [2].

Для решения проблем межнациональной стабилизации и гражданской самосознания необходимо использовать развитие подобной системы образования. Поскольку именно образование является одним из ведущих механизмов формирования благоприятного климата межнациональных отношений в обществе. Краснодарский край обладает богатой культурной мозаикой из разных народов. Их уважение и развитие является условием стабильного существования региона.

Неравенство и дискриминация вызываются социальными и политическими условиями, а конфликты, нетерпимость возникают под воздействием соответствующего воспитания, идеологического воздействия и политической мобилизации. Воспитание в духе культурной толерантности является основой утверждения в обществе культуры мира и согласия.

Развитие таких тенденций позволит, на наш взгляд, значительно снизить этнонациональную конфликтность в культурном пространстве на более масштабном уровне региона – Краснодарского края, где на сегодняшний день распространено этноцентричное мышление и «ксенофобная» риторика краевых властей и даже среди представителей академической среды. Так, мониторинг краснодарских изданий 2003 г. [3], публикующих вопросы дискурса межэтнических отношений, показал актуализацию ксенофобно окрашенного дискурса этничности, антисемитские нападки и негативные отзывы о мигрантах. Политический дискурс подогревает и стимулирует такую информационную политику. Так, губернатор А. Ткачёв летом 2003 г. открыто заявил: «Мы будем поддерживать коренное население, которое живёт на Кубани столетиями: это и армяне, и греки, и славянские народы» [5, с. 31]. Результатом таких настроений губернатора стало вступление в силу после опубликования Постановления главы администрации Краснодарского края № 787 «О мерах по регулированию миграционных процессов и обеспечению защиты прав и законных интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории Краснодарского края». Чрезмерная «активность» в реализации таких мер способна только усугубить и без того напряжённую этнонациональную обстановку в регионе.

В Сочинском регионе в силу специфики гражданских основ политической культуры восприятие национальных различий и отношение к другим народам толерантное и миролюбивое, хотя имеются негативные моменты. Студентами социально-педагогического факультета Сочинского государственного университета туризма и курортного дела весной 2011 г. под руководством автора этой работы

проводилось социологическое исследование, основной целью которого было изучение предпочтений молодёжи в сфере общения [4, с. 75–78]. В результате выяснилось, что около 40 % студентов в возрасте от 17 до 24 лет предпочитают дружбу и общение с представителями одной национальности. Ничего не имеют против межнациональных браков большинство, но сами бы в подобный брак не вступили 30 %.

Как демонстрирует исследовательский комплекс различных источников и опросов общественных мнений, в том числе распространённых обывательских фреймов, в структуре политической культуры Сочи важное место занимает развитое политическое общение. Население города открыто для контакта с представителями других культур – как национальных, так и политических. Эта специфика выражается в локальном самосознании и стимулируется мощным информационным комплексом, функционирующим в городе. Жители его в основном негативно реагируют на обращение «кубанцы», общепринятое в крае. Развитие в городе обслуживающего комплекса сделало сочинцев толерантными, стойкими в отстаивании своих гражданских прав и восприимчивыми к конструктивному диалогу с представителями всех сообществ и всех уровней ради достижения общего блага. Диалогичность же является важнейшим свойством гражданской культуры. Она есть не что иное как способ воспроизведения в строении этой культуры противоречивого характера отображаемой действительности. Она внутренне присуща культурным процессам.

Библиографический список

1. Бадаян И. М. Национальная школа как фактор стабильности // Педагогический вестник Кубани. – 2008. – № 4.
2. Колесов В. И., Кочергин А. А., Лейбовский А. В. Мониторинг дискурса межэтнических отношений, культивируемого в Краснодарском крае. – Кубань. – 2003.
3. Кубанские новости. – № 17. – 003.
4. Петрова С. В. Гражданская культура Юга России в условиях демократических реформ : материалы научного исследования. – Сочи, 2011. – С. 75–78.
5. Стратегии и способы решения образовательных проблем в условиях многонациональной среды : материалы III международной конференции. – Сочи : ИМЦ, 1999. – С. 31.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ

О. В. Халлисте

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет),
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. The article presents an analysis of ethnic conflict in Estonia through a prism of main factors affecting the formation and flow of conflict. The author comes to a conclusion that the ethnic conflict in Estonia is extremely complicated for settlement since comprises the whole set of factors.

Key words: Estonia; ethnic conflict; factor; titular population; minority.

Этнический конфликт – это особая разновидность социального конфликта, где по крайней мере одна из конфликтующих сторон представлена этнической группой или отдельными её представителями.

Данная статья имеет целью показать, что этнический конфликт в Эстонии, хоть и носит латентный характер, но обусловлен целым рядом причин, что затрудняет поиск путей его урегулирования. Основополагающими факторами, влияющими на протекание конфликта между этническими группами, представляются социальные, культурные, психологические, политические и экономические факторы (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные факторы, обуславливающие возникновение и развитие этнического конфликта

Рассмотрим подробнее каждый из них сквозь призму этнического конфликта на территории Эстонии.

Культурный фактор. Среди культурных причин основной является принудительная ассимиляция (уподобление), т. к. предпо-

лагает насильственное стирание этнических различий на уровне государственной политики. Принудительная ассимиляция выступает одной из форм насильственного урегулирования этноконflikта. В Эстонии вследствие того, что для политической элиты к середине 1990-х годов стало ясно, что большинство русских ни при каком давлении на них, не хочет возвращаться в Россию, была поставлена задача необходимости поиска новых подходов к решению проблемы этнических меньшинств. В 1999 году в Эстонии была принята первая краткая интеграционная программа, за ней последовала более детальная – «Интеграция в эстонское общество в 2000–2007 годах», которая имела своей основной целью изучение национальными меньшинствами эстонского языка. Ограничение русских только собственным языком могло вызывать, по мнению эстонской власти, их политическую сепаратизацию. Поэтому знание языка русскими стало условием получения гражданства республики. Сегодня, несмотря на то, что после вступления Эстонии в Евросоюз правительству пришлось координировать свои действия и решения с европейскими нормами [4], и была разработана новая программа интеграции «Эстонская программа интеграции 2008–2013», никто из представителей эстонского научного сообщества не верит в успешность интеграционного процесса. Эксперты полагают, что программа интеграции, прежде всего, должна быть направлена на эстонцев, т. к. русские Эстонии сегодня гораздо более толерантны и лояльны. Таким образом, здесь идёт подмена понятий и под интеграцией понимается ассимиляция, что является причиной межэтнической напряжённости.

Психологический фактор. Культурные причины взаимосвязаны с психологическими. Они вызывают страх потери идентичности, потери культурных «корней», страх оказаться в подчинении. Сами эстонские исследователи объясняют формирование этнократии в Эстонии страхом потери своей национальной культуры, своего языка, своей идентичности.

Сюда же относится фактор исторической памяти, которая хранит обиды от насильственных действий, когда-либо совершённых в области национальной политики. Так, после обретения независимости в Эстонии стал доминировать взгляд на большинство русскоязычных не как на историческое национальное меньшинство, а как на наследие советской оккупации, в отношении которого неприемлем подход с точки зрения общепринятых прав меньшинства.

Политический фактор определяется этнополитической мобилизацией, т. е. процессом, в ходе которого этническая группа политизируется на основе осознания своих коллективных интересов и организуется в коллективный субъект, актора, обладающего определённой идеологией, ресурсами для политической деятельности и чёткой ролевой дифференциацией. В случае Эстонии национальная идентичность используется новой политической элитой как ин-

струмент для консолидации эстонского общества и его политической мобилизации [2]. Это успешно осуществляется с помощью механизма конструирования «образа врага», вследствие которого русскоязычное население, проживающее на территории ЭР, представляется «пятой колонной».

Здесь также следует говорить и о закреплении политического и социального неравенства на законодательном уровне. Эстония, получив независимость, пошла по пути построения этнонационального государства, исключив из гражданско-политического сообщества, т. е. из нации, от 30 до 40 % своего населения [1]. В 1992 г. руководство ЭР объявило действующим законодательство о гражданстве от 1938 г., в результате чего те постоянные жители (граждане ЭССР), которые не являлись гражданами Эстонии на 16 июля 1940 г. или потомками таковых, в одночасье стали иностранцами. В итоге подавляющее большинство русскоязычного населения в Эстонии оказалось в ситуации массового безгражданства. Исследователь Л. Калев полагает, что исторически традиция гражданства в Эстонии была связана с концепцией «нации культуры». «Долгая изоляция страны от институтов современного гражданства, незначительный опыт взаимодействия с легальными иммигрантами и местечковые привычки также оказывают влияние на установки и политику. После восстановления независимости страны Балтии продолжили как законодательные, так и философские, касающиеся гражданства, традиции довоенного времени, и в целом их законы о натурализации формируют их, как «однообщинные» национальные государства» [3].

Эстонская этнократия ограничила не только гражданские права русского населения, но и его возможность участвовать в приватизации, обеспечив преимущественный доступ к значительным материальным ресурсам для титульного населения. Таким образом, **экономический фактор** также в этом конфликте присутствует. Если обратиться к статистике, то видно, что русскоязычное население в основном занимает низко- либо среднестатусные позиции, что свидетельствует о явной этносоциальной стратификации. Отсюда вытекает и **социальный фактор**, главными характеристиками которого выступают этническая дифференциация (деление общества на группы на основе этнических различий) и этносоциальная стратификация (расслоение общества на иерархически упорядоченные группы по этническому признаку, обуславливающему равенство либо неравенство возможностей, прав и обязанностей в зависимости от занимаемого ими статуса).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что большинство эстонцев ориентируется не на гражданскую, а на этническую модель построения общества, поэтому воспринимает своё доминирующее положение как должное и не видит в этом признаков сегрегации. К сожалению, на сегодняшний день эстонское обще-

ство не может предложить адекватного механизма интеграции русского населения, проживающего на территории Эстонии, не ущемляющего национальное достоинство последних.

Библиографический список

1. В 1991 году на территории бывших республик Прибалтики оказались 1 млн 726 тыс. этнических русских. Во всех трёх вновь образованных странах русское меньшинство оказалось второй по величине этнической группой после коренного этноса.
2. В статье А. Ранда «Насколько демократична политическая культура Эстонии?» как раз говорится о том, что национальная составляющая позволяет гораздо быстрее мобилизовать определённые социальные группы, и отсюда возникает соблазн использовать национальный компонент вместо сосредоточения внимания на реальных социально-экономических проблемах. См.: Rand A. Kui demokraatlik on Eesti poliitiline kultuur? URL: <http://www.meiema.ee/index.php?content=artiklid&sub=2&artid=34694>.
3. Kalev L. Multiple and European Union Citizenship as Challenges to Estonian Citizenship Policies: Abstract. – Tallinn, 2006. – P. 24.
4. См. об этом: Demuth A. Politics, migration and minorities in independent and Soviet Estonia, 1918–1998. – Osnabrück Universität, 2000.

II. ЭЛИТЫ, ЛИДЕРЫ, КОММУНИКАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИКЕ

ЭЛИТА И ЦИКЛИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

С. П. Елин

Кемеровский государственный университет
культуры и искусств, г. Кемерово, Россия

Summary. This article discusses the relationship of processes, change of elites, the cyclical development of society, based on examples of two concepts. First-Pareto, according to balance social systems and cycles of change of the ruling class, second-a. Toynbee, cyclic development of society and the role of the elite in the process.

Key words: elite; cyclical process; social system.

Общая теория систем имеет предельно широкую область применения. Почти каждое общество может быть представлено, как определённая система, т. е. определённая целостность, состоящая из элементов, находящихся в отношениях, связях друг с другом, составляющих определённое единство. Причём в этом единстве можно выявить иерархию отношений, их субординацию, где управление системой в целом осуществляется её высшим уровнем. В то же время иерархичность свойственна не только морфологии определённой системы, но и её функционированию. Её особые функции связаны с управлением системой в целом или с теми или иными её подсистемами, а также выработкой норм и ценностей, которые служат для самоподдержания системы и её развития, ориентируя её на динамику движения в определённом направлении на совершенствование системы и на её прогресс.

Среди наиболее сложных динамических систем особый интерес представляют социальные системы с их циклическими процессами, которые и являются специфическим предметом рассмотрения философов и элитологов. Отметим, что одним из основателей выявления взаимосвязи циклических процессов со сменой элит был Вильфредо Парето (1848–1923), который в своей работе “Трактат всеобщей истории” (1916) представил образ общества в виде социальной системы, проходящей через повторяющиеся циклы: равновесие, потеря равновесия и новое равновесие. По его мнению, повторяющиеся циклы проходит не только общество в целом, но и составляющие его элементы. Он для упрощения социальной системы выделил в обществе две страты, два слоя населения, высшую, к которой обычно принадлежат правящие (элита), и низшую, к которой относятся управляемые. Обосновав это тем, что “невозможно исследовать всесторонне в полном смысле этого слова различия между крайне многочислен-

ными социальными группами и тем более всё многообразие того, как они соединяются между собой. Следовательно, как всегда, когда нет возможности добиться многого, надо ограничиться немногим и упростить проблему, чтобы сделать её более доступной для обсуждения. Это будет первый шаг на пути, по которому смогут пройти другие. В данном случае эта проблема анализируется только в связи с социальным равновесием при предельно допустимом уменьшении количества групп и видов циркуляции и совместном рассмотрении тех феноменов, которые проявляются в некоторых отношениях аналогичным образом” [3, с. 307]. Этому же мнению придерживается и наш российский элитолог Г. К. Ашин, который делит общество на две категории элиту и массу. По его мнению, “дихотомия элита–масса является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры” в любом элитологическом исследовании [1, с. 121]. А сама элита трактуется им как имманентный элемент социальной жизни, как выразитель интересов всех социальных групп общества.

Итак, общество в целом, и составная его часть – элита, развиваются циклично. Соответственно существует всеобщий цикл – цикл развития общества, которое имеет момент рождения, период созревания, зрелости, старости и неминуемую гибель. Имеется и специфический цикл – кругооборот элит, который, как и все специфические циклы, следует определённой модели развития общества, т. е. циклической смены элит, рассматривающейся как их восхождение, упадок и замена. Иными словами социальная жизнь со своими общими и частными циклами похожа на всеобщий кругооборот. Этот круговорот придаёт ритм общественным процессам и является способом существования и сохранения общества.

Анализируя циклические процессы в обществе, и в частности, цикличность смены элит, Парето пришёл к выводу, что равновесие социальной системы зависит от цикличности смены правящего класса. Показав при этом тесную связь круговорота элит с неизбежным, а также необходимым, чередованием “остатков” первого и второго классов, с подъёмом и упадком, возвышением и падением элиты, пополнением её рядов представителями низшей страты. Это, по его мнению, и определяет суть закона общественного развития – динамическое стремление социальной системы прийти к равновесию.

Аналогичных взглядов на цикличность процессов в обществе придерживались сторонники цивилизационного подхода, к которым относились такие мыслители как Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби. Центральным в этом подходе было положение о законообразной и поэтому необходимой повторяемости явлений и процессов при развитии различных замкнутых общественных систем и их подсистем. Любая общественная система по этому закону повторяемости, к какой бы эпохе истории человечества она не относилась и какой бы спецификой внутреннего устройства не обладала,

в своём развитии проходит одни и те же стадии, это же относится и к подсистемам. При обосновании данного вывода у Данилевского и появляется искомое понятие “цикл”: “Раскрывая историю отдельного культурного типа, если цикл его развития вполне принадлежит прошедшему, мы точно и безошибочно можем определить возможность этого развития, можем сказать: здесь оканчивается его детство, его юность, его зрелый возраст, здесь начинается его старость...” [2, с. 87]. Шпенглер тоже внёс свой вклад в развитие цивилизационного подхода, он определил понятие “цивилизация” как заключительную стадию развития любой культуры, эпоха упадка. “Цивилизация – неизбежная судьба культуры” [5, с. 163]. Но проблеме влияния меньшинства на циклический процесс в обществе, развернуто сформулировал в цивилизационном подходе лишь А. Тойнби. Особую роль в его творчестве занимает проблема взаимосвязи циклических процессов, общества и элиты. Он описывает общество, с одной стороны, как систему абстрактных правил, с другой стороны, как поле творческой деятельности личности. Индивидуальное и общественное начала, взаимодействуя между собой, создают, по мнению английского мыслителя, основную причину развития истории. Увеличивающаяся роль общества при формировании индивидуального сознания подняла вопрос о значении личности и о способах её воздействия на общественную жизнь.

Актуальность сказанного выше заключается в необходимости затронуть проблему значения взглядов А. Тойнби на развитие и становление цивилизаций, и определить роль элиты в этом процессе.

А. Тойнби работал над своим фундаментальным сочинением “Постижение истории” в течение 30 лет (1934–1961). В этой работе социально-философским объектом исследования становится бытие людей в процессе исторического обновления, в контексте меняющегося исторического времени. Как пишет учёный, подлинным предметом истории для него является “жизнь общества, взятая как во внутренних, так и во внешних её аспектах. Внутренняя сторона есть выражение жизни любого данного общества в последовательности глав его истории, в совокупности всех составляющих его общин. Внешний аспект – это отношения между отдельными обществами, развёрнутые во времени и пространстве” [4, с. 41].

Что касается внешнего аспекта жизни общества, то здесь он понимает историю не как единый линейный процесс в движении и развитии, а как отдельно существующие “локальные цивилизации”, каждая из которых – это определённая веха времени, имеющая в пространстве протяжённость большую, чем национальные государства, и замкнутая в независимый от других мир. Каждая цивилизация в своём развитии проходит стадии: генезиса, роста, надлома и распада. Первые две стадии связаны с энергией “жизненного порыва”, две последние – с истощением “жизненных сил”. После гибели

цивилизации её место занимает другая, то есть происходит процесс своеобразного исторического кругооборота цивилизаций.

Рост цивилизации, по мнению учёного, отнюдь не сводится к географическому распространению общества, он не вызывается им, если географическое распространение с чем-нибудь положительно связано, то скорее с задержкой развития и с разложением, чем с ростом. Подобным же образом рост цивилизаций не ограничивается и не вызывается техническим прогрессом и растущей властью общества над физической средой. Здесь Тойнби считает, что рост цивилизации состоит в прогрессивном и аккумулирующем внутреннем самоопределении или самовыражении цивилизации, в переходе от более грубой к более тонкой религии и культуры. Рост – это непрерывное “отступление и возвращение” харизматического меньшинства общества в процессе всегда нового успешного “ответа” на новые вызовы среды внешнего окружения.

Упадок, как считает А. Тойнби, нельзя приписать космическим причинам, географическим факторам, расовому вырождению или натиску врагов извне, который, как правило, укрепляет растущую цивилизацию. Нельзя объяснить его упадком техники и технологии, ибо во всех случаях упадок цивилизации является причиной, а упадок техники – следствием или симптомом первого. Сам упадок – это не единовременный акт, а весьма длительная стадия, которая, согласно Тойнби, состоит из надлома, разложения и гибели цивилизаций. Между надломом и гибелью цивилизации нередко проходят столетия, а иногда и тысячелетия. Так, например, надлом египетской цивилизации произошёл в XVI веке до н. э., а погибла она только в V веке н. э. Период между надломом и гибелью охватывает почти 2000 лет “окаменевшего существования”. Но как бы долго это не длилось, судьба большинства, если не всех, цивилизаций влечёт их к конечному исчезновению, раньше или позже.

В своих рассуждениях Тойнби пытается ответить на вопрос, что же является “мотором” цивилизации, что заставляет примитивное общество жить стационарно на протяжении многих тысяч лет, однажды проснуться и начать поступательное движение, и есть ли что-то единое, стоящее за всеми стадиями цивилизаций? В поисках этого первопринципа Тойнби приходит к выводу, что развитие цивилизаций определяется выведенным ими самими законом “Вызова – Ответа”. В чём состоит суть такого процесса? Вызов со стороны внешних, природных или социальных сил, побуждает к росту. Отвечая на вызов, общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. ... “Зарождению цивилизации, – подводит итог Тойнби, – способствуют наиболее трудные условия существования, имея в виду как природную среду, так и человеческое окруже-

ние” [4, с. 116]. Существует пять типов вызова: вызов сурового климата, вызов новых земель, вызов неожиданных ударов со стороны внешнего человеческого окружения, вызов постоянного внешнего давления и вызов ущемления, когда общество, утратив нечто жизненно важное, направляет свою энергию на выработку свойства, возмещающего потерю. Во всех этих случаях действует социальный закон, укладываемый в формулу: “Чем сильнее вызов, тем сильнее стимул”. Однако если вызов отличается крайней суровостью, он становится чрезмерным и не может быть эффективным стимулом.

Критерием роста цивилизации не являются ни её экспансия, растущее завоевание человеческого окружения, ни покорение физического окружения, т. е. природной среды. Нет соответствия между технической вооружённостью общества, его успехами в покорении природы и социальными достижениями общества. Обзор фактов показывает, отмечает Тойнби, что есть случаи, когда техника совершенствовалась, а цивилизация при этом оставалась статичной или даже приходила в упадок, но есть и примеры того, когда техника не развивалась, а цивилизация между тем была весьма динамичной.

Далее, касаясь внутренних аспектов жизни общества, Тойнби отмечает, что рост цивилизации – дело рук творческих личностей или “творческих меньшинств”. Здесь ему близка мысль Анри Бергсона о том, что стимул и толчок социальному развитию дают “редкие сверхлюди”, способные разрушить круг примитивной жизни и свершить акт творения. По Тойнби, акты социального творчества – прерогатива либо творцов одиночек, либо творческого меньшинства. Это творческое меньшинство – элита. “Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь. В каждой растущей цивилизации, даже в периоды наиболее оживлённого роста её, огромные массы народа так и не выходят из состояния стагнации” [4, с. 213].

А. Тойнби определяет динамику существования элит, которая делится на периоды возникновения, существования и исчезновения. Возникновение и рост цивилизации достигается в том случае, когда меньшинство или всё общество в целом отвечают на вызов, при этом не просто отвечают, но одновременно порождают другой вызов, требующий в свою очередь нового ответа. Рывок вперёд способно совершить творческое меньшинство, увлекающее за собой инертную массу. Процесс роста не прекращается до тех пор, пока повторяющееся движение “утраты равновесия”, его восстановления, затем нового нарушения сохраняет свою силу.

После периода возникновения элит наступает период существования, в котором элиты, опьянённые победой, начинают “почивать на лаврах”, поклоняются относительным ценностям, как абсолютным. Элита теряет свою харизматическую привлекательность, и

большинство не подражает и не следует им. В ходе этого процесса меньшинство организует “универсальное государство”, подобное Римской империи, созданное господствующим меньшинством для сохранения себя и своей цивилизации.

Цивилизация развивается, когда элита динамична, и вырождается, когда иссякают её творческие потенции. Однако со временем творческая элита, активно воздействовавшая на пассивное большинство с помощью своего авторитета, утрачивает творческие способности. Это может случиться по двум причинам. Во-первых, лидеры могут, неожиданно для себя, подпасть под гипноз своих собственных приёмов воздействия на массы и начать некритически относиться к своим действиям. Во-вторых, такое может произойти вследствие самой природы власти, которую бывает трудно удержать в определённых рамках. В результате творческая элита превращается в “господствующее меньшинство”, которое, не желая расставаться с властью, всё ещё опирается не на авторитет, а на силу оружия. Это банкротство господствующего меньшинства, его растущая неспособность справиться с новыми вызовами, новыми проблемами, ведёт к всё большему отчуждению его от основной массы общества, превращающейся во “внутренний пролетариат”. Так происходит надлом цивилизации.

Таким образом, процесс надлома, а за ним и распада осуществляется на фоне попыток укрепления власти “господствующего меньшинства”, которое, хотя и утратило свою творческую энергию и созидательный порыв, но ещё надолго сохраняет свои возможности контроля над окружением. В ходе социального раскола образуются три основных типа социальных групп. Правящее меньшинство, которое, попирая все права, пытается силой удержать господствующее положение и наследственные привилегии. Внутренний пролетариат, восстающий против такой несправедливости, при этом движения его, помимо справедливого гнева, вдохновляются также страхом и ненавистью, что разжигает насилие. Внешний пролетариат, состоящий из народов, прежде находившихся под господством и контролем цивилизации. Движение цивилизации к распаду проявляется в эскалации внутренних братоубийственных войн. Это порождает в обществе военный психоз. Цивилизация гибнет, однако процесс этот, по утверждению Тойнби, неизбежно завершается актом творения – на обломках старой цивилизации вырастает новая.

Библиографический список

1. Ашин Г. К. и др. Основы политической элитологии. – М., 1999.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М., 1991.
3. Парето В. Компендиум по общей социологии. – М., 2008.
4. Тойнби А. Постигание истории. – М., 1996. – С. 116.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории.– Т. 1. – М., 1993.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: РОЛЬ И МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. М. Очирова

**Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия**

Summary. The political elite in view of the special functional load, set to it, is the major social group. During the post-soviet period of the Russian history, social characteristics, valuable orientations, the social status of people, who are at the top of social hierarchy, have essentially changed. The article is devoted to revealing of a role and a place of political elite in a modern society.

Key words: political elite; role and place in society; the modern period of development of Russia; evolution of political elite; the post-soviet period.

Одной из важнейших социальных групп является политическая элита, так как именно она располагается на высшей ступени общественной иерархии. Определение дефиниции «политическая элита», как показывает анализ литературы [3, с. 10–26], представляет собой достаточно сложную проблему. Опираясь на структурно-функциональный подход при идентификации элиты и учитывая накопленный теоретический потенциал элитологии, политическую элиту можно определить, как немногочисленную группу лиц, находящуюся на вершине социальной иерархии. Представители элиты профессионально занимаются деятельностью в сфере управления государством и обществом, концентрируют в своих руках значительный объём политической власти и принимают стратегические решения общегосударственного уровня (или могут влиять на данный процесс). Выделение в обществе элиты обусловлено различными факторами: пассивностью широких масс населения и их нежеланием участвовать в политической жизни; необходимостью и значимостью управленческого труда; социальным и психологическим неравенством людей, выраженным в их неодинаковых способностях и стартовых возможностях и др. Учитывая особое место, занимаемое политической элитой в структуре общества, она играет ключевую роль в жизнедеятельности социума, что доказывается исключительностью выполняемых ею функций.

Политическая элита, на наш взгляд, выполняет следующие важнейшие функции в сфере управления государством и обществом:

1) стратегическая – определение основных направлений государственной политики, отражающих интересы различных социальных групп и всего общества в целом, принятие управленческих решений;

2) организаторская – осуществление на практике намеченного государственного курса. Воплощение в жизнь политических решений;

3) интегративная – укрепление стабильности и единства общества, устойчивости его политической и экономической систем, поддержание порядка, адаптация или сопротивление изменениям, профилактика и разрешение конфликтных ситуаций.

Кроме того, в литературе выделяются и такие функции элиты, как:

– функция социального мониторинга, заключающаяся в постоянном изучении интересов социальных групп с целью своевременного реагирования на меняющиеся запросы населения, что позволяет выявлять и предотвращать возникновение конфликтных ситуаций в обществе;

– функция воспроизводства политической элиты, рекрутирования политических лидеров и др.

Тем самым функциональная нагрузка политической элиты весьма велика, однако не в каждой стране она эффективно с ней справляется. Рассмотрим сложившуюся ситуацию в современной России, оценим эффективность выполнения политической элитой страны своих функциональных обязанностей.

Первая из функций – стратегическая, на наш взгляд, реализуется современной политической элитой России с половинным успехом. В отличие от 1990-х гг., когда страна находилась в поиске пути своего развития и лихорадочно металась в различных направлениях, сегодня Россия имеет чёткий вектор государственной политики, который воплощается в принятии соответствующих законодательных актов, выработке внешнеполитических доктрин, инициировании социальных изменений и реформировании общества. Другое дело, отражает ли политика государства интересы различных социальных групп и всего общества в целом. В 1990-х гг. на данный вопрос можно было однозначно ответить «нет». Свидетельством тому была острая дифференциация внутри российского общества, которое, согласно Т. И. Заславской, представлено следующими слоями:

– господствующая и правящая элита (верхушка российского общества);

– субэлита (верхний слой) – собственники и менеджеры крупных предприятий, банков и фирм, генералитет силовых структур и т. п.;

– средний слой – среднее звено бюрократии, высшие и средние офицеры, мелкие и средние предприниматели, директора небольших государственных предприятий, менеджеры частного сектора, высококвалифицированная и востребованная часть профессионалов;

– базовый слой (относятся 2/3 занятых в экономике и более половины всех россиян) – большинство рядовых специалистов массовых профессий: инженеров, учителей, врачей и др.; клерков, промышленных рабочих, крестьян, фермеров, работников торговли и сферы обслуживания;

– нижний слой – наименее квалифицированная часть рабочих и служащих, лица, не имеющие профессий, хронически безработные, большинство пенсионеров и инвалидов, располагающих минимальными средствами к жизни;

– социальное дно – воры, бандиты, рэкетирсы, проститутки, нищие, бомжи, бродяги, беспризорные дети и подростки, алкоголики и наркоманы, живущие в семьях [2, с. 286].

Особенно резко обозначился огромный разрыв по уровню жизни между богатыми и бедными, между верхушкой общества, концентрирующей в своих руках основные политические и экономические ресурсы, и массовыми слоями россиян. В данной связи весьма затруднительно утверждать, что политика государства в тот период была направлена на удовлетворение интересов людей.

В 2000-х гг. руководство страны значительно более ответственно подошло к выполнению указанной функции. Сформулированные им приоритеты действительно, как нам представляется, отражают интересы различных социальных групп и имеют целью обеспечение благосостояния, безопасности и развития большей части населения страны. Однако мы не можем говорить обо всём обществе в целом. Причина заключается в том, что, несмотря на большое внимание, уделяемое сегодня государством социальной политике, выразившееся в значительном увеличении финансирования отдельных направлений социальной сферы, решении наиболее острых вопросов в данной области, дифференциация населения сохраняется. Отдельные категории граждан (пенсионеры, инвалиды, безработные, малоимущие и др.), по-прежнему, находятся на грани выживания. Фактически ничего не предпринимается в отношении так называемого «социального дна» (по Т. И. Заславской). Особенно это касается лиц без определённого места жительства, бродяг, нищих, которых с каждым годом становится только больше. Неужели они не являются частью нашего общества? Забота о них, по логике государства, возлагается на плечи благотворительных организаций, представителей религиозных конфессий, которые не отказываются от этой миссии и по мере возможностей её выполняют. Однако в данной деятельности должно участвовать государство, и далеко не в последнюю очередь. Именно от квалифицированных управленческих решений политической элиты зависит, будут ли все категории граждан обеспечены основными социальными благами.

Итак, мы можем констатировать, что стратегическая функция выполняется современной элитой России лишь наполовину: основные направления государственной политики формулируются, но они пока ещё не совершенны, так как не отражают интересов всего общества в целом.

Следующая функция – организаторская, выполняется политической элитой на данный момент довольно успешно и не входит ни

в какое сравнение с 1990-ми гг. Воплощение в жизнь политических решений федерального центра в тот стихийный период наталкивалось на жёсткое сопротивление региональных элит, которые были тогда сильны, как никогда ранее. В 2000-х гг. многое изменилось: были реформированы институты политической системы, создан действенный механизм реализации политических замыслов, пересмотрен кадровый состав органов власти и управления и др. Созданная В. В. Путиным вертикаль власти кардинально изменила ситуацию, теперь осуществление выработанного государственного курса проходит практически беспрепятственно и поддерживается большей частью элиты. Вместе с тем нельзя не отметить и ряд негативных моментов, которые связаны с выполнением рассматриваемой функции. Во-первых, реализация политических решений зачастую происходит административным путём, без учёта интересов и желания населения и элит регионов. В их числе, например, инициатива по добровольно-принудительному объединению регионов, вызвавшая непонимание, неприятие и сопротивление большинства жителей и руководителей автономных округов, областей. Например, руководство Ханты-Мансийского АО категорически не поддержало инициативу властей Тюменской области и Ямало-Ненецкого АО по объединению трёх регионов. Были сорваны процессы объединения Республики Алтай и Алтайского края, Республики Адыгея и Краснодарского края, Ненецкого АО и Архангельской области. Политическая элита Усть-Ордынского Бурятского АО в подготовленном обращении окружной Думы совершенно обоснованно требовала гарантий сохранения национально-культурной автономии в случае объединения с Иркутской областью. Спикер Думы А. Хориноев выступил за принятие федерального закона об автономных образованиях, в котором были бы зафиксированы в числе прочих и вопросы, касающиеся условий ликвидации автономного образования. Однако, несмотря на протесты региональных элит, укрупнение регионов, предполагающее ликвидацию сложносоставных субъектов федерации, видимо, будет иметь продолжение. Во-вторых, воплощение в регионах отдельных политических решений слабо контролируется федеральным центром. В первую очередь это касается реализации социальных программ, на которые выделяются большие финансовые средства из государственного бюджета. Не секрет, что по причине высокого уровня коррупции в стране значительная часть из поступающих в регионы средств бесследно исчезает, оседая в карманах чиновников. В итоге реализация крайне необходимых программ носит ограниченный характер, ввиду недостаточного финансирования. В данной связи руководству страны, на наш взгляд, нужно ужесточить контроль использования бюджетных средств, наладить систему, позволяющую отслеживать их реализацию, а также принять реальные меры по уничтожению коррупции в нашей

стране. Только тогда можно будет в полной мере осуществлять государственный курс на практике.

Менее всего успешна, на наш взгляд, реализация интегративной функции. Причём, это характерно как для политической элиты 1990-х гг., так и для элиты 2000-х гг. Безусловно, на данный момент относительная стабильность в российском обществе наблюдается, принимаются и меры для её укрепления. Однако на чём она основывается? В сфере политики, как нам представляется, на усилиях и авторитете одного политического деятеля – В. В. Путина, который опирается на слабую и рыхлую силу политической партии «Единая Россия», не пользующуюся, как показали последние выборы в Государственную Думу РФ, большой популярностью у широких масс населения. В сфере экономики стабильность, как известно, обеспечивается природными ресурсами: нефтью, газом, золотом и т. д. Цены на них стабильно высокие. Однако не на этом, по нашему мнению, должна основываться экономика, а на производстве, причём, с учётом требований времени, высокотехнологичном.

Что касается единства, то, пока это лишь цель, к которой стремится руководство страны. Причина, скорее всего, в том, что до сих пор в России нет чёткой и понятной каждому идеологии, позволяющей сформулировать ценностные ориентиры. Конечно, есть идеи построения сильной и независимой страны, социального государства и т. п. Но они пока слабо внедряются в сознание россиян, которых поглотила одна, понятная всем ценность – деньги, позволяющие достойно существовать. В итоге создаётся так называемое «общество потребления», представителей которого не интересуют идеи патриотизма, взаимопомощи, сострадания, духовного развития и т. д. Заметим, что многие ценностные ориентиры население зачастую заимствует именно у политической элиты, чей образ жизни является неким «эталонном». Не секрет, что большинство представителей данной социальной группы являются весьма состоятельными людьми, потому что вся их деятельность, как правило, направлена на личное обогащение. В итоге мы имеем правительство миллионеров, парламент из представителей бизнес-элиты и т. п. Соответственно, единства в российском обществе не наблюдается. Об этом свидетельствуют и периодические конфликты на почве социального неблагополучия, политических предпочтений и, что весьма печально, национальной вражды. Современное состояние межнациональных отношений в России удручает. Бесценный опыт СССР в данном вопросе забыт, о дружбе и братстве между народами в России говорится неохотно, вскользь и, как правило, в отношении трёх славянских наций. Стоит напомнить, что Россия многонациональная страна и внимание должно уделяться всем народам в равной мере. Стыдно, что в стране, победившей фашизм, допускается возникновение и деятельность неофашистских организаций, сеющих рознь, провоцирующих появ-

ление конфликтных ситуаций в обществе, совершающих, при попустительстве органов власти, тяжкие преступления. В данном конкретном случае не заметно, чтобы политическая элита занималась профилактикой и разрешением конфликтных ситуаций, а также поддержанием порядка. И таких примеров можно привести достаточно много. Тем самым, интегративная функция политической элитой выполняется крайне плохо, объединения общества на основе ценностей, сформулированных элитой, не наблюдается, усилия по преодолению межгрупповых разногласий и конфликтов слабы.

Таким образом, политическая элита, находящаяся на вершине социальной иерархии, занимает особое место в обществе. Важность её роли обусловлена функциями, которые она выполняет с переменным успехом. Как справедливо отмечал М. Шелер, «ценность и значение элиты лежит не в ней самой, а в её функции для общества» [1, с. 25]. Элита современной России должна чётко осознавать, что от успешного исполнения её функциональной нагрузки зависит спокойствие, благосостояние и успешное развитие страны, а также каждого человека проживающего в ней. Крайне важно сформировать ответственную, дальновидную, патриотически настроенную политическую элиту, что, надеемся, является делом ближайшего будущего.

Библиографический список

1. Губанов Л. С. Этническая элита: специфика и особенности функционирования в условиях трансформации российского общества (на примере Карачаево-Черкесской республики) : дисс. ... канд. социол. наук. – Новочеркасск, 2007.
2. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М. : Дело, 2004.
3. Очирова В. М., Крянев Б. П. Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия). – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – 140 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НОВОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ИНГУШЕТИИ

Л. Я. Арапханова
Ингушский государственный университет,
г. Назрань, Республика Ингушетия, Россия

Summary. Article is devoted consideration of a Post-Soviet stage of formation of the Ingush.

Key words: president; elite; region; politics; regional authority; political elite; parties; elections.

Проблема формирования современной политической элиты Ингушетии мало исследована в отечественной политической науке. Актуальность такого исследования определяется особой ролью регионов и региональной политической элиты в условиях современного российского политического процесса. Становление институтов региональной политической элиты в постсоветский период было неразрывно связано с процессами демократизации политической жизни в России. Несомненно, важным является процесс институционализации элиты в российских регионах, особенно в республиках Северного Кавказа, где региональная политическая элита выступает в качестве важного политического стержня, связывающего государство и общество.

Правящая элита или политическая элита – понятие, отражающее особую роль верхушки господствующего класса, прежде всего той его части, которая непосредственно осуществляет политическое руководство обществом, стоит у руля государственного управления. К политической элите можно отнести и наиболее влиятельных и политически активных членов этого класса, включая функционеров политических организаций этого класса, интеллектуалов, которые непосредственно принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса [1, с. 288].

Принципы формирования элиты могут быть различными, важнейшей же её функцией является принятие стратегических решений и обеспечение трансляции принятых решений на уровень массового сознания. О. Гаман-Голутвина предлагает такую модель властной вертикали современного общества: её можно представить в виде трёхуровневой пирамиды. Высший уровень занимает правящая элита (элиты); средний уровень – политические группы, осуществляющие трансляцию принимаемых «наверху» решений (облик этих групп различен в зависимости от специфики социума и особенностей исторического развития); основание пирамиды составляют массы населения, выступающие объектом управления [2, с. 21–22].

Таким образом, определение политической элиты как особой сплочённой социальной общности, которая обладает исключительным правом принятия стратегических политических решений и всеми необходимыми для этого ресурсами, является операциональным при рассмотрении политических процессов в настоящее время.

При разрушении советской системы государственной власти как следствие произошло падение авторитета властвующей элиты, как, впрочем, и самих институтов политической власти. Кризис системы оказался для Северного Кавказа более чем губительным и привёл к ряду вооружённых конфликтов на территории постсоветской России. Первым из них оказался вооружённый конфликт октября-ноября 1992 года в Северной Осетии. Предшествовавшие конфликту события развивались следующим образом: в мае 1991 г. Чечено-Ингушская АССР была переименована в Чечено-Ингушскую Республику, осенью 1991 г. Чечня отделилась от Ингушетии, провозгласив создание Чеченской Республики. В июне 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации по итогам референдума ингушского народа принял решение об образовании Ингушской Республики. Затем, 15 марта 1993 г. на чрезвычайном съезде народа Ингушетии принята Декларация «О государственном суверенитете Ингушской Республики». Особое значение имел тот исторический факт, что в декабре 1991 г. на всенародном референдуме ингуши подтвердили, что Ингушетия является частью Российской Федерации, 4 июня 1992 г. принят Закон «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» [3].

При определении особенностей, определяющих актуальность проблем Северного Кавказа, становится очевидным, как устроен механизм формирования местной элиты. Формирование органов власти и новой элиты происходит в обход уже сложившегося в России административно-бюрократического способа рекрутирования элиты. Существенным компонентом административного сегмента региональных политических элит являются руководители региональных силовых структур, (ФСБ, МВД, Прокуратуры и др.).

Процесс формирования органов государственной власти Ингушской Республики в постсоветский период был крайне сложным и проходил в условиях режима чрезвычайного положения. Но несмотря на противодействие властей инициативной группе из числа общественно-политических деятелей удалость созвать и провести чрезвычайный съезд ингушского народа, который учредил пост Президента Ингушской Республики, утвердил Положение о Президенте Ингушской Республики, о Центральной избирательной комиссии, временное Положение о выборах Президента Ингушской Республики. На съезде была выдвинута кандидатура Р. С. Аушева на пост Президента Ингушской Республики.

Необходимость отбора людей во властные органы Ингушской Республики в 1992–1993 годах (законодательной, исполнительной и

судебной), как, впрочем, это случилось и в первые годы образования Ингушской АО в 1924 году, была неоспорима. Вопрос о критериях в системе отбора не стоял, поскольку сложная общественно-политическая ситуация в регионе, с одной стороны, трагические события осени 1992 года в Северной Осетии, начавшиеся в Чеченской Республике революционные события – с другой, обусловили необходимость создания политических институтов во вновь создаваемой Ингушской Республике. В этих условиях на политическую арену выходят люди, которые, обладая лидерскими качествами, были в определённой мере людьми публичными.

Этот период восстановления ингушской государственности и создания первых органов власти и управления, способных работать и заложить начало нового государственного образования, был трудным и ответственным.

Важную роль в формировании современной ингушской политической элиты играл социально-политический фактор. С момента образования Ингушской республики (4 июня 1992 г.) и введения должности главы Администрации федеральному руководству потребовалось слишком много времени, чтобы утвердить одну из предложенных кандидатур на должность главы Администрации Ингушской Республики, пока не разразился конфликт в Северной Осетии в октябре–ноябре 1992 года.

Назначенный на должность главы Администрации Ингушской Республики Руслан Аушев выставил свою кандидатуру для участия в прошедших 28 февраля 1993 года выборах первого Президента Ингушской Республики. В голосовании приняло участие 142 318 избирателей из 152 590 внесённых в списки избирателей, или 92,66 % взрослого населения республики. За кандидата в Президенты Руслана Аушева было подано 142 333 голоса, или 99,94 % от принявших участие в голосовании.

Важным политическим событием для ингушского общества и политической элиты республики был тот факт, что 27 февраля 1994 г. всенародным голосованием была принята Конституция Республики Ингушетия, регламентирующая статус республики.

Следующим этапом становления Республики Ингушетия [4] стало назначение выборов Народного собрания – Парламента Республики Ингушетия Указами Президента Республики Ингушетия № 367, 368 от 04.01.1994 года. Референдум и выборы в Народное Собрание Республики Ингушетия состоялись 27 февраля 1994 года. На эту же дату Русланом Аушевым были назначены выборы Президента и Вице-президента республики, «в связи с формированием органов государственной власти и принятием новой Конституции Республики Ингушетия. Именно указанный ряд политических событий инициировал формирование органов власти и новой постсоветской политической элиты Ингушетии.

Таким образом, была сформирована система органов государственного управления Республики Ингушетия. Во главе республики обозначилась команда первого Президента Республики Ингушетия Р. С. Аушева. Несомненно, каждый новый президент собирает вокруг себя команду из «своих» и соответственно имеют свою программу осуществления государственной власти.

Представители советского военного истеблишмента появились на политической арене в 1991 г. и прочно вошли в состав политической элиты Северного Кавказа. За два постсоветских десятилетия из военного сословия вышли всего около десяти генералов – региональных руководителей, трое из которых были президентами Республики Ингушетия.

Возлагая на них большие надежды, население ожидало от новой власти позитивных действий и относилось к ним как к национальным героям, вокруг которых должны объединиться. Политическая элита начала 1990-х, как, впрочем, и всё население республики, занимала умеренно пророссийские позиции. Несмотря на многочисленные претензии к Федеральному центру они и сегодня никак не видят свой регион вне состава России, вне единого политического, правового и культурного пространства.

Подводя итог, необходимо отметить, что, с точки зрения социально-политического развития Республика Ингушетия, как и весь северокавказский регион, является достаточно сложным. Но, несмотря на все политические перипетии периода, начавшегося после создания республики, был достигнут компромисс между местной элитой и федеральным центром. По мере обретения вновь созданными органами власти новых полномочий в политической сфере позиции ингушской элиты превратились в серьёзную политическую силу. Республика Ингушетия состоялась как полноценный субъект федерации.

Библиографический список

1. Аверьянов Ю. И. Политология. Энциклопедический словарь. – М. : Изд. «Publishers». – 1993.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М., 2006.
3. 4 июня 1992 года ВС РСФСР принял Закон и Постановление «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации»».
4. Указом Президента ИР № 343 от 03.12.1993 года, название «Ингушская Республика» изменено на «Республика Ингушетия».

ASERTIVNÍ ZPŮSOB KOMUNIKACE

Ja. Mikšovská
ARC Vysoká škola politických a společenských věd,
Kolin, Česká republika

Summary. This article discusses the phenomenon of assertive behavior. The sense of confidence and healthy self-assertion are investigated. The difference between assertiveness, aggressiveness and passivity is explained.

Key words: assertive behavior; confidence; aggressiveness.

Jak na to, abychom obstáli v konfliktech a přitom se cítili dobře? Jedním z receptů je asertivní způsob komunikace. Pod pojmem asertivita si někteří lidé představují prosazování se za pomoci tvrdých loktů. My se budeme zabývat asertivitou ve smyslu zdravého nebo přiměřeného sebe-prosazování či sebeuplatňování. K lepšímu pochopení si nejdříve vysvětlíme rozdíl mezi asertivitou, agresivitou a pasivitou.

Pasivně jednající člověk nedovede jasně sdělit svá přání a potřeby. Stejně bezbranný je i vůči požadavkům druhých. Chybí mu jistota v jednání, trápí ho, že se nedovede přiměřeně uplatnit. Nedaří se mu odolávat manipulativním trikům. Stačí, aby se v projevu druhé strany objevil náznak kritiky, a místo toho, aby trval na svém, začne se omlouvat, vysvětlovat své postoje apod. Snadno se dostane do situace, kdy nejenže nedosáhne svých cílů, ale ještě navíc se znemožní. Tím klesá jeho i tak ne příliš silné sebevědomí. Ale ne vždy, když se vzdáte svých cílů nebo vyhovíte jiným, jednáte pasivně. Může to znamenat, že vám určitá věc nestojí za to, abyste jí věnovali svou energii.

Agresivní člověk se prosazuje na úkor ostatních. Nedbá na jejich práva, ponižuje je. Někdy sice dosáhne svého, ale lidé se mu raději vyhýbají. Mají k němu odměřený či přímo záporný vztah. Agresivní lidé oplývají sebevědomím či spíše pseudosebevědomím. Všechny své nezdary si sami pro sebe přeměňují na úspěch. Nepřiznávají si své chyby, neberou si z nich ponaučení, a proto se nevyvíjejí.

Pasivní a agresivní přístup jsou na první pohled značně odlišné. Mají však společný základ – protistrana je považována za nepřítele, který nemá jiný zájem, než škodit. Jedinec, o němž můžeme říci, že je asertivní, dokáže přesně a jasně sdělit, o co mu jde, jak situaci vidí, co si o ni myslí a jak se v ní cítí. Je klidný, uvolněný, sebejistý, dobře se orientuje v sociálním prostředí, umí naslouchat druhým, přistoupit na kompromis, uznat argumenty jiných i změnit svůj názor.

Pro naši potřebu si budeme asertivitu definovat jako způsob komunikace a jednání, kterým vyjadřujeme a prosazujeme upřímně, otevřeně a přiměřeně situaci své myšlenky, city, názory a postoje jak pozitivní, tak i negativní podoby. Postupujeme takovým způsobem, abychom neporušili práva svá, ani ostatních lidí.

Jaká máme asertivní práva?

Uvedeme si jich jedenáct. Vznikla z takzvaných manipulačních pověr (ty jsou pro názornost uvedeny v závorce).

1. Máme právo sami posuzovat své chování, myšlenky a emoce a nést za ně a za jejich důsledky odpovědnost.

(Neměli bychom nezávisle posuzovat sami sebe a svoje reakce: Musíme být hodnoceni pomocí vnějších pravidel a autoritou, která je moudřejší a větší, než my sami).

Jenže ono jde o náš život. A co se v něm stane, závisí na nás a na nikom jiném. Když pak dojde na lámání chleba, zůstaneme v tom stejně sami.

2. Máme právo nenabízet žádné výmluvy či omluvy ospravedlňující naše chování.

(Za své chování jsme odpovědni druhým lidem, a tedy to, co děláme, jsme povinni vždy vysvětlit, zdůvodnit, ospravedlnit).

Klasickým případem je situace, kdy chceme něco koupit prostřednictvím inzerátu. Když už se s prodávajícím sejdeme a on nám věnuje svůj čas, je nám trapné si věc nevzít, přestože nám nevyhovuje. Musíme se naučit jen konstatovat, že si nic nekoupíme, vysvětlovat ale už nic nemusíme. Neznamená to však, že se neomluvíme, když v tramvaji někomu šlápneme na nohu.

3. Máme právo sami posoudit, zda a nakolik jsme zodpovědní za problémy druhých.

(Vůči některým institucím, věcem a lidem máme větší závazky než vůči sobě. Měli bychom proto obětovat vlastní hodnoty, abychom udrželi tyto systémy v chodu. Jestliže nepracují dobře, musíme se přizpůsobit. Musíme nést zodpovědnost za životy svých blízkých).

Známý se rozhodl strávit víkend na chatě. Žádá o zapůjčení auta. Jen na nás záleží, zda tak učiníme. Jde o to, zbavit se nutkavých tendencí řešit vše za druhé a zbytečných pocitů viny, pokud někomu nevyhovíme. Zkušenosti ukazují, že ten, kdo chce nést odpovědnost za všechny problémy světa, nakonec nepomůže nikomu a sobě jen uškodí.

4. Máme právo změnit svůj názor.

(Seriózní člověk za svým názorem stojí a nemění ho. Pokud ano, musel by se přiznat, že se mýlil. To znamená, že je nezodpovědný a není na něj spolehnutí. Co když se to bude opakovat?).

Proč bychom se nemohli mýlit? Mnohdy se dozvíme nové skutečnosti a náš úhel pohledu se posune. Nebo budeme stále trvat na tom, že se Slunce točí kolem Země?

5. Máme právo dělat chyby.

(Nesmíme dělat chyby. Pokud je děláme, musíme se cítit vinni. Nesmíme se divit, že nás ostatní musí kontrolovat, abychom nenapáchali další škody).

Kdo nic nedělá, nic nezkazí.

6. Máme právo říct: „Já nevím.“

(Ale vždyť dospělý člověk přece musí znát odpověď na jakoukoliv otázku. Jinak je považován za hloupého, nezodpovědného, špatného).

Zejména rodiče a učitelé se domnívají, že musí vědět všechno. Také manipulátoři zmíněnou pověru často využívají a tlačí svou oběť k vyjádření na fráze typu: „Co myslíš, že by se stalo, kdyby všichni dělali to, co ty?“, „Co by to bylo za vedoucího, který by...?“, „Jak si to vlastně představuješ dál?“ Od nás se ale vyjádření patrně nedočkají.

7. Máme právo být nezávislí na dobré vůli ostatních.

(Lidé v našem okolí by nás měli mít rádi, potřebujeme je, jsou pro nás důležití, nemůžeme bez nich žít. Proto je dobré jim vždy vyhovět).

Není na světě člověk ten, aby se zavděčil lidem všem.

8. Máme právo dělat nelogická rozhodnutí.

(Vše, co děláme, musí mít logiku. Platí, že logické je rozumné).

To by znamenalo, že musíme dělat jen věci, kterým naprosto rozumíme. Ale kolik takových je? Již mnohokrát se potvrdilo, že mnohdy zcela nelogické rozhodnutí bylo nakonec to správné.

9. Máme právo říct: „Já ti nerozumím.“

(A jde to vůbec? Vždyť ke svým blízkým musíme být vnímaví, dělat, co jim na očích vidíme. Jinak nás budou považovat za ignoranty).

Kolik nepříjemností, nedorozumění, rozchodů i rozvodů už tento blud přinesl! Vždyť čist myšlenky zatím nikdo neumí. Tak proč se to od nás jaksí samozřejmě očekává?

10. Máme právo říct: „Je mi to jedno.“

(Musíme být stále lepší, dokonalejší. I když se nám to nedaří, musíme o to stále usilovat. Jinak dostaneme nálepku lenochů a bezcitů, kteří si nezaslouží úctu a respekt ostatních).

Pro každého z nás může být v danou chvíli důležité něco jiného. Sousedka může kritizovat půl roku neumytá okna, zatímco jejich majitelka tráví veškerý svůj čas s těžce nemocným otcem. Spolupracovnice se pozastavují nad šaty své kolegyně, ta se v nich však cítí výborně a je jí srdečně jedno, že už letos letí zase něco jiného.

11. Máme právo sami se rozhodnout, zda budeme jednat asertivně.

(Když už teď víme, jak na to, měli bychom tuto dovednost stále používat).

Když nám to přinese užitek či potěšení, tak proč ne. Někdy ale platí „na hrubý pytel hrubá záplata“. Jindy se nám vyplatí pasivita.

V předchozích bodech jsme se zabývali sami sebou. A co naše protějšky? Řekli jsme si přece, že se nechceme prosazovat na úkor něko- ho jiného. V takovém případě je dobré držet se určitých zásad:

Naše závazky vůči druhým

Daly by se shrnout do úsloví: Co nechceš, aby činili jiní tobě, nečiň ty jim.

Kontrolujme své emoce. Respektujme a tolerujme osobní práva druhého. Stručně a upřímně vyjadřujme své pocity. Snažme se vidět sebe i druhého reálně. Pokusme se poznat stanovisko druhého. Naslouchejme

druhému a vyslyšíme ho. Važme si názorů druhých a jejich přesvědčení. Nemějme navrch za každou cenu. Učme se nacházet kompromis. Přiznejme omyl a pokusme se jej napravit. Uvědomme si včas, co vlastně chceme.

To, co jsme se až dosud dozvěděli, je sice hezká teorie, ale jak se ke kýženému stavu dopracovat? K tomu nám slouží určité dovednosti, které je dobré si nejprve vyzkoušet nanečisto. Představme si situaci, která nám dělá potíže. Její řešení pomocí asertivních technik si buď probereme v mysli, nebo ještě lépe s někým, komu důvěřujeme a kdo nám chce s problémy pomoci.

Asertivní techniky

Pokud je dobře zvládneme, umožní nám přiměřeně se uplatnit.

1. Asertivní Ne

Neumíme-li říkat ne, lidé nás snadno dotlačí tam, kde nás chtějí mít. Pak děláme věci, které se nám nelíbí. Pokud už nemáme na vybranou a odmítneme, trpíme pocitem viny, že jsme se svého protějšku dotkli. Ovšem říci ne je lepší, než si hrát na schovávanou a vymýšlet si nejrůznější výmluvy. Samozřejmě, že musíme jednat s taktem.

2. Pokažená gramofonová deska

Pokud s námi chce někdo manipulovat a připravuje na nás nejrůznější léčky, stačí, když klidně opakujeme to, co už jsme jednou vyslovili, aniž bychom museli hledat další argumenty. Chce to vytrvalost a zachování chladné hlavy. Představme si přeskakující jehlu na gramofonové desce a půjde to snadněji.

3. Otevřené dveře

Klidně přiznejme svému kritikovi, že na tom, co říká, může být zrnko pravdy. (Představme si, jak se přiřítíl a chce prudce otevřít dveře. My ho předejdeme. Vidíte, jak proběhl místností? Je překvapen. Vzali jsme mu vítr z plachet.) Tato technika nám umožňuje přijímat výhrady jiných klidně, bez úzkosti, bez nutnosti se bránit.

4. Negativní aserce

Technika, která nás učí přijímat své chyby a omyly, aniž bychom se museli omlouvat. S kritikou souhlasíme. („Máš pravdu, to se mi nepovedlo.“) Zmírňujeme tak agresivitu kritika.

5. Negativní dotazování

Cílem je použít získané informace o sobě samých, abychom případně mohli se sebou něco udělat. Tím, že se ptáme, se od druhého snažíme vyzvědět co nejvíce. Někdy dokonce i to, že kritizovaná skutečnost vlastně zastírá jiný problém, třeba i dlouhodobější, který nás protějšek trápí, ale ještě se neodhodlal o něm hovořit.

6. Selektivní ignorování

Na manipulativní, nevěcnou či příliš obecnou kritiku nereagujeme, ale dáme jasně najevo, že jsme rozuměli. („Myslím, že ti rozumím.“) Dál se však k věci nevyjadřujeme.

7. Sebeotevření

Během rozhovoru sdělujeme kladné i záporné stránky své osobnosti. Činíme tak bez pocitu viny nebo úzkosti.

8. Volné informace

Podávání nevyžádaných informací snižuje plachost při zahajování rozhovoru na obou stranách.

9. Přijatelný kompromis

Někdy je v rámci sebeprosazení a při respektování stanoviska oponenta vhodné navrhnout kompromis. Každý o kousek ustoupíme a pokud nám jde o vyřešení problému, a nikoli o vlastní ješitnost, měli bychom se dohodnout. Nesmí tím však utrpět naše či partnerova sebeúcta.

To, že je někdy vhodné asertivní techniky kombinovat, není asi třeba ani připomínat.

Komunikační zlozvyky

Optimální komunikace mezi blízkými lidmi se vyznačuje upřímným a otevřeným způsobem sdělování, který bere v úvahu jak vlastní sebeúctu, tak úctu k partnerovi. V komunikaci se však často objevují problémy. Vznikají jednak z našich nepřesných interpretací partnerova chování, jednak z nedostatečné dovednosti komunikovat. V problémových situacích se opakují stereotypní reakce, tzv. komunikační zlozvyky. U nich nejde ani tak o obsah sdělení, jako o nevhodnou formu sdělení, čímž se hromadí nespokojenost a podrážděnost zúčastněných. Pokud si své komunikační zlozvyky uvědomíme, můžeme je pro zlepšení komunikace přeformulovat do asertivnější podoby.

Komunikační zlozvyky při naslouchání

1. Čtení myšlenek

Příjemce předpokládá ve sdělení skrytý význam, který tam ve skutečnosti nebyl.

Do toho, co nám druhý řekl, si vkládáme vlastní význam, bývá to něco, čeho se bojíme, co očekáváme.

2. Přerušování a skákání do řeči

Vyvolává u hovořícího pocit, že mu nenasloucháme, že nás jeho názor nezajímá, že chceme prosadit jen sami sebe. Taková komunikace je pro většinu lidí nepříjemná.

3. Nereagování na sdělení

Chybí zpětná vazba, partner má pocit, že ho ignorujeme. Stačí verbální (hmm, rozumím ti) nebo neverbální přitakání (pokyvování hlavou).

4. Neverbální odmítání

Dívání se mimo řečníka. Otáčení se bokem nebo zády. Domlouváním se očima s někým jiným za jeho zády. Grimasy, podupávání, sevřené pěsti, hraní s tužkou, dívání se na hodinky, ohlížení se po kolemjdoucích, sevřené pěsti.

Komunikační zlozvyky při sdělování

1. Nepřímé vyjadřování pocitů oklikou
Kritizujeme něco náhradního.

2. Neupřímnost

Vědomé zkreslení nebo hraní pocitů, např.: „Posloucháš mě?“ „Jo, poslouchám.“ (i když opak je pravdou)

3. Nejasnost a nekonkrétnost sdělení

„Mohl bys taky někdy doma pomoci!“ „Život s tebou nestojí za nic!“
(ale je tím myšleno: „Mohl bys dnes vyluxovat?“, „Mohl bys se mnou zajít jedenkrát za měsíc do divadla?)

4. Přehánění

„Stokrát jsem tě prosila...“ nebo „Vždyť tu v podstatě není co dělat...“

5. Značkování

Např.: „Seš idiot, hlupák, nešika, šmudla, sobec...“

6. Nadměrné zobecňování

„Stále nejseš doma.“

7. Připisování úmyslu

„To potápění vymyslels jen pro sebe, aby ses mohl vytahovat před kolegy. Na mě s dětmi ti beztak nezáleží, nezajímá tě, co by bavilo nás.“

8. Překrucování skutečnosti

„Nic kromě novin (fotbalu) tě nezajímá!“

9. Nesoulad slovního a mimoslovního projevu

Dívání se mimo posluchače, otáčení se k němu bokem nebo zády. Domlouváním se očima s někým jiným za jeho zády. Různé grimasy, podupávání, hraní s tužkou, dívání se na hodinky, ohlížení se po jiných lidech... Přitom říkají: „Rozumím ti.“, „Pokračuj, poslouchám tě.“, což nepůsobí věrohodně.

10. Únik od tématu

„Pojedeme v sobotu na výlet?“ odpověď: „Máme děravou střechu.“

11. Přehnané emoční reakce

„Dneska je ta polévka nějak slaná.“ Nepřiměřená reakce: „Když se ti nelíbí jak vařím, tak si vař sám. Tobě ode mě nikdy nic nechutná!“

Charakteristika dobré komunikace

Mluvčí:

Soulad slovního a mimoslovního vyjadřování. Konkrétnost a specifická. Otevřenost a autentičnost. Jasnost a srozumitelnost. Plynnost komunikace. Umění bez agrese vyjadřovat své kladné i záporné pocity.

Příjemce:

Naslouchat. Neskákat do řeči. Naznačit, že posloucháme. Uvědomit si své pocity, postoje, myšlenky. Neinterpretovat, co je za řečeným.

Příklady správnější komunikace:

Zlovyk (nadměrné zobecňování):

„Všichni muži, kteří za něco stojí, pomáhají doma s nádobím!“

Asertivněji:

„Vadí mi, že jsi byl doma a neumyl nádobí. Ale potěšil jsi mě, že jsi napsal s Janou úkoly. Ušetří mi to čas a můžeme potom jít na procházku.“

Zlovyk (připisování úmyslu):

„To mi děláš schválně!“

Asertivněji:

„Rozčiluje mě, že jsi prošel se zablácenými botami přes umytý obývací pokoj.“

Zlovyk (značkování):

„Neřvi na mě jako pavián!“

Asertivněji:

„Je mi nepříjemné, když na mě křičíš.“

I když jsme se seznámili s technikami asertivní komunikace, neznamená to, že je musíme používat. Záleží jen na nás, zda a kdy tak učiníme, či nikoli. Chceme-li s asertivitou v praxi začít, je dobré si určité situace, které bychom rádi zvládli, nacvičit s někým, komu důvěřujeme, nebo přímo s člověkem, který asertivní způsoby komunikace učí. Pokud se pro ně rozhodneme, musíme počítat s tím, že lidé kolem nás budou změnou v našem jednání zaskočeni. Tím se ale nesmíme nechat odradit. Prvotní obavy se rozplynou a my budeme nakonec překvapeni, jak vše dobře funguje. Ovšem i zde platí, že případné výjimky potvrzují pravidlo.

Библиографический список

1. Alberti, R., Emmons, M.: Umění stát si za svým, Portál, Praha 2004.
2. Capponi, V., Novák, T.: Asertivně do života, Grada, Praha 1994.
3. Vališová, A.: Asertivita v rodině a ve škole, H&H, Praha 1992.
4. Medzihorský, Š.: Asertivita, Elfa, Praha 1991.
5. Praško, J., Prašková, H.: Asertivitou proti stresu, Grada, Praha 2007.

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М. Г. Морозова

Харьковский гуманитарный университет

«Народная украинская академия»,

г. Харьков, Украина

Summary. The article analyzes technologies of political communications in Ukraine in the conditions of informative society. Innovative information technologies in the political sphere have been considered. Main instruments of political information technologies influencing on political electorate have been characterized.

Key words: political communications; informative society; horizontal and vertical political campaign.

Отличительным признаком современного общества является применение новых информационных технологий в различных сфе-

рах общественных отношений, что даёт нам возможность говорить о формировании информационного общества. Его появление является актуальным в условиях процесса глобализации. Рождение такого типа общества стимулирует появление новых форм и принципов социального взаимодействия. Среди них особое место занимает сфера политических коммуникаций, которая позволяет решать классические задачи политики через инновационные технологии. Это и определяет активность данного круга вопросов.

Теория информационного общества появилась в начале 70-х годов XX века, а сам термин «информационное общество» ввёл Ю. Хаяши. Исследователями теории информационного общества являются: Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Д. Белл, П. Друкер, М. Кастельс, Ф. Уэбстер, Д. Мартин, Г. Молитор, Э. Тоффлер, А. Кинг, А. Турен, М. Маклюэн и др.

Одним из первых исследователей, пытавшихся обосновать концепцию информационного общества, был японский профессор И. Масуда, автор труда «Информационное общество как постиндустриальное общество» [1, с. 33]. Он рассматривал этот тип общественного устройства преимущественно в экономическом контексте, согласно которому новые технологии должны были привести к серьёзным положительным социальным преобразованиям.

По мнению М. Кастельса, в условиях становления информационного общества «растущая интеграция между мыслями и машинами ликвидирует разрыв между человеческими существами и машинами» [4, с. 3].

Информационное общество как научный термин не имеет единого, общепризнанного определения. В словаре по социологии и политологии даётся следующее определение информационного общества: «информационное общество – одно из наименований постиндустриального общества, характеризующееся резким изменением и повышением роли и значения информационных технологий» [7, с. 93]. Существует также другое определение: информационное общество – это «общественное устройство, основным фактором развития которого признаётся создание и использование индустрии информации (компьютеров, микроэлектроники, коммуникационно-вычислительных сетей, национальных и межнациональных баз данных); разновидность теории постиндустриального общества» [6, с. 72]. Очевидно, что появление и развитие информационного общества связывается с новыми информационными потоками, использующими инновационные технологии коммуникации.

Политическая коммуникация является своеобразным информационным полем политики, которое не осталось в стороне от этих процессов. Термин «политическая коммуникация» появился в начале 50-х годов XX века, однако как самостоятельное направление политическая коммуникация возникает только в 60-х годах.

Политическая коммуникация – «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой» [5, с. 101]. Л. Пай также включает в политическую коммуникацию «весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое различное влияние на политику» [8, с. 175].

Достижения в области новых технологий, на которых основывается формирование информационного общества, во многом изменили характер политической коммуникации. Без информационного сопровождения функционирование современных демократических институтов не может осуществляться в полной мере. При этом необходимо учитывать, что современные информационные технологии, по мере расширения сферы их применения в повседневной жизни общества, создают потенциальную возможность манипулятивного воздействия на личность, в том числе и со стороны субъектов политического процесса.

Пространство политической коммуникации как система разнонаправленных взаимодействий обладает комплексом специфических характеристик, актуализирующих интерес его изучения. Политические акторы находятся в постоянном поливекторном взаимодействии друг с другом. В целом они составляют коммуникативное пространство мира политики. Спецификой пространства политической коммуникации является его внетерриториальная, гиперпространственная структура, которая может быть наилучшим образом представлена в виде сети разноуровневых взаимодействий (глобального, регионального и локального) [3, с. 216].

В первую очередь, информационные технологии в рамках политического поля используются как механизм воздействия на формирование общественного мнения. Традиционные источники коммуникации, такие как телевидение, радио и др. поменялись, как изменилась и традиционная реклама. На сегодняшний день видоизменилась цепочка воздействия на аудиторию. На первом месте теперь факт, затем событие и поступок, а не наоборот.

Важную роль играет социальный диалог между обществом и властью, поэтому в условиях нового информационного общества в первую очередь необходимо обратить внимание на данный фактор как ключевой в системе политической коммуникации. Власть привыкла к старому типу передачи сигнала обществу – с помощью уполномоченных лиц, раздачи листовок и т. д., но конфликт состоит в том, что общество научилось это делать и без участия в этом процессе власти. Ранее все средства политической коммуникации обладали важным свойством – контролем, как на входе, так и на выходе. С появлением телевидения контроль на выходе пропал, так как смотреть телевизор мог любой человек. Однако при этом сохранил-

ся контроль на входе, так как необходима команда, которая занимается производством и выходом в эфир телевизионных передач. С появлением в обществе интернета и такой контроль исчез. Таким образом, в информационном обществе появился новый источник политической коммуникации без контроля на входе и выходе.

Основными субъектами политических коммуникаций являются власть, политические партии и электорат, то есть избиратели. Политические партии, которые играют ключевую роль на политическом рынке и являются, своего рода, микромоделью общества. С конца 19 века, наряду с возникновением политических партий, главными в политической коммуникации были способы доведения информации до общества, в частности избирателя – печатная продукция, где написана центральная линия партии, либо встречи с избирателями, размещение билбордов. Парадокс заключается в том, что общество поменялось, возникают признаки информационного общества, а власть и политики не модернизировались. Учитывая данный факт, необходимо создание нового инструмента политических коммуникаций.

Помимо традиционных технологий политической коммуникации (митинги, реклама, встречи с избирателями) появилась новая технология – горизонтальная кампания. Горизонтальная кампания является частью так называемой «цифровой демократии». Это любая демократическая политическая система, в которой компьютеры и компьютерные сети используются для выполнения важнейших функций демократического процесса, таких как распространение информации и коммуникация, объединение интересов граждан и принятие решений (путём совещания и голосования). Эти концепции отличаются по возможности использования прямой или репрезентативной формы демократического правления и по степени активности граждан в государстве. Общим у этих концепций является уверенность в том, что различные свойства новых средств информации, такие как интерактивность, более быстрые способы передачи информации, возможности связи большого количества пользователей друг с другом, изобилие информации и новые пользовательские возможности по управлению процессами могут положительно влиять на демократическую политическую систему [2]. В отличие от вертикальной кампании, где связь с избирателями осуществляется через центральный штаб политической партии и посредством агитаторов, при горизонтальной кампании информация распространяется непосредственно из окружения самих избирателей. Так, примером может служить избирательная кампания Барака Обамы, когда действующий ныне президент США использовал в качестве основного инструмента своей избирательной кампании интернет и социальные сети. Информация распространялась горизонтально, то есть всю информацию распространяли сами участники социальных сетей. Практика показывает, что такой подход к организации политических коммуникаций гораздо более

эффективен, чем при вертикальной кампании, так как происходит социальный диалог. Воздействие на электорат при вертикальной кампании не приносит ожидаемого эффекта, так как общество модернизировалось и для него уже устарели существующие модели политической коммуникации. В схеме горизонтальной коммуникации новости и информация приходят горизонтально, то есть из окружения самого электората. Данный факт является ключевым в понимании современных технологий политической коммуникации. Второе преимущество – отсутствие контроля, такого как при вертикальной кампании. Эти обстоятельства дают возможность расширить рамки и границы технологий политических коммуникаций.

В условиях модернизации современного общества, в условиях нового информационного пространства необходимо технологически менять формы политических коммуникаций, модернизируясь наравне с обществом.

Благодаря новым информационным технологиям и возможностям общество становится всё более прозрачным для власти, а значит, более контролируемым. Однако плохо функционирующее государство отнюдь не станет лучше благодаря электронному правительству. Только развивающееся общество не трансформируется из пост-тоталитарного в демократическое благодаря тому, что население получит доступ к тем или иным информационным ресурсам. Данное заблуждение широко развито в Украине. Исходя из этого, можно сделать вывод, что модернизация технологий политической коммуникации необходима, как необходим и поиск новых решений коммуникации с обществом на политическом рынке, приспособившись к развитию общества, становлению информационного общества. Однако при этом нельзя не учитывать специфику самого общества и государства, терять контроль над процессом модернизации общества.

Библиографический список

1. Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society // World Future Society. – 1981. – P. 33.
2. Вершинин М. С. Электронная демократия как компьютеро-опосредованная форма политической коммуникации : материалы международной научно-практической конференции "Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» – «Коммуникация-2002" ("Communication Across Differences"). – Ч.1. – Пятигорск, 2002.
3. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития . – М. : Прометей, 2004. – С. 216.
4. Кастельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. – 2001. – № 1. – С. 3.
5. Кретов Б. Е. Средства массовой коммуникации – элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 101.
6. Павленок П. Д. Краткий словарь по социологии. – М. : Инфра - М, 2000. – С. 72.

7. Тадевосян Э. В. Словарь-справочник по социологии и политологии. – М. : Знание, 1996. – С. 93.
8. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. – М., 1992. – С. 175.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА

Т. С. Мельникова

**Саратовский государственный социально-экономический
университет, г. Саратов, Россия**

Summary. The scheme of political communication in the context of forming political image, in particular at pre-election stage, is being considered in the article. The scheme is developed by analyzing basic models of communication (Lasswell H. D, Braddock R., Shannon K. – Weaver W., DeFleur M. L.) and taking into account specific features of modern political practice.

Key words: political communication; political image; communication model; mass consciousness.

С появлением государственно-организованного (политического) общества фактор имиджа оказывает значительное влияние на ход политических процессов. Имидж способен формировать определённое отношение к политическим деятелям, лидерам и партиям, побуждать к действиям, управлять политическим сознанием и поведением граждан. Положительный имидж, сформированный в массовом сознании, является одним из главных критериев успешности избирательных кампаний разного уровня и масштаба.

Формирование имиджа происходит в процессе политической коммуникации, в результате внедрения в массовое сознание конструируемых образов субъектов политики с помощью технологий политической рекламы, пропаганды и политического PR, используемых в средствах массовой информации.

Политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение. Политическая информация – это комплекс знаний, сведений, сообщений о явлениях, фактах и событиях политической сферы общества. С её помощью передаются политический опыт, знания, координируются усилия людей, происходит их политическая социализация и адаптация, структурируется политическая жизнь. Разнообразие целей политической коммуникации предполагает наличие различных моделей (схем) политической коммуникации.

Коммуникацию, т. е. процесс передачи, обмена информацией, удобно представить в виде модели Г. Лассуэлла («формула Лассуэлл-

ла», «социолингвистическая модель коммуникации»), специфицирующей процессы социальных коммуникаций. Эта модель представлена следующими компонентами: кто сообщает, что именно сообщает, по каким каналам, кому и с каким эффектом [4, с. 37–51]. Однако некоторые исследователи считали «формулу Лассуэлла» упрощённой и предлагали усовершенствовать эту модель, дополнив её новыми компонентами. По мнению Р. Брэдока, описание коммуникационного процесса должно включать ещё два принципиально важных момента: при каких обстоятельствах, и с какой целью направляется данное сообщение [2, с. 88–93].

Разработанная в конце 40-х годов модель Шеннона – Уивера [5, с. 5], в отличие от «формулы Лассуэлла» оказывается значительно ближе к действительности. Она демонстрирует, что не всегда передаваемые сообщения приводят к ожидаемому результату. Модель описывает коммуникацию как линейный и однонаправленный процесс, в котором сигнал обычно искажается шумом (помехами), который возникает, например, при одновременной передаче нескольких сообщений по одному каналу. Наложение помех приводит к тому, что переданный и полученный сигнал будут отличаться друг от друга. Соответственно, сообщение, созданное источником информации, и сообщение, которое получил адресат, будут иметь разное содержание, иногда даже не совпадать в смысловом отношении [1, с. 24–39].

Отметим, что в модели Шеннона – Уивера так же, как и в формуле Лассуэлла, отсутствуют принципиально важные для властно-управленческих отношений элементы обратной связи. Поэтому источник информации не имеет возможности контролировать действия адресата и, соответственно, корректировать свои последующие управляющие воздействия таким образом, чтобы поведение управляемого всё более и более приближалось к тому, которое ожидалось. Данная схема коммуникационного процесса была дополнена М. Дефлером [3, с. 90–91] петлёй обратной связи, которая позволяет устранить возможные несоответствия между исходным и получаемым сообщениями.

Таким образом, рассмотрев основные из существующего множества модели коммуникации и обобщив полученные знания, мы получили возможность разработать схему коммуникационного механизма процесса формирования политического имиджа в предвыборный период (Рис. 1).

В данной схеме коммуникационного механизма обратная связь свидетельствует об эффективности политической коммуникации. Можно сказать, что результатом (эффектом) взаимодействия является обратная связь. То есть, если в массовом (индивидуальном) сознании формируются образы политических акторов, определённые политические установки, мышление, приводящее к определённому политическому поведению, нужному коммуникатору, то можно го-

ворить о том, что цель политической коммуникации достигнута. В качестве отправителя (источника) политической информации выступают политические акторы (политические деятели, лидеры, партии и т. п.). Передатчиком информации служат PR-агентства, политтехнологи, имиджмейкеры.

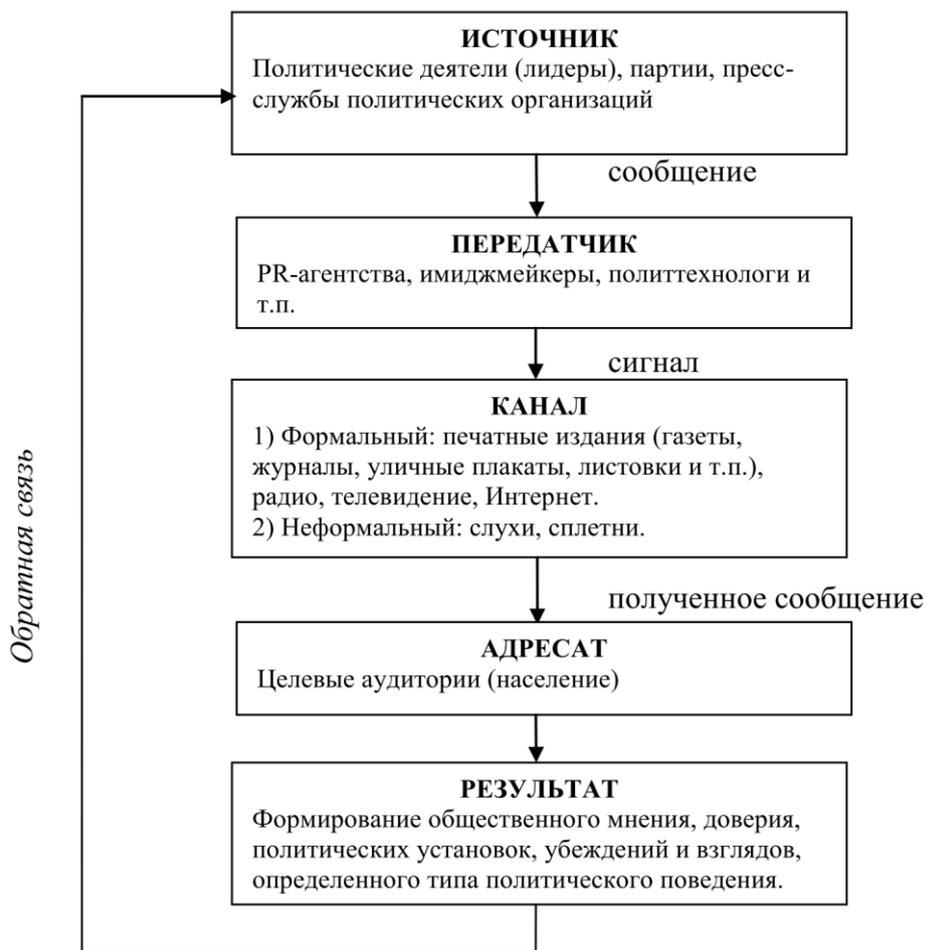

Рис. 1. Схема коммуникационного механизма процесса формирования имиджа субъектов политики (в рамках реализации предвыборных технологий)

Подчеркнём, что данная схема может функционировать без так называемого передатчика в том случае, если передатчик выступает в роли источника сообщения. В качестве информации, передаваемой в процессе коммуникации, направленной на формирование и поддержание имиджа, выступают сведения о политических акторах, так называемые имиджевые характеристики, а также любая другая информация о событиях, явлениях и процессах политической сферы, так или иначе связанных с субъектом политики. Получателем информации (адресатом) являются целевые аудитории, отдельные граждане, социальные группы и т. п. Каналы передачи сообщений играют особо важную роль в процессе политической коммуникации, и различаются по степени эффективности воздействия подаваемой информации.

Таким образом, для эффективной политической коммуникации необходимо наличие отправителя (источника/передатчика) сообщения, канала коммуникации, получателя (адресата). Обязателен также эффект (результат) коммуникации, обратной связи. Все вышеназванные условия являются элементами упорядоченной системы – коммуникационной среды. Как и всякая система, коммуникационная среда и её элементы с течением времени меняются. В современных условиях изменения коммуникационной среды обусловлены влиянием научно-технической революции, использованием новых информационно-коммуникационных технологий, глобальным процессом интернетизации общества. В частности, в политической сфере Интернет-технологии не только качественно видоизменили старые представления, установки, стереотипы, но и сломали многие формы поведения, модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами, в том числе в процессе формирования политического имиджа. В связи с этим для повышения результативности политической коммуникации необходимо постоянно отслеживать и учитывать изменения каждого элемента данной системы.

Библиографический список

1. Грачёв М. Н. Политическая коммуникация // Вестник РУДН. Серия Политология. – 1999. – № 1.
2. Braddock R. An extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. – Vol. 8. – 1958.
3. DeFleur M. L., Ball-Rokeach S. Theories of mass communication (5th ed.). White Plains. – NY : Longman, 1989.
4. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. / Ed.: L. Bryson. – New York : Harper and Brothers, 1948.
5. Shannon K., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. – Urbana : University of Illinois Press, 1949.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

О. А. Альмяшкина

Ульяновский государственный технический университет
г. Ульяновск, Россия

Summary. The image is one of the most important things in the political life. Every political leader makes his own image which is characterized by the behavior, manners, ability to speak correctly. In this work the author describes image, ways of create image and modern examples of image of political leaders.

Key words: image; political leader; imagemaking.

Словосочетание «имидж политика» в настоящее время всё чаще появляется на экранах телевизора, у мониторов компьютера, на заголовках печатных изданий. Почему мы так часто употребляем эти слова? Ответ прост. Ни для кого не секрет, что в современном мире политика играет важную роль в системе общественных отношений. Каждая политическая партия со своими лидерами стремится к установлению собственной власти, своей идеологии. Для политика чрезвычайно важно не только обозначить свои позиции программными документами и идеями, но и зарекомендовать себя как личность, способную вести за собой общество. Человек, назвавшийся лидером, должен соответствовать данному статусу, что, прежде всего, зависит от имиджа и занимаемого им положения в обществе, то есть авторитета. По мнению И. В. Алешинной, имидж – это не то, что обретается раз и навсегда, это постоянно развивающийся процесс [1]. Имидж продолжает формироваться вместе с развитием общества, политической партии [1, с. 33].

Я выбрала именно эту тему работы, так как в период президентских выборов она является сверхактуальной. Успех кандидата, за которого отдадут голоса большинство людей, будет напрямую зависеть от выработанного им имиджа.

Что мы подразумеваем под словом «имидж»? В политике имидж приобретает особенный характер. Мы привыкли ассоциировать понятие «имидж», в первую очередь, с внешним обликом человека. Это правильно, но в политике данное слово я бы охарактеризовала так: имидж – это образ, который формируется главным образом за счёт поведения человека, того, как он ведёт себя на публике. По выражению Г. Г. Почепцова, имидж представляет собой «публичное "Я" человека» [2]. Он предлагает рассматривать имидж как «свёрнутый текст» и считает его коммуникативной единицей, посредством которой можно работать с массовым сознанием [2, с. 8].

Существует два подхода к созданию имиджа. Первый заключается в том, что имидж формируется на какой-то базе, т. е. преследует какие-либо определённые цели. Здесь используются сильные стороны политического лидера. Второй подход к формированию

имиджа заключается в том, что из политика делают некий желательный образ, ориентируясь на запросы для целевой аудитории. Эта «лепка» происходит на базе всевозможных исследований. По большому счёту, нам предлагают уже некий составной образ, который заранее нравится всем, или, по крайней мере, подавляющему большинству. Под этот образ прописываются все детали, начиная от костюма, заканчивая программными выступлениями на радио и телевидении, поведением в обществе.

Эти два подхода можно рассмотреть на примере имиджа кандидатов в президенты 2012 года.

Как известно, Владимир Владимирович Путин является фаворитом президентских выборов. Он обладает сильной харизмой, волевым характером. Отличительными особенностями манеры поведения Путина, по мнению многих россиян, является его корректность, вежливость, умение хорошо говорить, сдержанность, рассудительность.

В. В. Путина поддерживает большинство населения страны. После правления Бориса Ельцина, которым общество не было довольным, страна хотела видеть сильного, активного президента, который может хоть чем-то управлять. Владимир Путин оказался именно таким человеком, которого ждала страна и о котором к этому времени уже много говорили.

Образ Михаила Прохорова – совокупность представлений о российском предпринимателе, миллиардере, президенте инвестиционного фонда «группы Онэксим». Он вступил в политическую жизнь в 2011 году и для многих людей является новым именем в политике, со своими свежими идеями, мировоззрением и программами. Некоторая часть населения считает, что именно он может начать перемены в стране и повернуть всё в лучшее русло. Что же касается особенностей поведения и характера кандидата в президенты следует отметить: по облику, манере двигаться, говорить, кем он является? Высокий, худой, сутулый человек в сером костюме, который порой кажется неуверенным в себе. Тому, какой Прохоров сегодня, сложно не только поверить – но сложно и относиться к нему серьёзно.

Далее рассмотрим Владимира Жириновского. Лидер партии ЛДПР обладает весьма вспыльчивым, эмоциональным характером, что, несомненно, влияет на число сторонников его партии. На телевидении неоднократно показывали выступления Владимира Вольфовича и почти все они сопровождались выкриками, эмоциональным поведением лидера ЛДПР, постоянными дискуссиями. Владимир Жириновский является для народа неким «своим парнем», который не боится открыто высказывать своё мнение, участвовать в различных программах, чтобы, так сказать, быть ближе к народу. Можно вспомнить участие Жириновского в развлекательной телевизионной передаче «Две звезды», где Владимир Вольфович рабо-

тал с рэпером Серёгой, а также принимал участие в программе «Кто хочет стать миллионером?».

Чем же известен для народа Сергей Миронов? В отличие от Жириновского Сергей Михайлович обладает спокойным характером, грамотно излагает свои мысли на публике, не участвует в народных развлекательных телепередачах. Лидер партии "Справедливая Россия" уже ознакомил общественность с документом, который называется "Курс – справедливость! Демократия и социальный прогресс». Уже из этих двух фраз продвинутому избирателю многое становится понятно. Чуть меньшим знатокам мироновских взглядов достаточно будет прочитать преамбулу и посмотреть названия разделов, чтобы убедиться: "Справедливая Россия" Миронова в своих инициативах остаётся последовательной социал-демократической партией европейского образца.

Геннадий Андреевич Зюганов являет собой эталон поздне-советского партийного функционера, и в его деятельности, поведении, политической практике прослеживаются отсылки к поздней КПСС. Всё это накладывает определённый отпечаток на КПРФ в целом, которая зачастую работает по старым шаблонам, уходящим корнями ещё в поздне-советскую практику. Отсюда исходят и косность структуры, и устаревшие методы пропаганды, и замедленная реакция на стремительно меняющуюся обстановку. Зюганов для решительных шагов всю дорогу был сверх меры осторожен, поэтому те, кто ждал от него решительных изменений в КПРФ, ждали напрасно. Это абсолютно не тот тип политика, который рубит с плеча. Партия и сам Зюганов уже давно подвергаются критике за "недостаток революционности", "отсутствие желания брать власть", говорят о "трусливом Зюганове". Соответственно, кто поддерживают Зюганова, это в основном та часть населения, которая не решается что-либо менять, это те же люди-коммунисты, как и сам Зюганов.

В заключение отметим: имидж возникает не спонтанно, а в первую очередь, благодаря целенаправленным усилиям, как самого политика, так и его PR-команды. Но иногда он возникает и вопреки их воле и желаниям как результат деятельности других недружественных политиков с помощью различных средств и прежде всего СМИ. Грамотное сочетание двух подходов поможет успешно сформировать имидж политического лидера.

Библиографический список

1. Алешина И. В. Паблик Рилейшнз для менеджеров. – М. : ИКФ «ЭКМОС», 2006. – 480 с.
2. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2001. – 624 с.

ИМИДЖ, АВТОРИТЕТ И РЕПУТАЦИЯ ПОЛИТИКА: ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ

М. Г. Анохин, О. Е. Гришин

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия

Summary. The article deals with some elements of the image, credibility and reputation of contemporary politician and some of the technology of their formation. An example of the use of technologies to improve the image, credibility, reputation of the candidate for president of Russia M. D. Prokhorov.

Key words: image of the politician; reputation of the politician; authority of the politician; technologies creating an image; reputation and credibility of this political figure.

Современная политическая деятельность определяется многоаспектностью решаемых стратегических и тактических задач и проблем, её успех обусловлен профессионализмом личности политика, соблюдением им этических принципов и норм, инновационной готовностью, наличием определённых профессиональных и личностных (внутренних и внешних) качеств и свойств.

Имидж, или образ включает внешность, должность, профессию и программу кандидата, биографию, свершения, хобби, манеру вести беседу, комплекс убеждений, намерений и многое другое, а также «легенду» – реальные или мифологизированные события из жизни субъекта политической деятельности, которые делают его в общественном сознании более достойным высокой должности, чем остальные так называемые рядовые претенденты. Иными словами, образ кандидата – это публичная сторона его личности, обращённая непосредственно к избирателям [5, с. 51]. Имидж – образ личности, складывающийся в человеческом восприятии [7, с. 192]. Имидж представляет собой «набор определённых качеств, которые люди ассоциируют с определённой индивидуальностью» [12, с. 56].

По мнению Е. Б. Малкина и Е. Б. Сучкова, основными составляющими имиджа являются внешний вид, специальные навыки, такие, как ораторское искусство и умение вести публичную дискуссию, а также партитура жестов или, в более широком плане, – манера поведения кандидата в ходе публичных выступлений и перед камерой [6, с. 102–114]. Для построения стратегии кампании при формировании имиджа авторы также считают необходимым определение психического типа личности кандидата, который должен коррелировать с положительным образом, положенным в основу стратегии. В отличие от Е. Б. Малкина и Е. Б. Сучкова, С. Ф. Лисовский и В. А. Евстафьев считают, что важнейшим требованием при форми-

ровании имиджа является необходимость создания совершенно определённого мнения кандидата относительно чего-либо и кого-либо, совершенно определённой оценки каких-либо событий, чьих-либо заявлений, чьего-то действия или бездействия [4]. Поэтому кандидату, по их мнению, необходимо выработать чёткую точку зрения по широкому кругу вопросов и порой неожиданным вещам, волнующим избирателей в данный момент.

Выявление широкого спектра политических, психологических и социальных факторов, влияющих на формирование имиджа политического лидера, позволяет оценить его роль в политических процессах, а также оценить технологические особенности управления и манипулирования сознанием электората [1].

Авторитет, под которым подразумевается ненасильственное влияние, воздействие, может подменять власть в отпращивании функций управления. В широком смысле слова авторитет – это признание всеми неформального влияния какого-либо лица или организации, основанного на нравственных качествах или заслугах. Авторитет представляет собой свойство лица, социальной группы, организации оказывать определённое влияние на поведение людей на основе их сознательного подчинения волевому воздействию [10, с. 11]. Он выражается в способности носителей авторитета направлять и контролировать, не прибегая к принуждению, действия или мысли других людей. Авторитет – это идеальный способ управления, основанный на уважении и исключаящий принуждение и конфликт между руководящей волей и подчинением ей.

Авторитет как отношение, построенное на знании и дееспособности в противовес незнанию и неспособности, представляет собой непреходящий способ взаимоотношения между людьми и предполагает доверие к носителю авторитета. Такое доверие – результат убеждённости в том, что носитель авторитета не только обладает знаниями, опытом и т. д., но и способен осуществить общий интерес – интерес дела.

Важнейшей характеристикой авторитета является его направленность на реализацию общего интереса участников совместной деятельности. Подлинный авторитет тот, который, во-первых, построен на правильном отражении объективных законов и, во-вторых, используется в интересах прогрессивного развития общества [3].

Согласно словарям, **репутация** – это общественное мнение, сложившееся о ком-либо или чём-либо на основании его качеств, достоинств, недостатков и т. п. Репутация – образ человека, с которым связано наличие доверия к нему самому, к его уму, компетентности, деловым качествам [7, с. 196].

Исследователи, анализируя формирование репутации в политике и бизнесе, поясняют, что понятие «репутация» в настоящее время разработано, в основном, применительно к бизнес-сфере.

Возможности их пролонгации на политическую сферу требуют серьёзного научного осмысления [11, с. 5].

В политике репутация стала выделяться как одна из важных составляющих политического успеха или провала, как «знак качества» того или иного субъекта (политического лидера, партии). При этом наблюдается тенденция к зависимости исхода выборов от репутации. При прочих равных условиях побеждает политик с преобладанием позитивных характеристик в глазах общественности, и особенно по знаковым для политика качествам, таким как «хороший организатор», «лидер», «умный», «дальновидный» и др. В этом плане репутацию вполне можно рассматривать как социально-политическую категорию, поскольку она способствует формированию позитивного или негативного отношения к тому или иному политическому лидеру, властной структуре, партии [9, с. 3].

Сегодня для формирования позитивного **имиджа, авторитета, репутации** современного российского политика применяется широкий **спектр технологий**. Это аудио- (радиорепортажи, рекламные обращения, беседы) и визуальные (видеоролики, телеставки, теледебаты и др.) способы рекламирования; печатные способы передачи рекламных сообщений (публикации статей, составление обзоров, интервью и др.). Используются методы наружной рекламы (рекламные щиты, афиши, транспаранты, листовки, надписи на стенах, т. е. «политические граффити»). Немаловажное значение имеют приёмы печатной рекламы (плакаты, открытки, письма, обращения, брошюры, календари, визитные карточки и др.). Используются методика прямой почтовой рекламы (рассылка почтовых сообщений конкретным избирателям); методы распространения рекламных сувениров (значков, маек, бейсболок, деловых подарков); компьютеризированные формы рекламистики (Интернет, специальные информационные программы); проведение мероприятий по связям с общественностью (личные встречи кандидата с населением, презентации, выступления на митингах и конференциях и др.). Соотношение указанных средств и способов политического рекламирования зависит, прежде всего, от того, на какую часть населения направлены эти технологии. Стоит отметить, что каждый из выше перечисленных способов имеет свои достоинства и свои недостатки.

Так, в российских реалиях политическая реклама стала необходимым элементом современных политических кампаний. Политическая реклама встраивается в информационное поле, генерируемое формами общественного сознания, средствами массовой коммуникации, сферой межличностной и специальной коммуникации. Политическая реклама – насущный элемент политического рынка.

Исследование проблем, направлений, особенностей, возможностей использования блогов (Интернет) в качестве технологии формирования имиджа, авторитета и репутации является новым

аспектом для российской политической науки. Российская блогосфера переживает процесс созревания, и в ближайшем будущем этот процесс продолжится на фоне дальнейшего повышения роли социальных медиа. Сегодня очевидно их скоростное преимущество перед традиционными СМИ.

Так, например, говоря о технологиях формирования имиджа и репутации кандидата в президенты России М. Д. Прохорова, можно констатировать некоторую совокупность общественных представлений о нём как о российском предпринимателе, мультимиллиардере, президенте инвестиционного фонда «Группа Онэксим». Он – генеральный директор компании «Полюс-Золото», входит в число самых богатых людей планеты и признан самым богатым человеком России в 2009 году (по версии журнала «Финанс»). В 2011 году М. Д. Прохоров занимал третью строчку рейтинга самых богатых людей России (по версии журнала Forbes), его состояние оценивается в \$18 млрд. М. Д. Прохоров награждён орденом Святого благоверного князя Даниила Московского II степени, орденом Дружбы за вклад в развитие экономического потенциала России, орденом Почётного легиона [8].

Анализ показал, что к числу позитивных факторов, влияющих на повышение имиджа, авторитета и репутации М. Д. Прохорова, можно отнести следующие моменты: он – «новая фигура» в политике, молод, имеет высокий рост, знает английский язык. Умение вести полемику, успехи в бизнесе, подъёме российского автопрома, то, что он платит налоги и прочее определяют достаточно высокий рейтинг этого политика накануне выборов.

Согласно данным опроса, проведённого ВЦИОМ, рейтинг кандидата в президенты России Михаила Прохорова в Москве составляет 12 %, в Петербурге – 11 %. Лидирует же в списке кандидатов в президенты премьер-министр Владимир Путин. Среди респондентов, отвечавших на вопрос, за кого бы они отдали голос на президентских выборах, в Москве Путина поддержали 42 %, а в Петербурге – 47 %. Рейтинг Прохорова оказался выше рейтинга лидера КПРФ Геннадия Зюганова, который набрал в Москве и Петербурге 8 % и 5 % голосов соответственно. Следом расположились Владимир Жириновский, выдвинутый от ЛДПР (6 % и 5 %) и Сергей Миронов от партии «Справедливая Россия» (4% до 5%) [2].

На наш взгляд, такой высокий рейтинг М. Д. Прохорова детерминирован применением его штабом некоторых эффективных технологических средств и методов прагматического характера. Это использование политической рекламы в электронных и печатных СМИ, политической рекламы в Интернете, ведение блога (<http://md-prokhorov.livejournal.com>), участие в теледебатах, публичных мероприятиях, прайм-таймовых передачах на ведущих российских каналах (КВН, Прожекторперисхилтон и т. п.)

Таким образом, в современных российских условиях технологии формирования имиджа, авторитета, репутации не теряют своей актуальности, проявляя свою специфику, прагматичность и самодостаточность.

Библиографический список

1. Анистратенко Т. Г. Политическое лидерство: типология и технологии имиджконструирования : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-н/Д., 2003.
2. ВЦИОМ узнал рейтинг Прохорова в Москве и Петербурге. URL: http://www.infox.ru/authority/mans/2012/02/06/VCIOM_uznal_ryeyting.phtml. Дата обращения: 13.02.2012.
3. Курбанова Е. С. Власть и управление: единство и взаимодействие в обществе : автореф. ... канд. филос. наук. – М., 1996.
4. Лисовский С. Ф., Евстафьев В. А. Избирательные технологии: история, теория, практика. – М. : РАУ-Университет, 2000.
5. Максимов А. А. Имидж кандидата // “Чистые” и “грязные” технологии выборов: Российский опыт. – М. : Дело, 1999.
6. Малкин Е. Б., Сучков Е. Б. Политические технологии. – М. : Русская панорама, 2006.
7. Марченко Г. И., Носков И. А. Имидж в политике. – М. : ВЛАДОС, 1997.
8. Образ Михаила Прохорова. URL: http://www.memoid.ru/node/Obraz_Mihaila_Prohорова. Дата обращения: 13.02.2012.
9. Устинова Н. В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2005.
10. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
11. Харламов И. Г. Формирование репутации в политике и бизнесе: сравнительный анализ : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М. : РАГС, 2009.
12. Denton R. E., Woodward G. C. Political Communication in America. – N.-Y. : Praeger, 1985.

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS A SOURCE OF THE LEGITIMACY OF PUTIN'S PRESIDENTIAL POWER

B. Iwanowska
Institute of Philosophy and Sociology,
Polish Academy of Sciences,
Warsaw, Poland

Summary. This paper is dedicated to the issue of the relations between the President of the Russian Federation and the Russian Orthodox Church. The latter played the role of the president's source of legitimacy. As it is known from nationwide surveys, 80% of the whole Russian population declares their belonging to the Orthodox Church. The Orthodox religion unites Russian people. It is like a foundation for their so greatly differentiated self-identity. At the beginning of the 21st century the Russian Club of Orthodox Donators was created. Its members are the most famous and richest businessmen from Russia – oligarchs, chiefs of big plants and enterprises including metallurgical and oil companies, politicians. The aim of this club is to support the Russian Orthodox Church. That aim is realized through a sponsorship in building 300 Orthodox churches annually. It is evident that the church can gather people into one closed society and can influence people's thoughts and convictions much better than politicians. The above mentioned facts were known to Vladimir Putin, as president, and it is necessary to underline that he was able to make the Orthodox Church one of the most influential institution in the state. Many political observers say that by supporting the Orthodox Church Vladimir Putin receives an additional legitimization of his power.

Key words: Vladimir Putin; legitimization of power; Russian Orthodox Church; Christianity.

Although today's Russia defines itself as secular country, it is also a country, where the religion plays a great role. Secularity means not only the separation of church from the state and school from church. A serious and fundamental question concerning a source of legitimacy of the government lies in the heart of the secular state. As it is known from nationwide surveys, 80% of the whole population in Russia declares their belonging to the Orthodox Church, so a straight majority of Russians is Orthodox Christians. The Orthodox religion produced the row more or less direct ways of power legitimization of the state authorities. History and the course of events, Russian philosophical thought and the Orthodox Church had quite a big influence on the phenomenon of power in Russia. The adoption of Christianity (988 A. D.) helped unite the Russian people and promoted the development of a written language. It is known from history that the tribes of Eastern Slavs united in the 9th century and formed a state which was called Rus. In history, Rus is known as Kievan Rus, since Kiev was for many centuries the capital of the state. Grand Prince Vladimir of Kiev, after having been baptized himself, forced the Kievans and all his subjects to accept Christianity. Christianity also helped introduce Byzantine culture to Russia. Each Christian knows, repeating after the New Tes-

tament, that every soul must be obedient to the higher authorities because there is no other power than God and the existing authorities are established by God: "Let every soul be subject unto the higher powers. For there is no power but of God; the powers that be are ordained of God. Whosoever therefore resisteth the power, resisteth the ordinance of God; and they that resist shall receive to themselves damnation" [Romans 13: 1-2] [1, p. 861]. The Holy Bible does not make a distinction between the authorities, carrying this saying to any of them. Another new treasured saying goes: „Render therefore unto Cesar the things which are Cesar’s; and unto God the things that are God’s” [Matthew 22-21] [2, p. 743]. The Lithuanian church sociologist Povilas Jakas, making comments on the given saying wrote: „This short saying is a basis of all state law. It obliges citizens to obey the state. Nothing releases from duties which are available for citizens in relation to the state and a management and which they are obliged to carry out if wish to be right” [3, p. 91]. The below mentioned words of Pope Lion XIII from his encyclical were often cited in the previous century: “Who possesses power, that has received it not from somebody else, and only from God, the mister of all things” [4, p. 91].

The time in which it is defined to us to live is only a moment in a great history of all mankind. This time differs greatly from that in which our ancestors lived. Today in Russia people are not persecuted for belief. In the modern Russian state the church is not a state-developing factor or an object of reprisals, but it undoubtedly has the highest symbolical authority. After all, it is one of the fundamental bases of statehood. The church supports the state. It is told and written much about an exclusive role of the Russian Orthodox Church and Orthodoxy as to religion in Russian history. Through centuries Orthodoxy was the state religion in Russia, and first of all the religion of Russian power, and subsequently of all Russian people. The Orthodox Church was really the “state church” – the church of the majority. The history of relations between the Russian authorities and the Russian Orthodox Church is huge. As it results from the above, there is a whole set of literature concerning this issue. The ease and subsequently fall of Byzantium in 1453 made Russia the only place in the world – a pure orthodox state. There was a cult, such an exclusive ideology of sacred Russia as vessel of true belief which was present even at wars: finally Russia conducted the wars for the sake of orthodox belief, too.

Power legitimization in Russia has some other sense than in normally developed and affirmed democratic societies. The October Revolution was an initial position of power legitimization, a vector in relation to power. People then believed the new power that won in Civil war. Then the party won, Lenin won, the Red Army won – that all had a practical legitimacy. Such an arising tradition was linked with inner-party struggle. The slogan "Who is not with us, is against us!" proceeded a class struggle. The destiny of those who were in opposition was tragic. Those who gained truth and reached a victory over the opponents in the 1920s and in the

1930s won the right to the excommunication of others from history. Those who lost became “enemies of the people”, and the winner appeared “the proprietor of history”. The Russian authorities through centuries – except the Bolsheviks, Communists and especially during Stalin’s reign – tried to be identified with the Church. Solzhenitsyn claims that in communist Russia the idea of patriotism was false. “The ethnic experiment conducted by the communist authorities had to eliminate entirely the feeling of national identity, as a result of which they wanted to appoint Soviet, not Russian, nation to life. As the only one way of killing the idea of national identity and patriotism, the ruling authorities chose the fight against the Orthodox Church” (Suchanek, 2002, p. 75).

In Soviet times there was no question as for the legitimacy of the authorities. There came the concept of “revolutionary legality” cancelling the rules of law which had operated earlier. So it was also hatred to the past that was not capable to cancel it. The question on the legitimacy of the authorities could not arise as there was no doubt in power.

And in 1941–1945 there was one more stage of power legitimization of the Russian authorities. The Red Army won World War II against the Nazi Germany. The Soviet Union enlarged its territory by moving the borders westwards. Once again it proved that the Russian communist party won, Stalin won, the political system turned out to be victorious. This historical-practical power legitimacy in Russia was unquestionable for the Russian population for many years, till the 1980s when Gorbachev’s perestroika started to be introduced.

The above mentioned godless power which searched for a source of legitimacy neither in belief nor in the Church and which, on the expiration of many decades, had no justification. This power aspired to be legitimate and to grow up godless generations of people which in the 1930s, having seen destroyed temples, lost their faith. And for the sake of belief and God it is impossible to forget about terror under the Soviet past. And besides, the idea of godless state and strong revolutionary power was a special way of legitimacy. Those years the powerful created a special type of legitimacy which did not provide participation of the church in the course of the state’s functioning. In order to eradicate the church as a dangerous centre of traditional Russian statehood, the powerful created a specific revolutionary culture that represented those authorities as liberators from national oppression. This type of legitimacy of the state authorities was exclusively not tolerant to the church: revolutionism as a movement and as a special form of belief should perceive orthodox belief as a dangerous competitor. The church was not simply the ally but a serious obstacle.

Today the Russians do not avoid Orthodoxy and many experts assert that this religion in the modern Russian State has numerous sub-religions, such as church, political, intellectual, enterprise Orthodoxy. It is quite difficult to explain the character of mutual relations between modern power and the church in brief. Speaking about the 1990s, the last

decade of the 20th century, it is necessary to take into account the revival of religion after a long sleep. In the 1990s there was a gradual returning of believers to the centres of live belief. In the first decade of the 21st century, that is during the presidency of the second president of the independent Russian Federation, Vladimir Putin, the state found respect in the international arena, and there came internal policy stabilisation. A distinct presence of religion is one of the biggest and most remarkable symbols of transformation changes in contemporary Russia. The change of the political system supports widening of civil liberties, including the freedom of religion in order to deepen religious pluralism. It contributed to the public activities: charitable, educational, and cultural. A document of 26th September 1997 regulating relationships between the state and churches functions successfully. It is called “The freedom of conscience and the relations between the state and churches in the Russian Federation” (*“Свобода совести и государственно-церковные отношения в Российской Федерации”*. Документы и материалы. Москва, 1998). In its preamble a particular role of orthodox faith is emphasized as an essential legacy for a part of Russia’s nations. It results from its place in the history of Russia, besides it develops Russian spirituality and culture.

In the above mentioned document it is said that article 14 of the Constitution of the Russian Federation, determines that the Russian Federation is a secular state in which no religion can be recognized as national or being in effect. The Russian Constitution guarantees the freedom of religion, and President Putin often spoke against religious discrimination. “In modern Russia, tolerance and tolerance for other beliefs are the foundation for civil peace, and an important factor for social progress,” he said at a meeting of religious leaders in 2006. Religious organizations are separated from the state and they are treated identically in view of the law. The attitude to the religion and beliefs of the citizens cannot be a subject to a restriction (art. 19 of the Constitution). The freedom of conscience is guaranteed for the citizen, including the freedom of religion. The freedom of conscience anticipates that religious connections can be created on the principles of religious groups. Religious organizations can conduct their activity all over the country or locally. In 2003 there were registered 21509 religious organizations, among from which 11397 belonged to the Orthodox Church. The freedom of conscience (art. 4 of the Constitution) states that the “religious organizations cannot participate in the elections of the authority of the state and self-government. They are not allowed to participate in political parties’ activities and support them financially”. However, the above mentioned resolution doesn't exclude the participation of clergymen as citizens of the country in the operations of these organizations. In the State Duma and the Federation Council there were established, by the President of the Russian Federation, the Council for Cooperation with Churches and Religious Groups. During the two terms of presidency of President Vladimir Putin on legal

validity of agreements with individual departments particular regulations were led. They concerned principles of the clergymen service and the organization of special places for praying in army, nursing homes, hospitals, prisons, and so on.

“In 2001, during President Putin’s first term, (...) it mandated that all public school children take what is essentially a Russian Orthodox religion course. A guide for teachers of young children recommends that schools have religious rooms with portraits of Jesus Christ, Russian Orthodox icons and other sacred items” [Levy, 2008, par. 52].

Undoubtedly, the period of Vladimir Putin’s presidency widened greatly the sphere of churches’ and religious groups’ influence in Russia. Two crucial spheres of public life – politics and religion – divided enormously in the communist period in the first years of the 21st century proved enough that it is possible to speak and not only about their cooperation, sometimes on a very advanced level. This fact justified also distinct increasing of the number of citizens declaring themselves as believers. Leaders of all political parties, not excluding communists, are emphasizing crucial role of religion in social life. Russian high-placed clergymen participate in all important state celebrations, and in many cases religious symbolism accompanies these celebrations. Although the federal law forbids using one's official position for determining religious membership (art. 5, Act on the freedom of conscience), the presence of the highest national dignitaries at important religious celebrations became increasingly common.

“But we have no right to forget that the Christian commandments of kindness and mercy, the ideals of love and compassion for thy neighbour, permeate all of Russia’s culture, including the works of its greatest thinkers and writers. Other traditional religions, which have co-existed on Russian soil for centuries, teach the same. Millions of Russians practise different religions, but all of us share one future, one motherland and one country: Russia. This is our uniqueness, our wealth. Russia’s whole historical experience has proved that it is these values that are lasting. No one can ban or abolish them. No one will ever stop us from making full use of the ample possibilities offered by a multi-faith and multi-nation state. This is why we greatly appreciate the disinterested participation of the church in the affairs of charity and enlightenment and – what is particularly important for Russia today – in bringing peace” [Putin, January 11 2000, Speech at a gala marking the second millennium of Christ’s birth].

“Russia is a multi-ethnic country of many religions and denominations. Christians and Muslims have lived here side by side for centuries, and regarded Russia as their home. In the years of trials and tribulations, when the people had to rise in arms and defend their country, all fought for it as their Motherland, irrespective of faith” [Putin, October 27 2000, Excerpts from the news conference following the talks with Yugoslav President Vojislav Kostunica].

There have been some tensions between the Catholic Church and the Russian Orthodox Church in spite of close relations. The latter accuses Catholic missionaries of trying to convert Russians but the Vatican says it seeks only to ensure religious service to existing Catholics. Because of that the Russian government often refused visas for foreign Catholic priests, who were sent by the Vatican because there were few Russian ones. The number of Roman Catholics in Russia amounts to a few hundred thousand. “I believe that the Pope is doing a great deal to develop the Roman Catholic Church. Moreover, he is making a very big contribution to international peace. I think his trips to East-European countries, including Ukraine, are potentially positive. (...) I would very much like the relations between the Russian Orthodox Church and the Holy See to develop positively.” [Putin, 16 July 2001, Interview With the Italian Newspaper “Corriere della Sera”].

A considerable number of Protestants in Russia has lived there since the second half of the 18th century. “After the fall of the Soviet Union in 1991, Protestant faiths in the West saw Russia as fertile territory and spent heavily to send missionaries to help the existing worshipers and to convert others. But the Russian Orthodox Church, which was widely persecuted under Communism, was rebuilding its importance and worried about losing adherents” [Levy, 2008, par. 35]. There are far more Muslims in Russia than Protestants or Catholics – from 7 to 20 million, depending on the way of measurement. And Muslims are far less likely to convert.

“I think deciding whether or not to allow the spread of this or that religion or religious views is outside the remit of secular authorities. It is up to the believers and the Church and the citizens themselves. People themselves should decide what denomination they should belong to. And to impose my own opinion and contribute to the spread of one current while suppressing others is not, I think, the right way to approach such issues. I do not intend to build my relations with religious confessions in this way. There are some disputed issues between the Russian Orthodox Church and the Catholic Church. I think they should solve these issues themselves without government interference” [Putin, 2000, on religion (From the Transcript of an Interview with the American NBC News Channel)].

Following his inauguration as Russian president in May 2000, Vladimir Putin was praised by Patriarch Alexey II “for his ‘thoughtful and responsible style of leadership’ and suggested that like never before Russia needed “the restoration of the spiritual powers of the nation and a rebirth of its commitment to genuine moral values ... Vladimir Vladimirovich, help us to disclose the soul of the nation” [Anderson, 2007, par. 1].

Legitimacy is closely connected with democracy. The experiences of developed democratic countries show that the act of election cannot be recognized as a sufficient factor for legitimacy. According to common

definitions, legitimized power is possessed by persons who are elected and exercise their power in accordance with established rules.

For that reason state leaders as well as other elected representatives and bodies usually try to gain additional sources of legitimacy by contacts with or the support of some social groups. Charismatic leaders attain additional legitimacy thanks to their unusual successful actions or personal qualities. The first Russian president, Yeltsin, was elected by the nation in a democratic way after the collapse of communism in Russia that had no tradition of democracy. The country had to go through a transitional period and the main president's task was to establish democratic institutions and defend the democratic development of the country. A high level of Yeltsin's legitimacy from his first term fell down at the end of his second term when economic reforms proved to be a great burden for the society. Putin changed a lot in Yeltsin's policies and, first of all, in the first term stabilized the country economically (when rising prices of exported petroleum and gas helped a lot) and waged war with oligarchs who captured big fortunes under Yeltsin. This way Putin reached a high level of social support and legitimacy. That support for him remained high through both his terms despite the fact that some his actions were not in accordance with the rules of law.

According to scholars' assessment, both presidents of independent Russia – Yeltsin and Putin made use of various forms of legitimization. In case of Putin's period those were legitimation by social support, legitimation by supporting defense and security institutions and, of course, legitimation through the support of the Orthodox Church.

Experts differently understand the term "legitimacy". In one case legitimacy is a form of admissibility, justification of certain action on the basis of its conformity to the standards, norms and values. For Weber, legitimacy is the recognition of legality, its importance, as well as a lawful social order (Weber, 1968, pp. 12–17). In other words legitimacy means the recognition of political system that is the most corresponding to the given society.

In Russia's political culture there is no tradition of democratic elections but there are some elements that may be a basis for liberal political culture. During the Soviet period some elements of real electoral practices were maintained in academic and professional organizations. The Russian Orthodox Church also underlines the importance of spiritual freedom. An interesting thing is Vladimir Putin's engagement in cooperation with the Orthodox Church. For sure Putin's meetings with Orthodox hierarchs and his participation in religious celebrations, as the events that could be seen on television, contributed to the believers' confidence in the president and to his legitimacy. Wójcik in his article points out the following: "In return for the state's care, the Orthodox Church makes use of its prestige to legitimize power in the eyes of the citizens and defend the Kremlin from any attacks. The Orthodox Church reacts nearly to every foreign criticism di-

rected at Putin, particularly as regards obeying principles of democracy and human rights in Russia” (Wójcik, 2007, par. 7). At the very end of the article he also underlines: „An obedient and influential church is Putin’s unconcealed dream” (Wójcik, 2007, par. 19). Analyzing Putin’s meetings with representatives of the Russian Orthodox Church, J. Malczyk from the Polish Press Agency says that such meetings were devoted mainly to convictions about co-operation between the State and the Church. Next he cites Putin’s words: “The State and Church will always have a wide field for co-operation” (Malczyk, 2007, par. 4). A. Malashenko, a political observer, says that by supporting the Orthodox Church Putin receives an additional legitimization (Malczyk, 2007, par. 13).

It is worth noting that “a 1999 poll conducted by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion showed “that the Orthodox Church and the armed forces were the two institutions that Russian citizens most respected (63 percent approval and 53 percent approval, respectively)” (Dunlop, 2001, p. 61). In March 2008 another poll conducted by the famous and respected abroad Levada Centre proved that to a question “How trustworthy is the church, the religious organizations?” the majority (40%) answered “quite trustworthy” [Levada Analytical Center, table 17.1, p. 101]. To a question “What religion do you profess?” the majority (70%) answered “Orthodox” [Levada Analytical Center, table 17.2, p. 101]. 37% of population described themselves as religious, and 32% said they “know God really exists and they have no doubts about it” [Levada Analytical Center, tables 17.4 and 17.5 respectively, p. 102]. In January 2008 to a question “Do you think that church and religious organizations in this country have too much power or too little power?” 45% of respondents answered that the a.m. objects have the right amount of power in Russia. “The number of Russians who identify themselves as Orthodox has doubled in the past decade, with two-thirds of the 140 million population proclaiming the faith – quite a feat after seven decades of official atheism” [Blomfield, 2008, par. 13].

Stuermer said that “an alliance with an Orthodox church, built by Yeltsin and continued by Putin, is the first expression of more and more strong cultural identity. A revival of cultural roots is the second” (Stuermer, 2008, p. 23). “What is the role of religion in this context? It is possible to observe the religious revival worldwide. One day earlier, at the monastery in Zagorsk, newly married pairs and young conscripts in uniforms made a pilgrimage to the holy source, they washed in it their faces and they drank holy water. What will be in future? This reply of Putin was an only moment, when he let himself the personal remark: ‘Russia has always been a very religious country. The family of my father lived in the village near Moscow since the 17th century. Just recent parish registers revealed that my ancestors have always visited the Orthodox Church and they went to confession’. Whether the past has some future? (...) The Orthodox Church was always the moral institution and the ele-

ment of political order. After 1917 ideological context changed, but no other moral institution which would fill the vacuum up turned up. The Orthodox Church suffered a lot, the same as Jews and Muslims, and nobody compensated it for this suffering. The division between the state and the Orthodox Church will exist. But the freedom of religion is a fundamental value” (Stuermer, 2008, p. 62). “Putin is conscious, that one should fill up the post-Soviet spiritual emptiness. His proposal is a blend of history and the religion, stories about the enemy at gates and about the enemy inside walls” (Stuermer, 2008, p. 148).

“In the most general way, after the collapse of the communist ideology we have offered nothing in terms of propagating universal human values. In that sense, of course, religion as a whole, individual confessions and churches do play a huge role in the life of society. We will certainly support everything that is done in this sphere. And of course, we should count on the increased influence of the church in society in the sense that the church must bring and is bringing to society the universal human values which should govern relations among people and between the citizens and the state” [Putin, June 2 2000, From the Transcript of an Interview with the American NBC News Channel].

“And then came Putin, and it was a renaissance. He brought along positive economic changes. Russians began travelling and learning foreign languages. No one had to queue for hours to get regular consumer goods. The gap between the center and the periphery was still drastic, but even the periphery was going better. The political scientists’ assumption that Putin will stop being so popular is all that is taken away makes sense. But there is something else that Putin achieved. Russians now know who they are. They are pride on being a strong country that is feared by many states. Nationalism is a way to go. Orthodox Christianity is respected, and churches attract flocks of new believers. To name kids with traditionally Russian names is now a good idea” (Ershova, 2009, par. 10–12).

“Asked in 1999 which social and political institutions merited trust, only 7 per cent of Russian citizens had full trust in parliament and only 5 per cent in political parties (as compared with 35 per cent having full trust in the Orthodox Church, 25 per cent in the army, and 13 per cent in the mass media)” (Brown, 2001, p. 290).

“The president, a proud adherent, has allowed the Orthodox Church to regain much of its Tsarist-era lustre and has won the enthusiastic support of religious leaders in return” [Blomfield, 2008, par. 5].

Clive Gillis claims that “2002 was a year of triumph for Russian Orthodoxy in regard to Putin. On 6 January (Christmas in the Orthodox calendar) the President made a pilgrimage to Orthodox holy places” [Gillis, 2003, par. 12].

Perhaps, recollecting the first decade of the 21st century, it is necessary to address to history, to Peter the Great, after all at the time of its board there was a new substantiation of legitimacy of Russian power according to

which the powerful did not identify themselves with church, they did not underline their religious basis, they also did not take a great interest in Orthodoxy, and had to it rather a neutral relation, but also in those days power saw in the church more likely a supporter. In modern times, however, the legitimacy of power began to be based on its reformatory achievements. These lines seem similar in the relations between power and the church nowadays. The modern power carries out reforms, modernises the state, its external and internal policy and in the church sees a major support. In Russia the role of the Russian Orthodox Church becomes stronger. At the same time, the Russian state tries to make use of the church process of restoration and preservation of moral values to build spiritual unity of the nation and strengthen the legitimacy of the authorities.

Bibliography

1. Anderson, J. (2007). 'Putin and the Russian Orthodox Church: Asymmetric Symphonia?' Retrieved July 16, 2011, from: <http://www.allbusiness.com/government/elections-politics-politics/8924542-1.html>
2. Blomfield, A. (2008). 'Orthodox Church unholy alliance with Putin'. Retrieved July 16, 2011, from: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1579638/Orthodox-Church-unholy-alliance-with-Putin.html>
3. Brown, A. (2001). 'Public Opinion, Political Beliefs, and the Mass Media. Introduction'. In: Brown, A. (ed.), *Contemporary Russian Politics. A Reader*. Oxford, New York: Oxford University Press.
4. Dunlop, J. B. (2001). 'Sifting through the rubble of the Yeltsin's years', in: Brown (Ed.). (2001). *Contemporary Russian Politics. A Reader*. Oxford, New York: Oxford University Press.
5. Ershova, A. (2009). Putin v. Oil Prices. Retrieved July 15, 2011, from: <http://www.annaershova.com/blog/putin-v-oil-prices/>
6. Gillis, C. (2003). 'The Story of the Russian Orthodox Church and Its New Convert, President Putin'. Retrieved July 16, 2011, from: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=putin>
7. Levada Analytical Center, 'Russian Public Opinion March 2008 – March 2009, Moscow 2009'. Retrieved July 15, 2011, from: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2008>
8. Levy, C. J. (2008). 'At Expense of All Others, Putin Picks a Church'. Retrieved July 15, 2011, from: <http://www.nytimes.com/2008/04/24/world/europe/24church.html?fta=y&pagewanted=all>
9. Malczyk, J. (2007). 'Rosja: Putin podjął na Kremlu hierarchów rosyjskiej Cerkwi prawosławnej'. [Russia: Putin Received the Hierarchs of the Russian Orthodox Church in the Kremlin]. Polska Agencja Prasowa. Retrieved July 16, 2011, from: http://www.money.pl/archiwum/wiadomosci_agencyjne/pap/artykul/rosja;putin;podjal;na;kremlu;hierarchow;rosyjskiej;cerkwi;prawoslawnej,174,0,292270.html
10. Stuermer, M. (2008). *Putin i odrodzenie Rosji. [Putin and the Rise of Russia]*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.
11. Suchanek, L. (2002). 'Trzy obrazy współczesnej Rosji'. W: Hałas, E. (red.). *Europa. Zbliżenia, kontrowersje, perspektywy. [Three pictures of modern Russia, (in:) Hałas, E. (ed.) Europe. Rapprochements, Controversies, Perspectives]*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL.

12. Weber, M. (1968). On charisma and institutional building. Selected papers, edited and with an introduction by S. N. Eisenstadt. London: The University of Chicago Press, Ltd.
13. Wójcik, Ł. (2007). 'Cerkiew państwosławna'. [The State-Orthodox Church]. Retrieved May 19, 2009, from <http://www.irekw.internetdsl.pl/news/upload/fulnews.php?id=47>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРФОРМАНС КАК АКТУАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. Е. Гришин, Н. С. Спасская
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия

Summary. The political performance – is a technology of political activity. The political performance – is a effective political technology cooperation between the authorities and society. Performance – is a new form of expression of civil political position.

Key words: political performance; technology of political activity; political communication.

Изучение технологий политической деятельности в современном политическом процессе – достаточно новое направление в российской политической науке. Сущностные черты технологий политической деятельности заключены в применении политическими акторами средств и методов прагматического достижения целей. Эти технологические элементы политической активности входят в систему упорядочивания политико-прикладной деятельности [6, с. 5].

Развитие любых технологий детерминировано технократическим мышлением, суть которого имеет эмпирико-прагматический характер. Ключевое в технократическом лексиконе слово «эффективность» включает в себе ряд однопорядковых понятий – «успех», «польза», «выгода», т. е. некий запланированный благоприятный исход дела или искомый результат. Истинным в рамках технократического мышления является то, что работает на успех практического действия.

На современном этапе развития форм и видов политической коммуникации возникла необходимость для поиска новых путей взаимодействия между государством и обществом. Традиционные технологии политической коммуникации, каналы влияния и обратная связь от общества к власти утрачивают свою силу и потенциал. На наш взгляд, достаточно новой эффективной технологией взаимодействия (воздействия) выступает политический перформанс (перформанс). Политический перформанс становится актуальной технологией политической деятельности не только за рубежом, но и в России.

К исследованию феномена перформанса и его использования в современных политических процессах, как правило, подходят с позиций некоторых положений теорий политической коммуникации представленных в трудах П. Бурдьё, Д. Грэбера, Г. Лассуэлла, Э. Ноль-Ноймана, Г. Почепцова, Ю. Хабермаса, Р. Шехнера и др.

Наличествуется ряд публикаций, посвящённых сущности и видам перформанса как составной части искусства, представленный работами Ю. Гниренко, Е. Дегтя, Х. Майера, П. Пави, Г. Рейнгольда, М. Фрая и др. Перформанс как направление коммуникации претерпевает изменения как в воплощении, реализации, так и в идеологической составляющей в достижении его целей и задач. В целом, на наш взгляд, политический перформанс как явление современной политической жизни в настоящее время требует дополнительного постижения, выработки оценки его эффективности, адаптации к российским реалиям.

Не претендуя на полноту и всеобъемлемость, рассмотрим понятие и сущность перформанса.

Перформанс – вид визуального искусства в XX веке, в котором произведением являются любые действия художника, наблюдаемые в реальном времени. Перформанс может быть определён как публичный жест (физический, словесный, поведенческий, социальный и т. д.). Перформанс радикально отличен от классического произведения искусства, но в нём могут быть акцентированы разные основания этого отличия – временная длительность, провокативность, социальность, игровой аспект и проч. Перформанс – искусство действия. Нужно донести, поделиться информацией, передать своё внутреннее состояние другому для побуждения активных действий. В случае перформанса «результатом» является определённое состояние зрителя-участника, сопереживающего действие и вовлечённого в него. Результат этот существует лишь «здесь и теперь». Из всех этих характеристик возникает особая роль политических перформансов как способа манифестации политических идей и демонстрации роли своих приверженцев [2].

Перформанс определяется как нечто инновационное, что заменило для современного художника традиционную картину, скульптуру, театральное действие. Работая с теми же объектами искусства, как профанная, предметная среда, человеческие отношения, перформанс выстраивает просто другие отношения с этими объектами. Работая в определённом виде искусства, художник совершает действие (в отличие от жанра, в котором просто определяется тематика), какую-то определённую работу, что заложено в самой основе перформанса [1].

Р. Шехнер определяет перформанс как «деятельность, производимую индивидуумом или группой в присутствии и для другого

индивидуума или группы». Перформансы позволяют вырабатывать единую интерпретацию действительности [5].

Перформанс представляет собой комплексное коммуникативное действие, где становится равноценной как роль действующих лиц, так и самой аудитории. Сущность перформанса проявляется в его функции как способе манифестации политических идей и демонстрации роли своих приверженцев [7].

Таким образом, перформанс не предполагает спонтанности; в нём есть организация и чёткая иерархия; он преследует определённые цели и не рассчитан на случайных зрителей, организаторы выбирают место и время с целью наибольшего воздействия на аудиторию.

Приведём примеры политического перформанса.

Активистки украинского движения FEMEN стали знаменитее многих украинских и российских политиков первой величины только благодаря своей активной гражданской позиции и своим... грудям. Обычными митингами сейчас внимание к себе и к определённым общественным и политическим проблемам не привлечёшь. Общество настолько разуверилось в политике и околополитической жизни, что надо искать новые формы выражения своей гражданской позиции. Одну из таких необычных форм и нашло женское движение FEMEN из Украины. Про политические акции этой необычной организации сейчас говорят больше, чем про действия самих политиков. Причём не только в украинских и российских СМИ, но и в западных [8].

FEMEN приняли участие в манифестации в Риме. Акция под лозунгом «Во имя итальянского народа» собрала на площади Сан-Джованни более тысячи человек, выступающих против главы правительства Италии Сильвио Берлускони и призывающих его немедленно уйти в отставку. Среди участников манифестации, где преобладали флаги Демократической партии страны, оказались и украинские девушки, которые на этот раз появились перед публикой в цветах итальянского флага: тело одной из трёх было полностью покрыто зелёной краской, второй – белой, а третьей, соответственно, красной. Их головы украшал традиционный украинский венок [9].

Анализ показал, что в России перформанс используется в первую очередь как политическая реклама. Так, например, в своё время скандальный писатель и политик, один из лидеров коалиции «Другая Россия» Эдуард Лимонов заявил, что собирается выдвинуть свою кандидатуру на пост президента на выборах 2012 года. Пресс-секретарь Лимонова Александр Аверин не отрицает, что и предстоящее выдвижение на президентский пост многие расценивают именно как политический перформанс. НБП стала первой в России использовать новейшие формы уличной политики, существовавшие ранее на Западе. Это постановка уличных митингов как ярких и театрализованных зрелищ, с множеством флагов, символики и хоро-

вым скандированием лозунгов. Использование политических настенных граффити и «акций прямого действия», с обязательным киданием продуктов питания в политиков, и другого мелкого политического хулиганства. Лимонов делает ставку на скандальные перформансы – метод борьбы в основном европейских левых – как главный вид политической деятельности. Несколько громких и отчаянных «акций прямого действия» – драка на съезде партии либералов «Выбор России» и яйцemetание Дмитрия Бахура в известного режиссёра Никиту Михалкова приносят НБП сразу же широкую известность. В отношении таких личностей, как Эдуард Лимонов, всегда мнение двойное: то он молодец, что активно участвует в политической жизни и сотрясает скандальными перформансами спокойную жизнь политиков. Скандальный перформанс имеет целью саморекламу, повышение рейтинга. Задача его – наделать шума. Этот вид перформанса не способен побуждать к действию и действует в рамках своих интересов [4].

То, что политики учатся актёрскому мастерству и стараются по максимуму использовать их «технологии», давно не секрет. У каждого политика есть своя команда по созданию «образа». Эти команды помогают вживаться в роль. Но с недавнего времени мы наблюдаем интересные «перемены мест»: политики идут в актёры, а актёры в политику. Примеров множество, и порой есть удачные. Много актёров, режиссёров, спортсменов стали депутатами. Некоторые претендуют даже на пост президента. Так, например, актёр Иван Охлобыстин устроил концерт-перформанс на одной из больших сцен Москвы. Концерт в виде лекции, проповеди. Он вышел к зрителям со своей «Доктриной 77», в которой предлагал путь развития нашего государства и общества [3].

Использование политического перформанса даёт определённую гарантию привлечения внимания аудитории к политическим проблемам, предсказуемости, основы моделируемости политической деятельности.

Опишем технологичность политического перформанса.

На наш взгляд, политический перформанс для эффективного достижения своих целей должен обладать следующими характеристиками:

- развитием действия во временной последовательности;
- эмоциональностью разворачивающегося акта;
- игровым моментом действия;
- наличием сценария;
- присутствием конечных целей акции;
- актуальностью действия;
- как правило, протестным характером акта;
- определённой эстетичностью и эпатажностью;
- доступностью донесения смысла акции до аудитории;

- фиксацией на материальные носители и т. п.

Итак, на данном этапе своего формирования политический перформанс как актуальная технология политической деятельности весьма востребован и требует своей систематизации и определения его закономерностей. По мнению некоторых исследователей, он может быть не просто каналом связи, не просто методом воздействия, а «третьей силой» в отношениях власти и общества. Следствием обратной связи при его использовании могут быть: формирование новых социально-политических взаимоотношений, поиск политических единомышленников, косвенное подтверждение имеющих существенных расхождений во взглядах или чёткое определение политических противников.

Библиографический список

1. Гниренко Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства // Искусство России. – URL: http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/#first. – Дата обращения: 26.01.2012.
2. Деготь Е. Статья Performance – искусство действия // Декоративное искусство, № 5. – URL: <http://visaginant.narod.ru/POST/perf.htm,1991>. – Дата обращения: 26.01.2012.
3. Доктрина 77 Ивана Охлобыстина // Православие и мир. – URL: <http://www.pravmir.ru/doktrina-77-ivana-oxlobystina-polnyj-tekst>. – Дата обращения: 26.01.2012.
4. Лимонов примеряет фартук кухарки, управляющей государством // Свободная Пресса. – URL: <http://svpressa.ru/politic/article/5217>. – Дата обращения: 26.01.2012.
5. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. – М. : Москва, 2005.
6. Технологии политической деятельности: опыт, проблемы, приоритеты / под общ. ред. О. Е. Гришина, Г. И. Авциновой. – М. : РГСУ; АПКИППРО, 2011.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия – М. : Изд-во Наука, 2006.
8. FEMEN – искусство политического перформанса // Культурология. РФ – Блоги. – URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/search/?query=FEMEN>. – Дата обращения: 26.01.2012.
9. FEMEN разделись в Риме против Берлускони // Обозреватель. – URL: <http://obozrevatel.com/abroad/femen-razdelis-v-rime-protiv-berluskoni.htm>. – Дата обращения: 26.01.2012.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПАРТИЙ В РУНЕТЕ

Е. В. Аверьянова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. Article is devoted to political technologies of political parties in Runet. Parties create their own websites and online TV. They use social networks: create their own groups and involve citizens in public events.

Key words: political technologies; political parties; Internet.

Стремительное развитие Интернета в начале XXI века оказывает влияние и на политические технологии. Он даёт партиям большие возможности в работе с электоратом: проведение онлайн-конференций, обсуждений на форумах, распространение листовок, видео- и аудиороликов. В последние годы у всех основных политических партий России появились собственные Интернет-сайты. При создании сайтов важен яркий, красочный графический дизайн с характерной для партии цветовой гаммой. Обязательные элементы – информативность и оперативность размещения информации, идеологическая наполненность, интерактивность (например, политические игры). Необходимо также наличие обратной связи – опросы на сайте, раздел «Письма читателей») [1, с. 341–350].

Интернет позволяет решить проблему доступа для оппозиционных партий в СМИ: традиционные виды СМИ – государственные телеканалы и газеты нередко, особенно на местном уровне, замалчивают деятельность оппозиции и являются по сути пиар-структурами местной власти. Расширяется возможность осуществления телевещания через Интернет – интересен, например, проект «КПРФ ТВ» (kprf.tv), обозначенный его создателями как Интернет-телеканал. Здесь размещаются видеорепортажи об акциях КПРФ, интервью с лидерами, документальные фильмы и т. д.

Конечно, остаётся проблема раскрутки Интернет-ресурсов партий, т. к. при бесцензурности и доступности Интернет-пространства количество сайтов настолько велико, что существует проблема привлечения посетителей и превращения их в постоянную аудиторию данного ресурса.

С середины 2000-х годов в Рунете обретают популярность социальные сети, среди которых самая посещаемая – «ВКонтакте». Партии также обратили внимание на социальные сети, создав в них свои группы, а также осуществляя через них привлечение граждан на мероприятия.

В Казани, например, можно отметить следующие яркие эпизоды привлечения жителей города к участию в акциях протеста через социальную сеть «ВКонтакте». Одной из первых была Всероссийская акция гражданского протеста «День народного гнева» 20 марта

2010 г. Эта акция была организована в Казани силами большого количества оппозиционных организаций и отдельных граждан и имела определённый резонанс. При проведении были применены Интернет-технологии – была создана группа данной акции в социальной сети, и молодёжи из Татарстана, чьи страницы есть «ВКонтакте», рассылались приглашения вступить в группу и принять участие в митинге. В итоге на акцию вышло несколько сотен человек – это хороший результат для Татарстана, в котором митинги оппозиции, как правило, отличаются малочисленностью.

Но наибольшее количество участников в Казани было привлечено на митинг 10 декабря 2011 г. «За честные выборы» – в том числе посредством агитации в социальной сети удалось вывести на улицу полторы тысячи человек, преимущественно молодёжь – возрастную группу, не отличавшуюся ранее большой политической активностью. Позднее были проведены ещё несколько массовых митингов. Инициативной группе по проведению данных митингов удалось даже осуществить сбор средств на организацию публичных мероприятий через «Яндекс-кошелек».

Библиографический список

1. Политические коммуникации XXI века : материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Г. В. Морозовой. – Казань : ЦИТ, 2006. – 360 с.

ПОНЯТИЕ «НРАВСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ» И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» ГЛАЗАМИ ИЗБИРАТЕЛЯ

Р. С. Лунёв

Смольный институт Российской академии образования,
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. Socialism – social system type at which combination of private, public and state interests has fair and moral character. Moral combination of private interests with public and state is a basis of a new direction of development of socialist movement in Russia and abroad – a moral socialism.

Key words: «a moral socialism»; party «Fair Russia»; a family; young generation.

«...именно для России, с нашими раскаяниями, исповедями и мятежами, с Достоевским, Толстым и Кропоткиным, один только верный социализм есть: нравственный! И это – вполне реально».

А. Солженицын. Раковый корпус

Зададимся вопросом: что такое «нравственный социализм»? Много размышляя и дискутируя на эту тему, мысленно выходишь к транскрипции двух понятий: «социализм» и «нравственность». Итак, «социализм» (в переводе с фр. *socialisme* от лат. *socialis* «общественный») в разных источниках (энциклопедиях, узкоспециальной литературе и др.) представляет собою учение, выдвигающее в качестве цели и идеала установление общества, в котором:

– отсутствуют эксплуатация человека человеком и социальное угнетение;

– утверждаются социальное равенство и справедливость, а также общественный строй, воплощающий эти принципы.

В сегодняшнее бурно развивающееся время некоторые партии, в частности КПРФ, «Справедливая Россия», некоторые общественно-политические движения, так или иначе, в своих идеологических тезисах апеллируют понятием «социализм», которое в своей сущности у разных мыслителей и общественников представляется как уничтожение или ограничение частной собственности, всеобщее равенство. В качестве же путей достижения справедливости за основу берётся упразднение частной собственности при сохранении личной. Предполагается замена капиталистических предприятий кооперативами, создание коммун, внутри которых всё будет общим (социалисты-утописты), создание государственной системы социального обеспечения и т. д. В настоящий момент одной из наиболее ярких и весомых по своей значимости партий «нового социализма» является «Справедливая Россия», которая отстаивает курс на построение в стране социализма. В отношении этого ведутся долгие дискуссии, а

также бытуют мнения о том, что, скорее всего, лидер и духовный наставник партии С. М. Миронов выполняет поставленную ему «свыше» задачу. Но, это всего лишь реплики, слухи и заблуждения...

Одной из параллельных понятию «социализма» противостоит система «капитализма», то есть экономическая система производства и распределения, основанная на частной собственности, всеобщем юридическом равенстве и свободе предпринимательства. Различия социализма и капитализма понимаются, прежде всего, как различия экономического характера, которым подчинены политический и идеологический строй каждой из «общественно-экономических формаций».

В действительности же во всём этом находит своё выражение нравственность власти, которая осуществляет управление жизнью общества. В результате этого возникает конфликт в обществе по вопросу: «строить социализм либо капитализм»? В результате этого возникают спорные (или дискуссионные) сопоставительные моменты: что капитализму характерна безнравственность, а социализму нравственность. Заметим, что «нравится» и «нравственность» – это слова однокоренные. У них один корень – «нрав», который по исторически сложившейся транскрипции (от древне-славянского слова «нравъ») представляется в следующем смысле: «... одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: Ум и Нрав слитно образуют Дух (душу, в высшем значении). К нраву относятся, как к понятию подчинения: воля, любовь, милосердие, страсти и пр. (что чему подчиняется??? – ред.) А к уму – разум, рассудок, память и пр. Согласный союз нрава и ума, сердца и думки, образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведёт к упадку. В животном не может быть такого разлада: там нрав и ум, воля и рассудок слиты нераздельно в одно в побудки (инстинкт); и человек должен достигать такого же единства, но высшим путём: убежденьем, обузданьем страстей и умничанья, сознанием долга [3].

Отметим, что «нравъ» – общее выражение свойств человека, постоянных стремлений воли его. Также это характер. Нрав может быть тихий, кроткий, буйный, крутой и пр. Он может обозначать свойства целого народа, населения, племени, не столько зависящие от личности каждого, сколько от условно принятого: житейских правил, привычек, обычаев (больше говорят «нравы») [3].

В свою очередь понятие «нравственность» имеет следующее обоснование: это есть внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле – в отличие от морали, которая является внешним требованием к поведению индивида, наряду с законом. Православие, к примеру, считает, что нравственность или законы свободной воли записаны внутри нас, но за время нашего «отлученного» (после грехопадения) существования сильно изменились. Так, под «нравственным человеком» мы будем понимать

противопоставление плотскому, телесному, то есть существо духовное, душевное. По некоторым слухам и высказываниям, нравственный быт человека намного важнее быта вещественного.

Таким образом, нравственный социализм – это общество нравственных традиций, которые поддерживают баланс духовных и материальных ценностей, обеспечивают благополучие всех граждан. Нравственный социализм обеспечивается обучением детей, молодежи и взрослых искусству ориентации в сложных социальных ситуациях [1]. По нашему мнению, социализм безнравственным быть не должен! Правильный социализм может быть только нравственным. А нравственное устройство жизни предполагает торжество справедливости в отношениях между людьми.

Вехи истории, как известно, не безмятежны, но круговорот событий обратим. С нашей точки зрения, мы обязательно рано или поздно должны зачать и построить в нашей стране нравственный социализм, а также установить справедливость в обществе. И, именно тогда все люди будут жить достойно, счастливо, в мире и согласии как внутри своего Отечества, так и с другими странами и народами.

Для «Справедливой России» основная цель – строительство государства с «правильным социализмом», «новым социализмом» и т. д. Идеология этой партии подразумевает социальную защиту простого народа, устранение большой разницы в доходах населения, и многое, многое другое.

Как избиратель я критически и с долей негативизма отношусь к высказываниям некоторых коммунистических лидеров в отношении политико-ценностных основ «Справедливой России» (например к использованию термина «небритый социализм» и др.) Это неверный путь! Хочу отметить правильность и точность намеченной цели и установок партии. Это проявляется в идеологической сущности и принимаемых мерах по построению «нового социализма», а именно:

- 1) прогрессивное налогообложение;
- 2) эффективное трудовое законодательство (профсоюзная политика);
- 3) *и самое главное – мощная социальная защита населения.*

Это единственно правильный способ для России – идти по пути к построению социализма XXI в., который всей своей деятельностью направлен на благо человека, на благо своего народа, на благо своего Отечества.

Поддерживая начинания и стремления в социальной сфере, в сфере социализма с человеческим лицом («нового социализма»), «Справедливая Россия» выступает за повышение пенсий (преимущественно за счёт введения единовременного компенсационного налога). Это справедливо!

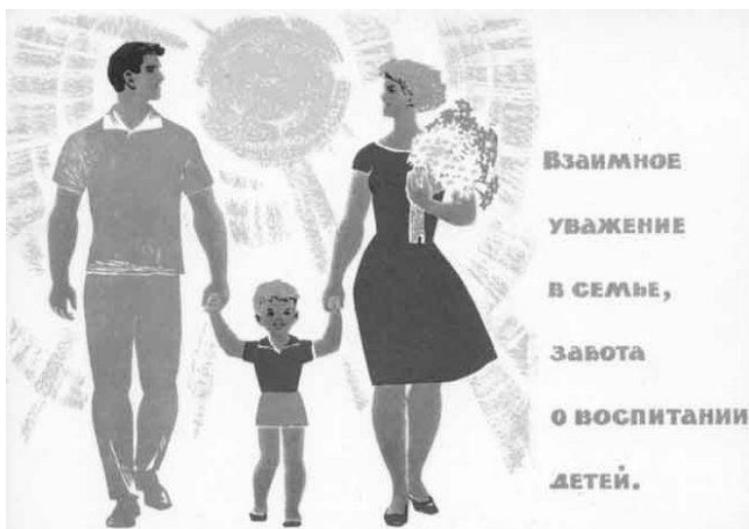
Следует незамедлительно осуществить программу развития досуговых, образовательных и реабилитационных центров, оказа-

ния социальной помощи по месту жительства, внедрить систему бесплатного медицинского лекарственного обеспечения, а также другие программы, облегчающие повседневную жизнь пожилых людей. Всё это – правильная идеология партии.

Наиболее насущными сегодня являются проблемы подрастающего молодого поколения или, как принято сейчас говорить, «поколения next». Считаю нужным отстаивать справедливую политику в отношении молодого поколения, что означает предоставление всем молодым людям, независимо от их социального, культурного и этнического происхождения, равных стартовых возможностей вхождения в профессиональную и общественную жизнь. В этой связи «Справедливая Россия» оказалась небезучастной, отстаивая обязательства государства в отношении молодёжи (молодёжная политика) и её гражданских прав.

Как педагог и практик по семейному воспитанию я имею свою точку зрения в отношении «ячейки общества» – семьи, являющейся социализирующим фактором развития гармоничной личности. В настоящее время семья лишена государственной поддержки. В самом бедственном положении оказались молодые и многодетные семьи. Нежелание вступать в брак; отказ от материнства и отцовства; рост числа разводов, неполных семей; родителей-одиночек; брошенных детей угрожает будущему нашей страны. Поэтому выступаю «ЗА» инициативу партии по принятию отдельных законов, например: «Об основах государственной семейной политики», законов поддержки материнства и детства и пр. Рождаемость, смертность, средняя зарплата, уровень преступности, разного рода девиации, и другие социальные показатели должны стать критериями оценки работы федеральной, региональной и местной власти; внедрение выше перечисленного механизма, можно считать прописными истинами «нового социализма» – социализма с человеческим лицом, «правильного» социализма.

Итак, в основу всех социальных и экономических расчётов мы

ставим полную семью с несколькими детьми, а не отдельного работника, как это делается сейчас. Здесь, как избиратель, с полной уверенностью и чувством патриотического поддерживаю «Справедливую Россию». Заслуживает положительной оценки политика осуществления широкомасштабных государ-

ственных программ строительства социального жилья и предоставления беспроцентного кредита на покупку квартиры (например для молодых семей).

Сегодня одним из вопиющих вопросов является состояние здоровья населения – нашей нации, которое быстрыми темпами продолжает ухудшаться. Продолжительность жизни россиян крайне низкая. Не решён вопрос о доступности для широких слоёв населения высокотехнологичных медицинских услуг. Совершенно недостаточен государственный контроль над соотношением стоимости медикаментов и платёжеспособности населения, над оборотом и качеством лекарственных средств. Это, можно сказать, одна из насущных проблем! Как избиратель (и человек солидарный с некоторыми политическими тезисами партии) отдаю предпочтение «Справедливой России», выступающей за осуществление перехода к новой системе организации здравоохранения, сориентированной на достижение конкретных целей: снижение смертности, заболеваемости, повышение продолжительности жизни.

Следует отметить, что в последние годы политические силы социалистической направленности осмыслили пагубность либерального пути в нашей стране и приемлемость становления на рельсы социалистического общества, в результате чего под знамёна «Справедливой России» встали партии: «Родина», «Партия пенсионеров», «Народная партия», «Конституционно-демократическая партия» и др. (всего 9).

Библиографический список

1. Нравственный социализм. URL: <http://socialism.ucoz.com/index/o-8>.
2. Толковый словарь В. И. Даля. URL: <http://slovardalja.net/>.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году**

5–6 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-15-4-12).

10–11 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-16-4-12).

15–16 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-17-4-12).

20–21 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-18-4-12).

25–26 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-19-4-12).

5–6 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-20-5-12).

10–11 мая 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения»** (К-21-5-12).

15–16 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-12).

25–26 мая 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-12).

1–2 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-12).

3–4 июня 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Текст. Производство. Читатель»** (К-45-6-12).

5–6 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-12).

10–11 сентября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-12)

15–16 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-12)

20–21 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-12)

1–2 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-12)

5–6 октября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-12)

10–11 октября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-33-10-12)

15–16 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-12)

25–26 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, со-**

циально-политическое и социокультурное развитие регионов» (К-36-10-12)

1–2 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия» (К-37-11-12)**

5–6 ноября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии» (К-38-11-12)**

10–11 ноября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы» (К-39-11-12)**

20–21 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования» (К-41-11-12)**

25–26 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы» (К-42-11-12)**

1–2 декабря 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях» (К-43-12-12)**

5–6 декабря 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии» (К-44-12-12)**

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза,

Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.ucoz.ru> в PDF-формате.

УДК 94(470)»17/18»

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Республика Хакасия, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.

5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: **ООО Научно-издательский центр «Социосфера»**
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза

ОГРН 1095837003239

ИНН 5837042277

КПП 583701001

БИК 045655722

к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области

Платеж: **ФИО автора**

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosfera@yandex.ru

Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.

Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премииум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

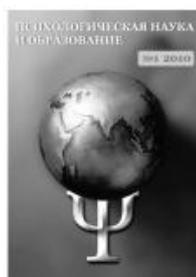
Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- + Удобно
- + Выгодно
- + Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГНПУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский) государственный университет
Academia Rerum Civilium –
Высшая школа политических и общественных наук

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ФЕНОМЕНОВ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

Материалы международной научно-практической
конференции 10–11 марта 2012 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор Е. Ю. Данилина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 26.03.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-из. л. 9,65 п. л.
Усл.-печ. л. 8,98 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 14/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphaera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09